

18+

Александр Александрович
Стребков

Не потеряй себя

Александр Александрович Стребков

Не потеряй себя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64092091

ISBN 9785005330840

Аннотация

Роман основан на реальных событиях, с реальными персонажами. Все имена и фамилии изменены. Роман носит приключенческо-драматический характер. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

НЕ ПОТЕРЯЙ СЕБЯ

8

Конец ознакомительного фрагмента.

210

Не потеряй себя

**Александр
Александрович Стребков**

Благодарности:

Андрей Александрович Стребков

© Александр Александрович Стребков, 2021

ISBN 978-5-0053-3084-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Стребков Александр Александрович.

Родился на Кубани в 1950 году в селе Глебовка Кущёвского района. За свою жизнь сменил несколько профессий: был во-енным, железнодорожником, строителем и предпринимате-лем.

От автора.

Ранее были изданы романы в микротиражах и за счёт автора:

«Курай – трава степей», «Жизнь – жестянка» – в 2-х книгах,

«Жить запрещено», «Пропавший дилижанс». Роман «Не потеряй себя» – произведение автобиографическое, с лирическо-

сатирическими фрагментами, с уклоном в патриотическую

направленность, и с духовно-идейной пропиткой текущего момента, каким считал себя главный герой романа Костя Константинов. Роман является, в какой-то мере, всё той же тематики:

предпоследнего десятилетия в стране «развитого социализма», который напоминал карточный домик, и который вдруг зашатался, после чего дал косину, поколыхавшись, словно пытаясь удержаться на своём месте, – рассыпался в прах!.. И это было —

«Начало... конца!..». В романе полностью отсутствует вымысел, как таковой: прототипы персонажей и главных героев произведения взяты из реальности; многим положительным героям

произведения сохранены их подлинные фамилии, имена и клички. Все события присутствовали в жизни и описаны достоверно, и лишь в некоторых местах, в отличие от чер-

новика опи- сание событий сокращены и сжаты по причине объёма произве- дения.

НЕ ПОТЕРЯЙ СЕБЯ

Роман.

Ростовские акварели: Прелюдия к симфонии для скрипки с оркестром – «Начало».

Что там, за ветхой занавеской тьмы? В гаданьях запутались умы.

Когда же с треском рухнет занавеска, Увидим все, как ошибались мы.

(О. Хайям.)

Предисловие.

Улицей Пушкинской, в городе Ростове-на-Дону гордились во все времена, – да собственно и гордиться по праву было чем!.. не улица, а оазис духовной, в какой-то мере интеллектуальной жизни города. Отсутствие скопления народа, транспорт здесь ходит крайне редко; посреди улицы тянется зелёный бульвар с

удобными для отдыха лавочками. Даже выйдя со своего двора и потратив какое-то время, сидя на скамейке: человек в душе чувствовал близость к природе, а будущее – оно начиналось с этой минуты, вопреки тому, что мысли устрем-

ляются каждый раз в

далёкое прошлое. Тот год, с которого нам предстоит начать рас- сказ, был необычным даже в понимании простого народа. Год был юбилейный – 1967-й, а значит, ровно пол- века со дня Ок-

тябрьской революции: потому и отмечать собирались не на шут- ку – широко! чтобы весь Мир услышал, увидел и запомнил. До

праздника было ещё целых два месяца. Вывешивались плакаты и транспаранты на стенах домов, на предприятиях гнали по пол- тора-два плана за смену, выдавая на-гора если не угля, то, в крайнем случае – породы и ширпотреба, от ко- того как-то уж

сильно исходил тлетворный запах отсталости, – но пусть отста- лая, всё-таки экономика!.. – чем вообще никакой! По- путно, бра- ли новые обязательства на будущий год, на вся- кий случай и на очередные лет пятьдесят: свершить ещё больше, выполнить и

перевыполнить задание партии! Мужики в отличие от слабого

пола были поскромнее и по сути своей народ консерватив- ный. В передовики?!.. Нет уж, увольте!.. – редко, кого заста- вишь жилы рвать и стремиться впереди всех: «Будет деньга – дам вам хоть три плана, а если нету – тогда я пошёл в свою забегаловку свой

план выполнять!...». «Дунькины фабрики» – обувные,

швейные и всякие текстильные: те из кожи лезли — глаза на лоб! Но старались угодить начальству, — сказано, женщина на дурную работу готова себя костями положить! Завянет, скукожится, сторбатится, но план всё-таки выполнит и перевыполнит. Иной раз кажется, что, если бы не женщины советской власти ни в жизнь не

продержаться бы столько лет, ибо в отличие от мужиков они

поголовно искренне верили большевикам и той сказке, которую им в уши вдували. Жаль, конечно — именно женщин! ибо по

жизни они всегда верили мужикам, а те на каждом шагу их подло обманывали!..

Выше сказанное — это обратная — плохая сторона медали и как мы знаем, она имеется в любой стране без исключения, но было много и хорошего, и доброго. Новый Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев всего-то три года как пришёл на вершину власти. За столь короткий срок своего правления, успел

— в отличие от своих предшественников — сделать многое, даже

очень многое! К тому же, не применяя кровавый метод концлагерей и бесплатный рабский труд миллионов зеков ГУЛАГа, как, впрочем, и крепостных жителей сельской местности — колхозников, которые до него так и оставались, по сути, в рабстве. Впервые за всю историю России, вклю-

чая и время монархии, простой народ, это десятилетие начал жить – мал малу, с натяжкой, но

по-человечески. И что бы там не кричали всякие заумные «де- мократы» и «аналитические пропагандисты» в облике шакала из сказки о Маугли: «А мы пойдём на Север, а мы пойдём на Се- вер... – правда, Шархан?..» – последыши-выкидыши – «пере-

стройщики», которые «Кинули!..» притом сразу скопом! весь

советско-российский народ, как последних лохов на базаре ки- дают барыги, а после всякие иные перерожденцы – прославляя тех, кому они на данный момент служат. Попутно, гундося про какой-то там «Застой». На самом деле, всё это является бредом сивой кобылы и рассчитанный на необразованных, довольно

глупых и тупых людей, которых к великому сожалению слишком много в стране, а вот Статистика – наука из наук! она всегда бес- спорна в отличие от всех остальных, которые за тысячи лет уда- лось придумать человеку. И именно Статистика – с большой бук- вы – всегда и во всём ставит последнюю жирную точку в любых спорах. Одним глазом заглянем и сделаем небольшой экскурс в то десятилетие в цифрах. За первые десять лет правления Бреж- нева объём производства в СССР увеличился на 50% – такие по-

казатели ни одной стране мира даже не снились! Национальный доход в стране увеличился на 41%, а после Брежне-

ва, у после- дующих «вождей» разговор пойдёт, уже о 4 или 6% перейдя на минус. Производительность труда в стране выросла на 37%.

Производство промышленности во всей стране выросло на 50%. Построено было 1900 крупных промышленных предприятий!.. Это вам не «Перестройку» полоумную объявить, а следом Ар- мию уничтожить, о чём давно мечтали на Западе уже сотни лет; попутно свою страну в нищету вогнать и превратить во что-то —

подобие стран третьего мира. Британская сырьевая колония только в современном виде, по сравнению в прошлом с Индией.

При этом нагло сказать, — что так и было!.. Крупнейшие Братская и Красноярская – ГЭС и Атомные электростанции, а вместе с ними: крупнейшая в мире Единая энергетическая система Евро-

пейской части страны. Волжский автогигант (ВАЗ), Набережны- Челны – КАМАЗ, БАМ, Останкинская телебашня, как самое высокое на тот день сооружение в мире. Ну, что – Слабо?!.. хотя бы часть из всего перечисленного потянуть?! Не говоря уже о том, что в то десятилетие – сильнейшей армии, чем Советская армия, на тот момент в мире не существовало. Да всего перечислять

слишком долго и сложно, пришлось бы справочники листать. Но самое главное – это уровень жизни населения в СССР вырос не в два три раза, а в **разы! Уверен-**

ность в завтрашнем дне! Население страны увеличилось **на 18 миллионов!!!** Развёрнуто было массовое жилищное строительство, и выдали наконец-то колхозникам паспорта. Вселившись, в новую, к тому же бесплатно

полученную квартиру простой рабочий и крестьянин, впервые мог себе позволить приобрести, начиная от электроутюга, телевизора, радиоприёмника с проигрывателем для грампластинок, мебели и холодильника, до тяжёлых с коляской мотоциклов и легковых автомобилей. Присутствует в этом и такая деталь, возможно, для многих вырожденцев и неприметная. Власть впервые за всю Российскую историю не обирала до нитки бедноту и нищий народ, до этого времени стоящий на папёрты с протянутой рукой. В последующие годы, словно навёрстывая упущенное

«демократы-оборотни» обдерут народ как липку – до голых костей, а шкура и лыко – лапти плести – уйдёт за кордон. Можно было бы и дальше перечислять, полистав хорошенько и изучив цифры статистики, но, чтобы утереть нос тем, кто не способен, даже на тысячную долю достоверных достижений, вполне хватает и этих аргументов. По сути, это десятилетие смело можно назвать «Золотым» во всей истории России начиная от самого Рюрика, как и для народа в целом. А вы говорите Застой! Таких бы застоев да почаще – на века! О нём ещё не раз вспомнят и

скажут намного правдивей. Со сцены и экрана телевизора пародировать и смеяться над человеком уже покойным,

а ранее в

1976 году перенёсшим клиническую смерть низко и под-
ло! К тому же, он во время войны все четыре года находился,
не пря- чась в Кремлёвских палатах, а в окопах рядом с сол-
датами на фронте. Над-этим смеяться, может только человек
недалёкий и тупой. Грешно по-христиански! К тому же, сде-
лано явно по зака- зу и науськиванию с верхов! Сами не спо-
собны с экономикой в родной стране справиться – уступи
нелёгкое место другому «ца- рю» – к сожалению, заведомо
непредсказуемому, но стражду-

щему власти и, возможно, если «повезёт» всем в очеред-
ной раз, более опытным окажется в этом деле. Случаи хоть
и редко, но ведь присутствуют в Истории несчастных, Бо-
гом проклятых лю- дей. Что касается непосредственно на-
шей страны, то всегда по- лучается не так как надо! Для яс-
ности читателя, мы сможем

привести вам примерный сценарий, каким способом зача-
стую приходят к власти «сильные мира сего». И начать при-
дётся от Рюрика, а то ещё и от древних славян. Собралась
как-то, ка- жись!.. прямо до кучи, всем скопом, никого не за-
быв, Боярская

Дума в палатах Кремля. Зачем собралась?.. – спрашиваете... – Да Царя ж выбирать!.. Не брагу ж медовую пить, они
её кажий бо- жий день вёдрами в те времена хлебали; а, мо-
жет и назначать, там уж как получится:

– Надо такого на престол посадить, – сказал самый

старший дьяк в одночасье в боярина превратившийся. Да и кто бы поду- мал?!.. ящё и в тройном княжеском звании – ящё от самого Рю- рика!.. А на самом-то деле – рождён был развратной дворовой

девкой Парашкой, которая нагуляла его от Прошки опричника из шайки Малюты Скуратова. А дальше – этот боярин, ну тот, что в тройном княжеском титуле, сказал:

– Царя такого выбирать край надо, чтобы управляемый был, а в случай чаго и скovyрнуть большого труда не составило!.. Пусть будет круглый дурак, полоумный какой-то – тем даже лучше для нас, а со страной мы как-нибудь и сами справимся!..

Посмотреть со стороны – так можно было подумать, – давным, давно, в Рассее все в Раю должны были жить, но за всю её Историю, столько заумных и знаменитых государственных дея-

телей поразвилось, а после бесследно исчезло в небытие, что во всём мире, вместе взятом, столько и прославившихся личностей не набрать. И как ходил народ в лаптях столетиями – так, навер- ное, и по сей день ходил бы – да лапти плести и те разучились!..

«...Зачем голову ломать и деревья портить, купим готовые чувя- ки за кордоном, если не у турков – врагов наших исконных, – то вон китайцы – на все руки мастера!..» – Сказали государственные умы, потому как одни они да деятели в области военных знаний в стране остались, ибо ничего

другого – как воевать, убивать, по-корять, отнимать, делить, свой народ истреблять и присоеди-

нять земли других народов – другим ремеслом никто не интересовался со времён Киевской Руси. На то она и Ду-ма боярская!

Считай, вчера, чухонцев (финов) и за людей-то с натяжкой вос-принимали, а они возьми, и утёрли нос прославленной Рассее. Простой народ-то судит не по тем показателям: сколько за один раз людей сможешь убить и угробить, а по уровню их жизни.

Если здраво на всё это посмотреть со стороны, то тут же появля-ется мысль. Все без исключения полоумные правители – в этом безумном Мире спят и даже во сне видят и не дождутся, когда же, наконец, учёные придумают и создадут такую бомбу, – что-бы она так жახнула, после чего от матушки Земли одни ошмётки разлетелись. Так и хочется сказать, – так в чём же дело?! – себе-рите до кучи всё ядерное оружие вами полоумными наштампо-ванное и взорвите, чтобы уже раз и навсегда покончить с этим

безумием. И что удивляет!.. Сколько не ищи в Истории мира за последнюю тысячу лет: хотя бы одного нормального главу госу-дарства, к сожалению, таких там не присутствует, а если и были, как, к примеру, Улугбек: прикончат, удавят, зарежут, отравят —

своё же близкое окружение. То, что они сами себя хвалят и по-добных себе идиотов «великими» называют – это в рас-

чѐт мож- но не брать, это для тугодумов, которые в церкви на коленях

стоят и выпрашивают у Бога пропуск в Рай! Те – из Думы бояр- ской – в церковь ходят за редким случаем и то по- пьяне – слу-

чайно попадают. Но вот они выбрали очередного царя: то какой- то маньяк, дальше наткнѐтесь на эпилептика – от рож- дения, а то

и душевнобольного – шизофреника, то алкаш конченный, кото- рый чуть было и трон свой не пропил! Дальше смот- ришь – по- шли: горе-вояки и гомосексуалисты, которых как-то раз один

«царь» пидарасами обозвал или, если и попадаетсся, как говорят,

– ни себе – ни людям, так бабник последней стадии раз- врата – этому не до государственных дел, – юбок полный зал!... Эти так называемые «великие» в образе садистов, уби- вающие своих детей, о чужих отпрысках и говорить не при- ходится. Сживая со

свету одну жену за другой, принимая участие в пытках и казнях. То шизофреник, то любитель самолично головы людям отру-

бать. А в Англии в своё время отыскался король слабый на зад- нее место, которым на троне обычно сидят, но он думал иначе – за это и поплатился. Взяли в руки железный шворень. Раскалили добела, и вогнали по самую, что ни есть

рукоять в то место, что- бы от слабины избавить. «Не сотвори себе кумира» – для любого главы государства – это высказывание актуально. Если у тебя кумир – будь то: Аттила, Чингиз-Хан, Иван-грозный, Пётр-

первый, Наполеон, Ленин, Сталин или Гитлер, – значит, нет у те- бя, не то что взгляда на вещи, но и ума, ибо будешь повторять чужие – те же порочные и преступные ошибки. Господи!.. – да разве всего можно перечислить, что они творят и что за ними

стоит?! Потом всё засекретили. Придумали всякую чушь оправ- дательную, по поводу того, что только им известно, а сколько

скрыть удалось?! В конце концов: великим государственным деятелем вдруг стал. А холуи подковёрные – рады стараться,

недолго думая, в ладошки захлопали и самым великим и умным

«вождём» объявили во все времена и века: не забыв памятни- ков везде наставить. И так из столетия, в столетие. Утвердив- шийся взгляд на окружающий нас Мир, в современном обще- стве, – что этим миром правит дьявол, как ничто другое под-

тверждает истину того, что в реальности происходит вокруг нас с вами во все века. Если бы это было не так, то к власти во всех

странах без исключения приходили бы люди совсем дру-

того склада ума и поступков...

Война, – как говорили классики коммунистического учения,

хотя вряд ли, чтобы они это сказали первыми, – есть продолжение всё той же экономической политики только иными способами. На оконных витринах советских магазинов на тротуар

смотрели манекены в элегантных костюмах, модных сорочках и прочих прибабусах начиная от галстука. Заходишь... – в любой: кирзовые сапоги, халаты, фуфайки и костюмы хрущёвской эпохи, которые даже деды не желали носить. Но это, всё-таки, была

экономика. Потому кругом цирк и обман. Живём в сырьевой колонии, – как мы уже сказали, – современного типа – вторая

Индия 21-го века, и даже не подозреваем этого!.. Это, что касается нас, как было, но почему в мире до сих пор за все эти тысячелетия всё окончательно не рухнуло? – спросим себя. По одной очень простой причине: игра для того, кто это затеял, слишком

занимательна и интересна. Но!.. до определённого времени! Наиграется, набалуется – одним мановением взгляда или мысли, или что там ещё у него, сотрёт, смешает, переколдобасит все стекляшки калейдоскопа, что уже неоднократно случалось на

Земле и подтверждено археологическими изысканиями.

А пока что можно радоваться; кому-то с нетерпением ожидать появления на свет божий «великого» и любимого «гениального» во- ждя, в образе доброго царя батюшки, правда, наперёд хотим особо предупредить, что, как и в прежние времена: следующий правитель будет ничем не лучше других предыдущих и повторит одни и те же ошибки. А мы тем временем немного успеем рас-

сказать о жизни простых смертных, которые по праву и своей

сути стоят гораздо ближе к Богу, чем эти так называемые – «великие» Мира сего, ибо о тех, о ком мы собираемся вам рассказать, головы топорами людям не рубят и детей не убивают.

Ноктюрн.

Было начало сентября; и погода сентябрьская на дворе стоя- ла: тихо кругом, ни ветерка, не жарко как в прошлом месяце —

сидишь на лавочке, как в раю, — и жить дальше хочется. Пётр Леонтьевич Дворыкин по хорошей погоде всегда выходил из своего двора напротив и, усевшись на лавочку лицом на своё

подворье, бывало часами, просиживал, погрузившись в воспо- минания. Дворыкин был коренным ростовчанином и любил

свой город не меньше, чем в детстве свою родную мать.

В этот юбилейный год ему исполнилось семьдесят семь лет – две се- мёрки вроде бы к счастью, как говорят, но где это счастье, когда на носу замаячил девятый десяток, а в прошлом одна боль, да огорчения всякие. Несмотря на столь солидный возраст, Пётр

Леонтьевич выглядел моложаво: стройный, хотя и немного ху- доба проглядывала старческих лет; от когда-то высокого роста сутулость сейчас появилась, но лицом без морщин и того иска- жения мимики, которое многим приносит прожитое время, не наблюдалось. Походку всегда старался держать молодую – не шаркая пятками ног по земле, смотрел всегда прямо, не пряча

глаза, а в руке, если выходил со двора, трость непременно была. Не палочка, с которой ходят люди обычно преклонного возрас- та, а именно трость: с той, что ещё когда-то, в той жизни и в том прошлом веке солидные мужчины вышагивали без исключения по городской мостовой. Трость у него была древняя, как и воз- раст его, к тому же изготовлена масте- ром под особый заказ: не как-нибудь, – таких произведений искусства теперь уже не де- лают! Домовладение Дворыкина, в котором пришлось прожить почти всю свою жизнь со вре- мени смены власти в стране, рас-

полагалось по нечётной стороне улицы Пушкинской: между пе- реулками Братский и Халтуринский. Когда-то двор с фасада при- крывала кирпичная изгородь: с кованым ажурным обрамлени-

ем, такими же воротами и калиткой, но в последнюю войну снаряды и бомбы всё превратили в щебень и покорёженный метал. Сейчас на том месте был обычный проход во двор: широкий – не меньше чем на десять метров, – заходи, выходи кому не лень! В самом дворе – в длину просторном – по периметру буквой «П» стояло четыре строения: два каменных дома и два флигеля. Вся

площадь двора вымощена булыжником: от долгих лет камни так отполировались, что при солнечной погоде блестели, словно

начищенные хромовые сапоги. На этой уютной улице Пётр

Леонтьевич жил не всегда: сюда он поселился вынужденно в том далёком марте 1918 года, когда февральским днём в город вошли большевики, а до этого он проживал в особняке, занимая в нём целый этаж, и дом тот располагался в самом центре города по улице Садовой. Однажды, спустя время – меньше месяца прошло с того дня как в город вошли войска красных: вслед за

этим и в жизни Петра Леонтьевича последовали трагические

события. После того как его выпустили снова на волю, в очередной раз вернувшись из городского Чека, куда он ходил еже-

дневно в поисках пропавшей жены, собрал кое-что из необходимых вещей и переселился на улицу Пушкин-

скую. Половина зданий нечётной стороны на этой улице являлась его собствен-

ностью. Впоследствии, когда власть всё реквизирует, а попросту отнимет в пользу государства – в том дворике, где он сейчас

проживал, останется та крохотная часть бывшего, а было столько, что уже на этот момент и сам бы Пётр Леонтьевич перечислить и припомнить не смог бы. Ещё до революции он унаследовал от отца коммерцию в виде доходных домов в городе. В последующие годы – после вступления в права собственника – он много

потратил сил и энергии, преумножая доставшееся от родителя наследство, но придёт день, когда он проклянёт свою актив-

ность и целеустремлённость в этом нелёгком коммерческом деле, потеряв не только имущество, но и самого дорогого ему человека на свете – свою первую жену Лизоньку. Сейчас сидя в задумчивости, это воспоминание о ней, словно кнутом в очередной раз стебануло его по лицу – он даже вздрогнул – при

этом оглянувшись за спинку лавочки. После посмотрел влево,

затем вправо и вдоль бульварной стёжки-дорожки: съевшись, встряхнул плечами, постучал тростью впереди себя по асфальту и, было, резко встал, чтобы покинуть это место, но тут же, снова уселся, словно не желая расставаться

с мыслями о ней – Ли-

зоньке. Он часто и ранее это делал, истязая себя воспоминаниями, будто мазохист своё тело крючками и шипами, изготовленными для пыток человеческой плоти. Часто после долгих мук воспоминаний страдал, а то и болезненно укладывался в по-

стель на несколько дней. С Елизаветой Савельевной они поже- нились вопреки всем и всему. Елизавета была столбовою дво- рянкой: по материнской линии графиней являлась, а по отцов- ской ещё и баронский титул могла бы добавить к своей фами- лии, если бы не случилось того, что случилось. Близкие её род-

ственники все разом ополчились, и выдавать замуж Лизу за кого попало, не намерены были. Да, ещё кому?! За, како- го-то – ник-

чёмного, и никому не известного содержателя доходных домов

– вплоть до публичных заведений! Об этом даже слышать никто не желал. Тайно обвенчались в церкви в одной из дон- ских ста- ниц. После чего Елизавету родители лишили всех прав состоя- ния, не говоря уже о графских и баронских ти- тулах. С того дня

Лиза по сути стала бездомной и приобрела статус город- ской мещанки-коммерсантки. Вот так, – не с грязей в кня- зи, а с князей да в простолюдины. Но это если смотреть гла- зами столбового дворянина, чему как раз Лиза не придава-

ла ровным счётом ни- какого значения, а став женой Петра Леонтьевича заимела до- мов в городе столько, что титулованным её родственникам всем скопом за несколько их жизней и во сне не видать. Всё это, про- изошло в канун революции, а тогда зимой восемнадцатого года Лизонька была на четвёртом месяце беременности. В марте к

ним впервые в дом явились чекисты, долго делали обыск, ища ценности: отобрав из всего, что посчитали нужным, погрузили в машину и молча, покинули квартиру. Вначале решили, что на

этом всё и закончилось, но спустя пару дней прибыли вновь и на этот раз увезли обоих в своё логово. Привезли и рассажали

врознь по камерам, вот в те последние минуты, когда за Петром Леонтьевичем захлопнулась дверь каземата, он в последний раз видел свою жену Лизоньку. Потом пошли допросы: всё пыта- лись узнать, – куда он спрятал ценности и лучше для него будет, если вернёт все спрятанные драгоценности «законной» власти. Били, отливали водой и снова били. Применять пытки садист- скими методами новая власть ещё не научилась – эта квалифи- кация придёт к ней немного позже, пока что применялись толь- ко кулаки да били ногами; один раз даже способом казачьей

нагайки пытались добиться признания. Пётр Леонтьевич держался стойко, ибо знал, что – сколько бы, не отдал – на этом не успокоятся, а станут требовать ещё больше и так

до той минуты пока не добьют. Говорил им, что все финансовые средства хранил в ценных бумагах и на счетах в коммерческих банках: «Ищите в банках – там всё моё добро, которое нажил я и мой отец».

Не заметил, как потерял и счёт дням, но явно прошло больше двух недель. В один из дней, его без всяких объяснений вы-

швырнули на улицу, но уходить без жены не пожелал: вернувшись в помещение стал просить и требовать, чтобы и её отпустили, на что получил ответ: «Проваливай, буржуй, по-добро-

поздорову, или опять в камеру захотел? Недолго и засунуть! Нет у нас твоей жены, непонятно что ли!.. её ещё неделю назад отпустили домой, там и ищи». Пётр Леонтьевич, где только не искал, кого только не спрашивал – следов пребывания в городе

Лизоньки так и не обнаружил. Минуло три дня, как его выпустили на волю, теперь он не знал, куда себя деть. Брёл, брёл по городу и ноги сами туда понесли – к порогу чекистов, ибо след обрывался там. На входе как всегда стоял часовой: с длинной винтовкой взявшись обеими руками за ствол, держал как палку перед собой. Увидев Петра Леонтьевича, крикнул: «Опять тебя сюда несёт!.. тебе же русским языком было сказано, что нет её у

нас. Кобелей полный город, – там и ищи. Доходишься ты сюда, пока тебя пристрелят!..». Пётр Леонтьевич, сделал

вид, что сло- ва часового к нему не относятся, донизу опустив голову, прошёл мимо, даже не взглянув в его сторону. Поравнявшись с подво-

ротней одного из дворов, неожиданно услышал приглушённый женский голос: обращались именно к нему, потому как рядом больше никого не было:

– Сударь, сударь, подь сюда, – звала женщина в фартуке и с метлой в руках, пальцем продолжая подзывать к себе Петра

Леонтьевича. Войдя под арку проезда во двор, Пётр Леонтьевич подошёл к ней почти вплотную: уставившись вопросительным взглядом, застыл в ожидании, а она продолжила:

– Я уже несколько раз слышала краем уха, – указала пальцем в сторону, где стоял часовой, – вы ищете свою жену... так ведь?..

– Вы что-нибудь знаете о ней?!.. не ответив на вопрос, громко прервал женщину Пётр своим вопросом.

– Вы сильно, господин, не кричите, здесь и стены имеют уши, – почти шепотом проговорила вновь она, – скажите, она такая у вас худенькая, беленькая и очень красивая... – она?..

– Вы что её видели? Где и когда?!.. говорите, умоляю вас, всё

что знаете о ней! Я вам хорошо заплачу, хотите, хоть сейчас при- несу деньги, золотом принесу! только скажите, что вы знаете и

где её искать?!

– Да не надо мне от вас никаких денег и золота, я то и знаю всего, что оно может вам и не пригодится.

– Тогда говорите хотя бы то, что вам известно – это терпеть вы- ше моих человеческих сил и хуже всякой пытки!..

– Это было больше недели назад... точно – в позапрошлую пят- ницу, я тогда рано совсем встала, нездоровилось всю ночь. Пой- ду, думаю, пока все спят, поподметаю лест- ничные ступеньки.

Уже у порога мела, когда услышала с улицы девичий жалобный крик, я тут же бросила метлу и, дойдя до ворот, тихонько выгля- нула из-за угла. Возле входа в здание Чека стояла пролётка, а возле неё столпилось человек пять или шесть: все с оружием и

сильно пьяные, а двое из них заталкивали в пролётку эту девуш- ку. Она кричала и просила их отпустить её, несколько раз вы- крикнула, что у неё будет ребёнок, и она знает, куда её собра- лись везти. Она так умоляла её отпустить, но один – такой самый здоровый среди всех: рыжий и с бородой тоже рыжей заржал

как ненормальный, и мне вам, сударь, даже неприлично его

слова повторять. Смеялся этот изверг и кричал, – там, где один рябёнок сядит, там и ящё двое поместятся; можа завтра убьют, хоть перед смертью белого княжеского тела отведаю! У меня

после этих слов даже ноги, сударь, подкосились. Потом

они все погрузились в свою пролётку и, настёгивая лошадей, поехали в сторону железной дороги, а я стояла и плакала, слушала ещё долго, как кричит и просит её спасти та девица. Там, на железной дороге – на боковых путях стоят эшелоны и в них солдаты живут. Там, скажу я вам, страшные вещи происходят...

Пётр Леонтьевич не стал дальше слушать женщину, резко обернулся и быстро зашагал прочь, а она уже в спину ему крикнула:

– Сами-то не ходите туда, вас там убьют!..

Пётр Леонтьевич пересёк главные железнодорожные пути и направился в сторону запасных путей, которые были забиты

теплушками, а из торчащих труб вился дымок. Навстречу между путями к нему шёл железнодорожник и, судя, что в одной руке у него был большой рожковый ключ, а во второй он нёс маслёнку

– являлся мужчина обходчиком. Поравнявшись, поприветствовал путейца, стал расспрашивать о жене, попутно жалуясь на

свою судьбу и произвол новой власти. Железнодорожник, всё это время, молча, слушал собеседника, вскинув кверху подбородок,

родок, смотрел печально куда-то на панораму противоположного высокого бугра за железкой, и словно пряча глаза, старался не смотреть в лицо страдальцу. Наконец, спросил:

– Жена давно пропала?..

– Неделю назад, может быть немногим больше.

– Тогда, господин, ваше дело очень даже безнадежное. Так долго там не заживаются, – кивнул подбородком в сторону теплушек, – то разве армия?!.. Там одни бандиты и нелюди!.. Толи на германском фронте им все мозги повышибали, то ли и впрямь почувствовали, что они Бога за бороду взяли. Лучше бы немцы их в окопах газами дотравили, чем таких видеть здесь! Туда тебе лучше не ходить – пристрелят сразу. Такие искатели

как ты, уже ходили туда – после вместе с теми, которых разыскивали, на дрезине на мост вывозили и с моста в Дон кидали. Они сюда, каждый божий день со всего города молодых барышень свозят, а утром, сам не раз видел: уложили, как дрова на дрезину и повезли к реке. Были случаи, когда какая-нибудь

страдалица, вырвавшись из их лап, сама бежала в сторону реки и с моста бросалась. Такое увидишь, и жить дальше уже не хочется! Злодейство никогда не насытишь, а те, что там, в теплушках – гораздо хуже зверя лютого.

– Что же мне делать?.. Как же мне дальше-то жить?!

– А ничего не делать, сейчас жизнь человеческая копейки не стоит! Иди домой, да и живи, если это жизнью назвать можно,

но не один ты такой, многие целые семьи потеряли. А туда, мой совет тебе – не ходи – нет её уже в живых, притом,

как ты сказал ещё и в положении была.

Не сказав больше ни слова путейцу, Пётр Леонтьевич, будто

побитая хозяином собака, обернувшись, побрёл в обратную сторону. Он шёл и горько рыдал как когда-то в далёком детстве:

слёзы застилали глаза, отчего он всё время спотыкался, а два раза переступая рельсы, упал. В глазах стояла Лизонька – то

идеальное уникальное творение природы: красивая и нежная как бабочка, хрупкая как снежинка, куколка от рождения. Порой казалось, что она осталась такой же со своего раннего детства

ни капли не изменившись. Не хотелось ни о чём думать, как и жить дальше на этом богом проклятом свете...

В мае того же восемнадцатого года в город вошли снова денкины, а вслед за ними немцы и теперь по центру города вы-

скакивали патрули злейшего врага бывшей Российской империи. Пётр Леонтьевич не пошёл жаловаться в комендантуру по поводу пропажи жены, как многие из подобных ему и просить какого-то содействия, он возненавидел как тех, так и этих – хотя бы за то, что под ручку вошли в город с врагом. В его понятии не могло уместиться то, что в содружестве с немцами можно убивать своих кровных братьев славян. Сам того, не осознавая и не задумываясь над этим, Пётр

Леонтьевич в душе и взглядах своих, был

патриотичен до мозга костей. Одного он не мог понять, и при- нять как должное: как это можно, после четырёх лет войны с Германией и Австрией, в то время, когда страна го- лодная, раз-

детая и разруха кругом, ещё и затеять междоусобную вой- ну. По- ка он размышлял над этим – 8 января 1920-го года большевики будто бы умышленно день подобрали: на второй день великого святого праздника Рождества Христова выби- ли из города дени- кинцев; вошли в город и принялись уста- навливать какую-то

свою, для большинства горожан непонятную, новую власть. Снова по городу пошли аресты, пытки и расстрелы, поиски со- кровищ и любых ценностей вплоть до безделу- шек. Народ зата- ился, большей частью попрятался и, все по- чему-то продолжали надеяться, что это скоро пройдёт – яв- ление временное, как и в восемнадцатом. Слово – «Чека» произносилось полушёпотом, навевая, в мысли каждого го- родского обывателя суеверный

страх, но всё в этом мире рано или поздно проходит: хо- рошее, доброе пролетает мгновениями, плохое и страшное тянется, как тёмная туча по небу плывёт. В начале осени два- дцать первого

года, когда на юге уже затихла война, Пётр Леонтьевич, страдая одиночеством и воспоминаниями о первой жене, неожиданно понял, что если и дальше так всё будет про-

должаться, то он не жалец на этой земле. Клины вышибают клином! – сказал сам себе и в мыслях стал перебирать всех, кто бы послужил этим клином. На память пришла сразу Екатерина, которая когда-то работала у него в коммерческой конторе одной из управленцев и насколько помнил он, до сих пор была не замужем. Где жила, – он это

прекрасно знал, ибо сам когда-то, то жильё ей приобретал. Симпатии она и ранее у него вызывала, но одно дело симпатии, которые никак не могли равняться, даже стоять издали с его любовью к Лизоньке. В ту же неделю Пётр, наняв извозчика, перевёз немногочисленные узлы с вещами Екатерины к себе домой на Пушкинскую. Венчались, как и полагается в Ростовском Храме, а после у новой власти брак оформили и в тот же день в биографии Петра Леонтьевича произошли изменения. Под фамилией Дворыкина была его новая жена Катя, а он никаким

Дворыкиным до этого момента не являлся. Фамилию, унаследованную от отца и деда – дальнейшей своей родословной просто он не знал – носил похожую на-польскую – Корецкий. Какой она на самом деле являлась эта фамилия, по правде не ведал и не

задумывался никогда над этим – не до того было. Одно хорошо помнил: ещё с раннего детства отец частенько его шляхтичем обзывал, имея при этом негативный оттенок. Вероятно – там,

где-то в далёком прошлом и крылась какая-то неприят-

ная семейная тайна, о которой предпочитали молчать. В те смутные дни, которые вползли в город вместе с большевиками, боясь

нового ареста, решил, что так будет лучше – сменить фамилию, но спустя время, вдруг понял, что это несвоевременно – его ведь полгорода знало в лицо. Приходила и мысль уехать куда-то, но мест таких он не знал, а больше боялся потерять последнее.

Кругом бандитизм и грабят: как со стороны власти, так и кому не лень: «Далеко ты, Петро, уедешь с тем, что удалось припрятать?...» – спрашивал при этой мысли себя. На этом этапе печальные страницы жизни Петра Леонтьевича не закончились: новое супружеское счастье долго во дворе не зажилось. Зима двадцать второго года отметилась новой напостью для людей – голодом и эпидемией тифа. В один из холодных январских дней заболела Екатерина: жар, бредить стала, после чего Пётр отправил её в

больницу. На следующее утро пришёл проведать, а ему сказали,

– что увезли жену куда-то на окраину города в тифозный барак. Искать не поехал – да туда бы его и не пустили; спустя несколько дней узнал, что умерла его новая жена и схоронена в общей могиле в овраге, где хоронили умерших от тифа. Узнав печальную новость: сам не заметил, как оказался на пороге у церкви. Некоторое время стоял в раздумьях, не до конца понимая, – как он

здесь очутился?! Справа, почти рядом стояла кучка людей: в лохмотьях, а у некоторых на плечах сермяга выдававшая виды, один из них размахивая руками, о чём-то жутком рассказывал остальным: «...как скинули царя батюшку – так и беды наши пошли, и как прошёл слух по народу, уже и нет его на этом свете!.. Большевики распяли – они же тоже евреи – жида ты же самые,

которые и спасителя нашего Иисуса Христа распяли. В тот день, когда это случилось в Москве, в Храме Христа Спасителя набат ударил! Глянул народ на колокольню-то, а там никого. Пономарь-то рядом с батюшкой стоит, служба только что закончилась!.. Батюшка схватил в руки образ: возьми и заорал, как гром небесный в голову ударил прихожан: «Во имя Отца и сына и Святаго Духа, ныне и присно и во веки веков... – Аминь!..». Что тут началось!.. Все колокола душевно и жалобно сами зазвонили, на небе животворящий крест засиял, народу видимо-

невидимо сбежалось; народ-то православный сбился в кучу, кричат все, глаза выпучив, кинулись все на колени, молятся, и у

Бога прощения просят за то, что не смогли помазанника божьего отстоять. А как отстоишь, скажи!.. если перед тобой самый, что

ни наесть дьявол в обличье человеческом?! Страх такой взял,

собравшихся людей у храма, как будто конец света при-

шёл. Во- лосы у всех дыбом встали!..“. Пётр Леонтьевич, услышав этот рассказ, в душе разозлился, а мысленно сказал себе: „До чего же народ в России глупый и тёмный! С этими олухами царя

небесного мы ещё пару тысяч лет будем прозябать в ни- щете

первобытных людей и постоянно свершать всякие бун- ты и рево- люции...». Троекратно перекрестился и вошёл в Храм, чтобы за- казать панихиду по усопшей жене рабе бо- жьей Екатерине и по- ставить за упокой свечи. Получалось так, что и вторая жена из

его жизни бесследно исчезла, будто и не было её, слов- но ми- раж. В последующие годы НЭП на дворе стоял – и, как будто бы набирая обороты, стал обнадеживающе разви- ваться, внося в душу нормального здравомыслящего челове- ка успокоение.

Сколько Пётр Леонтьевич не крепился, живя в одиноче- стве, мо- жет быть и дальше в том же духе жизнь свою про- должал, но

случилось так, что появилась и третья «жена». Одна- жды, при-

позднившись, возвращался домой. На одном из углов слу- чайно столкнулся с молодой девушкой, которая тут же от- прыгнула в

сторону, прижалась к стене и жалобным голосом заныла: «Ой!.. господин, как же вы меня напугали!.. я уж подумала,

что снова повстречалась с теми, что гнались за мной два дня тому назад, —

кокетничая, положила ладонь на плечо Петру Леонтьевичу, ещё более жалобным голосом, пропела. — Будьте любезны, меня

проводить. Это вам за то, чтобы впредь молоденьких девушек не пугали. Или вы отказываетесь... так?.. Тогда, моя смерть, будет на вашей совести, ибо я, скорее всего, живой домой не дойду...». В ту минуту он про себя подумал: «Никак на горизонте возник новый мучитель в юбке, уж что-то она переигрывает в

этой комедии. Ну ладно, будь по её желанию, а там посмотрим, что ты за птаха такая, но с виду вроде бы приятна глазу и так, в отшельниках давно живу...». Минутное тягостное молчание было прервано с каким-то юмором Пётром Леонтьевичем. Развернулся боком к девице, взял её под ручку и, улыбаясь, сказал:

«Для начала, мадам — прекрасная ночная незнакомка, скажите имя своё и я в полном вашем распоряжении. Ведите в свои апартаменты, ибо я нижайше благодарен и польщён вашим доверием ко мне, хотя на лице у меня и не написано, что вовсе не исключено и вполне может такое случиться, что я потрошитель не только женских сердец, но и внутренностей ваших... — вас это не пугает?...». Девушка вначале расхохоталась, а потом сквозь

смех сказала, соблазнительно приблизив в темноте

своё лицо к уху нового теперь уже ухажёра, ибо спустя минуту она его назо- вёт этим словом:

– Зовут меня Нина. Вы такой забавный и весельчак, смотрю, и шутите совсем ни тем чем надо. Те двое, о которых я минуту

назад вам говорила, которые гнались за мной, возможно и были теми, что вы имели в виду насчёт себя. Но вы не такой, я это всем нутром своим чувствую.

– Значит – Нина, а как по батюшке вас величать?

– Ой! господи, зачем это вам?! Меня ещё ни разу в жизни пол- ным набором имени никто не додумался назвать. Фёдоровна я, Нина Фёдоровна, куда уж проще! Вам и фамилия моя нужна?

– Фамилия пока потерпит, мы не в ГПУ вас, мадам, собрались вести, как-нибудь на первый вечер знакомства достаточно будет и того что сказали. Как я понял, мы направляемся к набережной, вы никак у самой реки живёте, или я ошибаюсь?

– *Вы угадали, но почему-то до сих пор так и не назвав себя. А я и впрямь живу недалеко от Дона, правда в окно мне его не ви- дать – в окне у меня стена соседского сарая на склоне бугра ма- ячит, на ней я уже все гвозди и лишайники пересчитала. Вот так и живу, как отшельник-пустынник в лесной норе.*

– Зовут меня Пётр Леонтьевич, прошу любить и жаловать – по возможности, разумеется. А насчёт жилья, которое так всегда необходимо человеку – это моя любимая и иногда

слишком

больная тема: так сказать, увлечение ещё с ранней юности – отец в своё время приучил. Так вот – жильё, говорите... к тому же, как я понял – жильё дрянь!

– Вы, Пётр Леонтьевич, в точку попали – хуже уж некуда! Разве что за-Крепостным в городской тюрьме.

– Вот эту больную тему, Ниночка, дай бог, мы ещё с вами обсудим, и я вам могу наперёд обещать... да именно обещать!.. что я вам прочту целый курс лекций на уровне университетских – уверяю вас, останетесь, очень довольны. Разумеется, если вы будете не против очередной нашей встречи, как я уже сказал, – в познавательных случаях и в стремлении к просвещению.

– Как я поняла из ваших высказываний, и то, что вы обещаете мне, я сделала вывод, что божьему человеку подадут и то больше. Не правда ли, Пётр Леонтьевич?.. почему вдруг умолкли или я не права?..

– Правы, правы, конечно! о чём разговор, все мужчины рады попользоваться, да ещё и бесплатно вашими прелестями. Что

поделаешь, такими нас господь бог создал. Но примите во внимание – я ведь пока что, ни на чём не настаиваю. Вы попросили вас проводить до вашего дома, что я и делаю. Мы ещё кажись не дошли туда, а у вас ко мне масса претензий. Вспомнили о каких-то старцах, просящих милостыню, а я, то, тут причём?!.. я

ведь не в церковь пришёл, а веду вас под ручку, чтобы на вас не напали. Ну?... теперь у вас найдётся хотя бы мизерный аргумент, чтобы меня упрекнуть?!

— Вы прямо таки уже и обиделись!.. — да я в шутку сказала, во- все ничего не имея в виду! Ну, вот мы и пришли. Вы меня не

бросайте здесь за двором — там, в темноте двора чёрт знает, что может быть! Проводите меня до порога, очень вас прошу.

Времена и впрямь беспокойные в городе ночами стояли. Бес- призорников и уголовников в городской черте развелось как крыс на общественной свалке: на ходу с рук сумки вырывали,

или в тёмном углу могли раздеть догола, а то и в квартиру или в дом к вам вломиться. Хозяина не очень сговорчивого: могли к

полу гвоздями прибить, пытая, — куда спрятал ценности. Потому Пётр Леонтьевич, не раздумывая, переступил высокий порог в калитке ворот, следуя теперь по пятам новой знакомой. Вошли внутрь тёмного двора, куда только свет поступал из окон квар- тир: квадратный небольшой дворик — пусто кругом, ни души;

приплюснутые в два этажа старое здание и все входы в каждую квартиру со двора и масса дверей по всему периметру. Вход в квартиры на второй этаж — паутина металлических лестниц. Как- то тревожно вдруг стало в душе: за-

стыв на одном месте, потоп- тались, словно не зная, куда дальнейший путь держать. Нина в ту же минуту резко при- жалась к плечу Петра Леонтьевича и тихо сказала: «Там... – под лестницей – кажется, тень промелькнула!.. как хотите, но дальше сама не пойду! Ведите меня в квартиру, коли уж взялись меня провожать...». В эту минуту, Пётр, чувствуя охватившую всё его тело слабость от желания скорее до- браться до прелестей молодой плоти женского тела, и слов- но, предвидя ход дальнейших событий, не стал упираться, а проследовал за

новым своим порочным приключением мужской страсти. Квар- тирка, которую Нина снимала и правда на собачью ко- нуру

больше похожа была: не квартирка, а чулан какой-то, ве- роятней всего когда-то и использовался по этому назначе- нию. Стоит кро- вать: проход между ней и стенкой в полмет- ра, а впереди крова- ти под окошком крохотный столик – и это всё! Пётр поглядел удивлённо на эту нору, стоя прямо на пороге, сказал с сарказ- мом:

– Да-а-а!.. в камерах у чекистов, где пришлось в гостях побы- вать, намного просторней было, но думаю, как-нибудь поме-

стимся: как говорят, – в тесноте, да не в обиде. Как вы, Нина на
это смотрите?

– А зачем на это смотреть – раз уж вошли, куда же вас

денешь! Не идти же вам в такой поздний час одному по городу: ещё чего не хватало, чтобы из-за меня вас ограбили, а то, ни дай бог, ещё и прибьют. Просовывайтесь потихоньку вон туда к столику, раз- девайтесь, а я сейчас что-нибудь придумаю, чем нам перекусить.

Ночь прошла как в угаре: перед утром вздремнув на чашок, как только за окнами рассвет показался, собрался побыстрому и долой из квартиры, пока молодая хозяйка ещё не проснулась. В то утро, домой возвращаясь по пустынным улицам, Пётр Леонтьевич шёл и думал: «На ночном приключении можно поставить точку, – побаловался мало-мальски, пора и честь знать!». Но не тут-то было – минуло всего-то два дня с той яркой ночи блаженства и мысли вдруг поменяли свой плюс на минус: появилось

устойчивое, большое желание вернуться в ту конуру. И что самое удивительное: мысли эти казалось, появились спонтанно – как будто бы на голом месте, но отвязаться от них уже не под

силу ему. На третий день, вечером, ещё до наступления сумерек Пётр Леонтьевич стоял под дверью Нины Федотовны. «Весьма

интересный и неугомонный я тип, – подумал он про себя, стоя

перед запертой дверью, которая на его негромкий стук никак не желала открываться. – И вообще, что меня сюда при-

тянуло... эта молодая особа? Но таких девушек в городе сейчас пруд пруди: со всех деревень и станиц сбегались в поисках богатой жизни, которую НЭП обещает. К тому же после семи лет войны и эпидемий мужиков не густо. Мужик сейчас в цене: в особенности,

если молодой и к делу пристроен. Так что тогда в ней?.. Не уж-то пылкая ласка в постели? А может мне показалось после столь долгого отсутствия в моей жизни женщины? Ладно!.. само внутри, как-нибудь всё станет на место, и не будем раньше времени ковыряться в себе, а то, я как курица в навозе носом роюсь. Посмотрим, что дальше из этого получится; не жить же мне всю

жизнь в монахах!.. – тогда в монастырь, Петро, отправляйся...». Постучав ещё пару раз более требовательно и приложив ухо к

двери, стал вслушиваться: есть ли кто-либо в квартире. За дверью была тишина. Обернувшись, подошёл уже к металлической лестнице и тут услышал стук каблучков по булыжникам – это

шла Нина. Увидев стоявшего под лестницей Петра Леонтьевича, она радостно воскликнула:

– Я же вам ещё тем вечером сказала, что от меня просто так не уходят... – по крайней мере, таких примеров у меня на памяти

нету. Или забыли что-нибудь у меня, а... – Пётр Леонтьевич? Прежде всего, здравствуйте и рассказывайте, я жду.

Он продолжал стоять и молчать, пока она не подошла к нему совсем вплотную, взяв двумя пальчиками за борт пиджака, не- много потянула на себя, стала на цыпочки и чмокнула в щёку. После лукаво глянула прямо в глаза и тихо сказала:

– Ну, и что мы молчим?.. или пока шёл сюда по дороге забыл? Какой-то вы, Пётр Леонтьевич, другими стали: тогда в тот вечер вы были словно шаловливый юноша от школьной парты. Потря- сающая ночь получилась! Неправда ли? Так зачем же печалиться- ся?

– Нина, понимаешь, я два дня думал и принял решение – пере- бирайся ко мне, так будет лучше.

– Ой-ё-ё-й!.. куда это к тебе?.. а жену свою куда де- нешь?.. в

подпол спрячешь или в жёлтый дом отправишь?! Не хотите же вы, Пётр Леонтьевич, сказать, что смотрю я на вас, а вы такой ухоженный и отглаженный до блеска, и жены у вас нету?..

– Нет у меня жены! Была, но умерла... давно уже, ещё в два- дцать втором, когда тиф по городу гулял. С тех пор так и живу сам.

– Надо же!.. мне в очередной раз повезло и снова козырная карта выпала, прямо в руки свалилась, – сказала Нина и при

этом, на какое-то время умолкнув, задумалась, встрепенившись, заулыбалась и весело продолжила, – поклонник ру-

ку и сердце мне предлагает да ещё из благородных – это ли не фарт?! Об

этом только в книжках пишут, а в жизни, если и случается, то чаще врут.

– Да никакой я не благородный! – коммерсант, и то бывший.

Теперь-то при классовой вражде до крови, кому это надо?!

– Скромность то, какая!.. никогда бы не подумала, что такой видный и славный мужчина, а живёт в одиночестве. Посторонитесь, пожалуйста, Пётр Леонтьевич, я дверь открою: войдём в мою как вы сказали, – собачью конуру и продолжим беседу.

В тот же день, на улице Пушкинской, когда за окном ещё было светло: заперев изнутри двери и задёрнув занавески, чтобы

ненароком кто из квартирантов не попытался вломиться, уложились оба в мягкую широкую кровать уже в доме Петра Леонтьевича, ибо терпеть нахлынувшие чувства он уже был не в состоянии. Любовная идиллия со страстями и преклонениями: как

неожиданно и случайно начавшись, так, словно гром небесный, оборвалась минув один месяц и три дня. Пётр Леонтьевич вы-

считал после вплоть до часа. Нина, днями пропадая неизвестно где в одну из ночей совсем домой спать не пришла:

и это было только начало. Теперь Пётр Леонтьевич, перебирая в памяти детали знакомства с этой Ниной, вспоминал тот вечер с боль-

шим сожалением: «А как обнимались и целовались, уткнувшись лбами, друг в друга, будто дети какие!.. Придёт домой – выяснять отношения не стану, потому что сам виноват, смалодушничал тогда! Чужие мы с ней- чужие! Как случайно встретились на ноч- ной тёмной улице, такой мрачной, тёмной и жизнь дальше по- шла. Девушка она конечно при всём при этом, но не для меня!

Как подумаю, что она в эту минуту с кем-то в постели лежит, а то и под ним... – удавил бы, стерву!.. зато потом душа бы стала спо- койна. Спрашивается и где её носит ночами?!..». После этого

ещё сутки Нину прождал Петр Леонтьевич, и только потеряв уже всякую надежду, отправился на розыски. Отправился на преж-

нее её местожительство, надеясь хоть что-то там узнать. Бабки соседки, выслушав его – прямо сказали: «Сударь, у вас, навер- ное, глаза затмило, когда вы её от нас увозили. Мы ещё тогда

сказали, – или из шайки какой-то – на вас грешным делом поду- мали – или полоумный нашёлся. Вам трудно было к нам подойти и спросить за неё?.. Господи до чего вы мужики слабоумные!

Она же от рождения сучье отродье, каких и свет не види-

вал!.. а

вы как те кобели – следом за сворой собак побежали. Вы, госпо- дин, её не ищите, потому как её не найдёшь, да и за- чем она вам?! Тут до вас, после того как вы её увезли больше десятка мужиков сюда приходило. Позавчера её два моряка уводили: один по заднему месту всё мацал и хлопал её, вто- рой в это вре- мя за титьки тягал. Так и ушли не попрощав- шись. Вот с того ве- чера как в воду канула, больше не виде- ли. На корабле, скорей всего уплыла – туда ей и дорога!..». Старухи ещё что-то вслед

говорили, но Пётр Леонтьевич уже не слушал, удаляясь в рас- крытые створки ворот. Вернулся домой в крайнем расстройстве: войдя в комнату, непроизвольно кинул взгляд на комод, куда всего пару месяцев назад он положил шкатул- ку, припрятанную ранее в тайнике. В ту же минуту всё тело до самых пяток про-

стрелило: кинулся к комоду и сколько не шарил рукой сре- ди ба- рахла – шкатулка пропала. Тут же и сел на полу, с гор- естным взглядом уткнувшись в потолок, завыл по-волчьи. Пропала не только «невеста-жена», но вместе с ней и шка- тулка с драгоцен- ностями, которые ещё от Лизоньки оста- лись. Сколько ведь лет

спрятанная вещь в надёжном месте лежала!.. а тут, слов- но чёрт под рёбра подтолкнул, взял и достал, спрятав в ко- моде, а после на ниве любовной похоти забыл про неё. Шка- тулка-то и была миниатюрная: по площади немногим боль-

ше ладони, её с другими подарками Пётр Леонтьевич в день венчания жене подарил. В ней Елизавета хранила те драгоценности, что были на

ней, когда родительский дом покидала и те, что муж потом преподнёс: серёжки и колечки с бриллиантами, золотая цепочка с таким же крестиком, часики с браслетиком, брошь дорогая и

остальное по мелочи. Потому и достал из тайника, что Лизонькой от всего этого пахло. Пётр Леонтьевич – когда совсем тоска заедала – возьмёт, разложив на ладони, прижмётся лицом ко всему, вдыхает запах её. Тоскует и плачет. Сейчас сидя на полу, он уничтожающе корил себя за опрометчивый поступок, не видя свою сущность за проявленную слабость к женскому полу:

«Кто тебя за язык-то тянул, идиот, ты!.. предлагая ей супружество?!.. Походил бы месяц-другой, ноги бы не отвалились! Гос-

поди!.. в тумане разве рассмотришь, что за тень перед тобой?! С кем связался-я-я?! – уличная девка! проститутка последнюю память о Лизоньке спёрла! Чтоб ты ко дну пошла вместе со своим кораблём, на чём уплыла. Гундосил, дурак стары-ы-й, – собирай вещи, Ниночка, поехали ко мне жить... – Эх ты!..пошляк, ты

несчастный! Ведь можно было сделать гораздо проще. Почему бы тебе, не пойти на панель, к примеру – на Садовую улицу ночью?.. Оттуда сразу трёх проституток домой при-

тащить!...». К

представителям закона обращаться не стал – себе дороже вый-дет, а то и жизни можно лишиться. В тот месяц, когда у Петра

Леонтьевича исчезла бесследно и третья жена, он впал на время в отчаянье. Мысленно перебирал по памяти в прошлом все слу-чай, которые скандалами закончились, при этом подумал, – не

наколдовал ли кто?.. Но подобных примеров на ум не приходило, если не брать в расчёт родню первой жены Лизоньки. Немного подумав, принял решение, – с женитьбами надо кончать!.. хотя бы на время, а там гляди, если заклятье имеется, вдруг оно потеряет силу от времени, всему-то в жизни есть срок. Погоревал, погоревал: не так из-за стоимости драгоценностей, как по

потере памятных вещей жены, может и дальше бы мучился

страданиями, но тут неожиданно пришло время, что о душе пора было позабыть – дай бог, самому живым остаться. Общая картина в стране с этим несчастным НЭПом очень уж смахивала

– прямо-таки сильно похожей была – на то, когда вдруг – продвинутой в рассуждениях земляной жабе вздумалось переползти от одной помойной ямы к другой, к той что, напротив – через дорогу. Поскакала бедняжка, переваливаясь с бока на бок: по

пути думает, предвкушая насыщение утробы, – там непременно мух и комаров должно быть больше. Но тут вдруг, откуда ни возьмись, пролётка по мостовой несётся, а в ней ломовой из-возчик в стельку пьяный: за вожжи уцепился, бо-рода по ветру развевается, усы вразлёт, глаза выпучил и орёт матерно хуже

душевнобольного: «Поберегись!.. мать вашу, пере-мать!..». Куда уж тут беречься?! Жаба и крякнуть не успела – только брызги разлетелись в разные стороны из-под железного обода колеса.

На мостовой после этого след остался, как и от НЭПа – малень-кое мокрое пятнышко и ещё шкурка какая-то вроде бы лежит.

Валялась эта шкурка ещё пару дней, а потом совсем раскатали и подошвами в пыль превратили. Так и закончился НЭП, по сути, не начавшись. А коль взялись зачищать нэп-манов, то тут вскоре и до Петра Леонтьевича дело дошло. До тридцать седьмого го-да, когда в ночи поедут чёрные «воронки» и в них станут запи-

хивать ни в чём не повинных людей, было ещё далеко. На дворе стояла пока что цивилизация и в прокуратуру, и к следователю ОГПУ вызывали, как и положено в цивилизованном мире по по-вестке. В один такой неблагоприятный день – курьер на-

побегушках у ГПУ принёс повестку под личную роспись востре-

бованного к допросу «Бывшего – из бывших» – подозрительных и явных врагов советской власти, каким на самом деле Пётр Леонтьевич не являлся. На сей раз, судьба была благосклонна к Петру Леонтьевичу: следовательно ему достался вполне порядочный молодой человек. В очках, которые часто снимал и протирал

платочком глаза, вероятно страдая какой-то глазной болезнью, обращался культурно, не грубил и не пугал расстрелом, как в

прошлые разы в Чека. Главное, что было отмечено в первые минуты общения Петром Леонтьевичем, – не от сохи человек, а явно с образованием, – что и вселяло в душе надежду на благополучный исход.

– Гражданин Дворыкин, в прошлом Корецкий, – обратился к Петру Леонтьевичу следователь ОГПУ, – скажите честно, зачем

вам понадобилось менять свою фамилию? Исходя из логики, вы тем самым пытались скрыть своё прошлое от Советской власти. Ну, то, что оно у вас было не ангельским нам об этом известно, но к чему было в разгар борьбы с белогвардейщиной изменять её?.. Вы ведь в городе известный человек. Или вместе с белой армией собрались покинуть город, но потом по какой-то при-

чине вам это не удалось? Отвечайте на поставленные мною вопросы и без всяких фантазий.

– Не нравилась мне она эта фамилия – с раннего дет-

ства не

направилась! Сверстники когда-то обзывали, да и не русская она

какая-то – гетманщиной от неё попахивает, к тому же, и отец в детстве часто шляхтичем обзывал, будто уличного попрошайку. Я себя русским считаю.

– Эта ваша точка зрения делает вам честь, Пётр Леонтьевич, в одном правда случае, если она у вас искренняя.

– Я бы ещё до революции сменил её, когда первый раз женился, но первая моя жена из дворян была. Там дело вышло очень скандальное: мы-то и венчались с ней втайне от родителей в хуторе Обуховском. В том первом случае с женитьбой, ни о какой смене фамилии и речи не могло быть. Дело почти до суда доходило и только благодаря Лизоньке меня в кандалах в Си-

бирь не отправили. Товарищ гражданин следовательно, поверьте никаких умыслов, боже упаси, я не имел при смене фамилии.

– Хорошо, допустим, что так; а вот насчёт вашей первой жены

графини-баронессы Елизаветы Савельевны Самойловой. Скажите, куда она всё-таки делась? По нашим сведениям, вы с ней

были арестованы губернским Чека в восемнадцатом году. После вас выпустили, а она, куда могла деться?

– Чтобы это узнать я бы сам всё отдал! Сгинула будто

на небеса Господь забрал.

– Так, давайте начнём по порядку и всё сначала, как говорят, – от порога, а то у вас мистика на деле получается. Вот – чудом сохранившийся журнал записи задержанных лиц и краткие пояснения к ним. Вы с женой были задержаны и содержались под арестом по причине утаивания от государства своих ценностей нажитые путём эксплуатации низших слоёв общества: то есть – простых рабочих и остальной беднейшей прослойки городских жителей. Судя из сохранившихся сведений, ценностей вы так и не сдали государству. Или всё-таки что-то сдали?..

– Ну, если бы сдали, там, скорее всего, отмечено было бы!..

– Видите ли, Пётр Леонтьевич, как бы вам это правильной сказать. В восемнадцатом году, на то время в губернском Чека не совсем всё было гладко. Много совершалось вопреки револю-

ционной законности и постановлениям правительства. Впоследствии виновные понесли заслуженные наказания. Говорите

прямо, не боясь, если что-то сдавали, то, сколько и кому.

– Здесь какая-то путаница, гражданин начальник; ценностей у нас отродясь никогда не было, и никто нас не арестовывал, а мы с женой сами в тот день пришли в Чека и то, что там у вас записано, пускай остаётся на совести писавшего. Может быть, тот, кто писал, хотел перед начальством выслу-

житься. Мы пришли

по доброй воле и сказали, что мы очень лояльны к новой власти и желаем по справедливости всё наше имущество взять и поделить среди бедноты. Отказались от всего, что имели на тот день, а нам достался только тот дворик на Пушкинской улице. Всё, по справедливости. Оно-то и не мной было нажито – отцом ещё. Я, кстати, всегда, с неприязнью на это смотрел.

– Скажите, на какие средства вы сейчас живёте? Вы же нигде не служите и не работаете.

– Последние годы я человек одинокий. Аскетический образ жизни веду: ем один раз в день и каждый кусок хлеба и фунт сала, которого я, кстати, не ем, экономлю и зря на помойку не выбрасываю. Живу в своём дворе всего-то угол, занимая,

остальное всё квартирантам сдаю. Налоги фининспектору регулярно плачу. Квартиранты у меня больше все пролетарии: из

депо, ремесленники и прочий простой люд. Больше бедные, что с них взять?.. К примеру, вот живёт у меня семья Ивана Долго-

полова – второй год как за квартиру не платят. Ну, не платят, так что из того – не выбросишь же людей на улицу, когда у них двое малолетних детей. Глава семьи, Иван-то – в депо травму ноги

получил, на костылях пока ходит. Не платят, я и не тре-

бую. Гля- ди, разбогатеют, тогда и заплатят. Пусть живут себе с богом.

– Хорошо. Тогда вот ещё что. Исчезновение вашей жены так до конца мне и непонятно. К тому же она у вас титулованной дворянкой была, судя по всему не из бедных.

– Так после того как мы с ней тайно поженились её всего лишили, и никакая она не дворянка стала. А о богатстве и речи не может идти: её, в чём была, в том и за двери выставили. Потом пропала бедняжка. Вышла поутру в город, чтобы из еды кое-что купить и сгинула, как в воду канула в тот день. В то время в го-

роде бои шли. Кругом не понять: кто за кого воюет. Искал, искал, но следов так и не нашёл.

– Распишитесь вот здесь, гражданин Дворыкин, на протоколах допроса и можете быть свободны. Если что прояснится по вашему делу, мы вас вызовем.

Покидая стены ОГПУ, переступив порог, Пётр Леонтьевич вздохнул на полную грудь с облегчением, троекратно перекрестился, а отойдя на десяток шагов, оглянувшись на двери, которых бы век не видать, сказал тихо самому себе: «Как часто в жизни ошибаешься! Шёл сюда, думал последний раз иду по родному городу, а вышло всё наоборот. Порядочный попался

следовательно, но судя по всему, ещё тот святоша! Молод ты парень ещё и каши мало поел, чтобы меня да на мякине провести!...».

Хоть и припугнул следователь тем, что он нигде не работает, но идти куда-то и устраиваться на работу Пётр Леонтьевич вовсе не собирался. Да собственно он и делать ничего не умел, кроме как квартирантами заниматься. Не идти же ему на папереть под

церковь и у колен шапку положить. Хотя мог бы с успехом возглавить работу службы в то время, какой-нибудь «Пролетаржилфонд», но это было совсем не для него. Ходить и пре-

смыкаться в чиновниках и клерках, так лучше из себя доходягу строить. Всё бы ничего, если бы на НЭП не наступили. Прямотаки, взяли и каблуком расчавучили как земляную жабу – на чести разодрали! Ещё и в душу плюнули! Вскоре нэпманов не стало – ГПУ озираться стало, – кого бы, коль так разогнались ещё

гребёнкой подгрести: кустари, швей-модистки, а те, кто квартиры сдаёт?.. Снова за Петра Леонтьевича взялись! Пришлось идти устраиваться на работу и стать пролетарием. Долго думал ночами – куда податься. В один из дней ноги сами к железной дороге понесли – к вокзалу, туда, где последние минуты жизни Ли-

зоньки иссякали. Устроился работать к почтовикам и первое время в качестве грузчика, что с непривычки к физическому труду казалось сибирской каторгой. Вначале грузили посылки и тю-

ки всякие на тележку, а затем как бурлаки на Волге впря-

гались и

тащили к почтовому вагону. Спустя пару недель, в голове появи- лись мысли, – бросить всё к чёртовой матери, ибо всё это в

корне не для него. На его счастье тяжело захворал один из почто- вых служащих конторы, а заменить срочно требовалось. Кто-то из служащих, которые знали ранее Петра Леонтьевича в адми- нистрации и посоветовали: «Полови- ной города домами управ- лял, а с мешком и ящиком посылки справится тем более». Так и прижился в конторе, словно подгадал: как раз накануне начала массовых репрессий. Переживал, конечно, что снова вспомнят о нём. Но на дворе было совсем другое время: давно все позабы- ли кто, где и сколько спрятал добра. Другая совсем система за- работала и о таких лицах, как Пётр Леонтьевич забыли напрочь, правда в одном лишь случае, если никто не настучит, или кляузу порочащую облик советского человека не настрочит. Так что до- рогу кому попало, притом не глядя, и до этого десять раз не по- думав – лучше не переходить. Частенько, когда на душе особен- но кошки скребли, и душа начинала ныть: после работы домой направляясь, делал крюк в сторону юго- западной части привок- зальных запасных путей. Туда, где десять лет назад стояли теп- лушки, в которых и закончила свою жизнь его Лизонька. Сейчас

это место заросло бурьяном, рельсы поржавели, от боль- шинства шпал осталась только труха. Пётр Леонтьевич по-

долгу стоял на

этом месте: смотрел периодами в сторону железнодорожного моста через Дон, пускал непрошеную слезу, а после уходил во- свояси, уже не оборачиваясь. В такие минуты посещения са-

крального места: ему каждый раз казалось, что он прикоснулся к невидимой сущности той, которую продолжал любить, как и де- сять лет назад. Однажды молодая семья съехала у него с квар- тиры, которая располагалась во флигеле, всего-то в одну не-

большую комнатку. На следующий день, придя на работу, отпе- чатав на печатной машинке объявления и по пути до- мой рас- клеил, где пришлось, а спустя день пришла молодая особа. Де- вушка была невысокого роста, на личико мила – девчушка со- всем. С круглыми формами тела и в первые минуты знакомства назвала себя Елизаветой: услышав такое большое сердцу имя, он

вздрогнул и пристально стал вглядываться в незнакомку. Немно- го смутившись и взяв себя в руки, вначале подумал о ней, – что выглядит, как ландыш с ухоженной клумбы. В ту же минуту, сам предложил поселиться ей в квартире и в половину стоимости.

Девушка вначале в недоумение пришла и заподозрила что-то

плохое, хотела было тут же отказаться, но Пётр Леонтьевич, видя такое, взял её ладонь в свои руки, провёл вглубь

комнаты и уса- дил на стул. После чего, со слезами на глазах рассказал всё по

порядку о своей первой жене и причину, которая побудила его снизить цену за жильё. Терпеливо выслушав хозяина дома, Елизавета успокоилась, сказав, что к вечеру перевезёт сюда свои вещи. После того, как она покинула комнату, Пётр Леонтьевич

стоял посреди комнаты словно соляной столб и всё думал и думал. После долгого времени холостяцкой жизни неожиданно

принял решение, что эта девушка его дальнейшая судьба. Он даже вслух произнёс: «Елизавета Максимовна... – куда уж прият- ней может звучать!». Пока что на данный момент о ней он не

знал ничего, даже вначале нехорошо о ней подумал, вспомнив воровку Нину, но тут же, упрекнул и одёрнул себя: «Ты, Петя, как та пугливая ворона – каждого куста теперь боишься!...». По-

возрасту, Пётр Леонтьевич был старше своей новой квартирант- ки на целых двадцать два года. Своим обликом она мало чем

походила на прежнюю Лизоньку: светленькая, как и та – блон- диночка, с красивым круглым личиком, но в отличие от жены Лизоньки – эта Елизавета, в будущем предопределяла пышные формы женского тела, что явно не соответствовало сравнению.

Была она родом из далёкого хутора в верховьях Дона, из много- детной и бедной семьи. Работала швейей, на одном из предприя- тий города и как сказала в одной из бесед, что скоро освоит

свою специальность до высокого уровня и станет рано или поздно модисткой. Прошло чуть больше месяца, как вселилась Елизавета в комнатуху. В один, прекрасный день, который по- сле будет вспоминать Пётр Леонтьевич с благо- волением, про- мучившись сомнениями и душевными стра- даниями, переступил порог своей квартирантки Елизаветы Максимовны. Немного

стесняясь словно школьник: снял шляпу и стоя у порога, мял её в руках. Чуть-чуть заикаясь, отчего речь получалась с длинными

паузами, боясь в глубине души отказа в его намерении, помня при этом большую разницу в возрасте, сказал неуве- ренным го- лосом:

– Я... как бы мимоходом, извините Елизавета Максимов- на, за

беспокойство. Иду по двору, а дверь приоткрыта, думаю, может, случилось что. Но я, коль уж зашёл без приглашения, ещё раз

прошу меня простить, давно собирался вас посетить, воз- можно и против вашей воли, но дальше всё это терпеть я не могу. Не

знаю, как бы это вам сказать, чтобы не обидеть вас...

– Пётр Леонтьевич, – прервала затянувшуюся его речь Елизавета, – да не тяните вы, говорите прямо, если не угодила чем-то и решили с квартиры выселить так и говорите. Я не обижусь. Люди ведь разные все: кто-то, кому-то не нравится, так оно в жизни всегда. Да, по правде сказать – мне от вашего дома и ходить на работу далеко. Подыщу жильё где-то поближе...

– Боже упаси вас!.. Лизонька, девочка вы моя ненаглядная, да разве я посмел бы подобное вам что-то сказать?! Произнести такое непотребство – да лучше себя жизни лишить, хотя и грех большой! Мысли мои, совсем не те, о которых вы подумали.

Нравитесь вы мне до сумасшествия, места себе не нахожу! Ну, вот хоть убейте меня на месте, а нравитесь и всё тут! Я могу понять ваши сомнения: разность большая в возрасте, пожалуй,

больше чем на два десятка лет. Вы вон, какая молоденькая и выглядите юной, а я уже пень колодой стану через десяток лет. Пока, правда, подобной напасти не замечал за собой: это для вашего сведения. Что скажите, Елизавета Максимовна, на моё откровение?..

Елизавета подошла к окну, взявшись рукой за подбородок, не произнося ни слова, стала смотреть во двор, вероятней всего

она думала. Для неё всё, что она услышала, было так неожиданно, как глыба снега, свалившаяся зимой на голову

с крыши.

Мысли путались, не приходя в порядок: принять какое-то решение, – вот так взять и определённо сказать что-нибудь она не

могла. Во-первых, до сегодняшнего дня Лиза смотрела на хозяина квартиры, как обычно смотрят на начальство, которое опекает тебя на работе. Как о мужчине?.. – Господи, да подобное и в мысли не могло ей прийти! Лиза была в крайней – сказать в растерянности – значит, вообще ничего не сказать! Наконец она повернулась всем корпусом в сторону порога, где продолжал стоять в ожидании своего приговора Пётр Леонтьевич, взглянув на него, по всей вероятности, впервые как на мужчину, претендовавшего на её сердце и плоть, сказала совсем не о том, о чём

она думала:

– Извините, Пётр Леонтьевич, я вам даже присесть не предложила. Проходите, берите стул, садитесь и успокойтесь, а я сейчас

чай заварю, иначе я совсем в растерянности, даже не знаю, о чём и сказать. То о чём вы сказали, в голове у меня не укладывается. Это как-то спонтанно, словно с меня шляпу с головы ветер сорвал и унёс. От ваших слов у меня даже всё тело дрожать

стало. Сидите пока, а я с примусом повожусь, гляди и в себя

приду. Простите, но я не могу вот так сразу... Бог мой! Я

и сама не знаю, о чём я сейчас говорю!..

Елизавета, выйдя в коридорчик, который служил миниатюрной кухонькой, стала разжигать примус, а после затарахтела посу-дой. Дверь из комнаты в коридор оставалась открытой. Пётр

Леонтьевич, всё это время, уставив свой взгляд в коридор, не

пропускал ни единого звука мимо ушей, и даже частое дыхание квартирантки воспринимал, как нечто непосредственно относя-щееся к его дальнейшей судьбе. Прошло немного времени, и

Лиза внесла в комнату две чашки дымящегося паром чая, поставив на стол, сказала:

– Как хотите, Пётр Леонтьевич, хоть казните меня, но я сейчас вам ничего сказать не могу. Давайте договоримся так... – дайте мне хотя бы три дня на размышления. Если я через три дня с вашей квартиры не съеду, значит, можете считать, что я согласна. Устраивает вас так, Пётр Леонтьевич?

– Лизонька, я готов ждать хоть три года! Как скажешь, ангел вы мой, так пусть и будет. Я на всё ради вас согласен, даже больше

того, скажу вам, что никогда, никогда вы не пожалеете, дав согласие. Я Богу на вас буду молиться, никогда и ни в чём не посмею вас упрекнуть. И это не пустые слова и обещанья, хотите вон перед иконами клятву сейчас дам?!

– Да Бог с вами, Пётр Леонтьевич, зачем мне ваши клятвы, я же ещё ничего не решила, а вы о каких-то клятвах речь ведёте. Вы только не подумайте, что я набиваю себе цену – это было бы ко мне совсем несправедливо. Если честно сказать, то я себя не

очень-то высоко и ценю. Кто я такая, чтобы нос задирать – обычная хуторская баба, каким на базаре, как говорят, – грош

цена. Не торопите события. Ко всему этому – честно признаюсь – у меня есть ухажёр, хотя правильной сказать – был. Да и не со- всем он ухажёр, а почти год мы с ним жили уже вместе, только и того, что я женой его не торопилась стать. Это я сказала к тому,

чтобы вы знали и не очень-то меня в праведницы причисляли – есть и у меня грешок, как и у многих, мне-то уже не шестна-

дцать, хотя, как вы сказали, юной выгляжу, но давно бы пора и семьёй обзавестись. На данный момент мы с ним расстались,

потому-то я и поселилась у вас на квартире. Мы с ним работаем на одном предприятии. После того как я ушла от него он мне житья не даёт, пройти по фабрике одной невозможно: только

направилась куда-то вот и он как из-под земли чёрт выскочил! Клянётся, божится, что пить и ревновать к кому попало бросит, но я ему не верю. Стоит мне вернуться назад

и всё пойдёт по

проторенному руслу. Бить не бил, но каждый раз, когда пьяная ревность у него разыгрывается, хватается меня и трясёт как грушу, того и гляди мозги из головы все вытрясет. Глаза при этом красные и

злые: становится прямо, как ненормальный! Так и думаю, сей- час схватит за горло не поморщившись, удавит, потому-то и ушла от него – терпеть дальше сил больше не было.

– Лизонька, я вас вполне понимаю, сочувствую и каждому ва- шему слову верю, но поверьте и вы мне. За мою уже не корот- кую жизнь, мне так невезло с самой молодости на жён!.. а какие ведь славные и божественные девушки обе были и погибли бес- следно, растаяв как дымка в небе, одна память о них и жива. Вы

не торопитесь, Елизавета Максимовна, три дня не обязательный срок, я готов ждать сколько пожелаете.

Умолкнув, оба чувствовали себя как не в своей тарелке: это бы- ло похоже на то, когда сошлись два человека, собираясь о чём- то договориться, но к единому мнению так и не придя, не знают, что им делать дальше. Чай в чашках так и остыл, к нему даже не притронулись. На заднем дворе, где сарай с углём и дровами

злилась собака, таякая, не переставая; мимо окна в эту минуту во дворе промелькнула тень: кто-то из квартирантов домой воз- вратился; на стене рядом с зеркалом громким цоканьем часы- ходики свой такт отбивали, а в потолке мышка

скребла. Тихое дыхание двух одиночеств – каким-то отчуждением и тоской

наполняло всё пространство в комнате. Поменяв положение тела на стуле, Елизавета, будто очнувшись от сна, глухо вздохнула и тихо так, душевно сказала:

– Знаете, Пётр Леонтьевич, мне в последнее время снится один и тот же сон: будто я ещё там – дома, в том своём детстве – бегу по пшеничному полю. Бегу и бегу, а до края добежать не могу.

Кругом сколько глаз хватает колосья пшеницы в мой рост, а я будто купаюсь в ней, – как в море! Бегу и всё время смеюсь, а

когда просыпаюсь, оказывается я плачу. К чему бы это? И это всё я вижу, как наяву. Ощущение, как будто бы всё на самом деле.

Восторг души, причудливый и замысловатый мир вокруг меня и это море пшеницы. Небеса надо мной бездонные: синие, синие

– дух захватывает, и кажется, что сердце сейчас остановится, и я умираю...

– Это у вас, Лизонька, душа ваша тонкая и нежная, как пух ле-

бяжий в небеса к ангелам стремится. Так, говорят, бывает только у людей праведных, к каким вы вероятно и относитесь. Извините, Лизонька, но снов разгадывать, к великому сожалению, меня никто так и не научил. Пшеница, говори-

те?... Я думаю, что пше-

ница снится к чему-то хорошему. Это, скорее всего к богатству. Оно же главное на земле к чему человек всю жизнь стремится. Конечно к богатству.

– Ну, скажете ещё!.. сейчас такое о чём вы сказали не в почёте,

тем более не приветствуется. К богатству говорите? Да откуда

ему взяться, оно только во сне и может прийти. Ко всему прочему я ведь комсомолка. Зачем мне это богатство? От меня отвернутся все девчата на работе и остальные станут стороной обходить. Из комсомола выгонят с позором, а то и ещё хуже, как

нэпманку в Сибирь сошлют...

– Лизонька, я вас уверяю, пройдёт какое-то время и какая бы власть на тот период в стране не была – богатство любую власть под себя подомнёт. Да по большому счёту, они сами за ним последуют. Человека не переделать, как они об этом трубят: это не из чурбака выстрогать, выпилить, после куда-то присобачить, а

если не понравилось в печке сжечь. Нет, человек существо разумное и это его основная беда. Таясь глубоко в душе, каждый, даже слизняк какой-то, но к богатству стремился во все века и дальше стремиться будет.

– Нет, Пётр Леонтьевич, не знаю, как там у других слизняков и прочих личностей, но мне никакого богатства не на-

до и точка!

По правде сказать, я ещё, наверное, совсем глупая и сама не знаю, что мне больше всего надо. Хотя сейчас и вру – надо!.. ещё как надо!.. женское чутьё подсказывает – ребёночка уже давно пора заиметь.

– Это, Елизавета Максимовна, в руках всевышнего бога и в ва- ших руках в особенности. В данном случае я вам не советчик.

Расстались как-то натянуто, почти молча, каждый при этом испытывая внутреннюю неловкость. Пётр Леонтьевич тихонько

притворил за собою дверь и покинул комнату. Последующие —

эти три дня для него будут тянуться вечно. Время словно остано- вилось фотоснимком на бумаге. Порой Пётр вос- принимал этот

ползущий как черепаха срок – отрезок времени, как бес- конечное сползание ледника в горах, и ему каждую минуту казалось, что

предыдущая жизнь его в полвека была гораздо короче. Но вот, наконец, пришёл долгожданный день четвёртый. Пётр Леонтье- вич рано утром, как он делал до этого, во двор не вышел. До

этого дня он всегда выходил на свой порог, приветствовал Ели- завету с пожеланиями удачного дня и благополучного возвра-

щения домой. Став у окна на простенке: из-за занавески смотрел во двор, как Лиза, уходя со двора, пристально задержала взгляд на входной его двери, после пожала плечами и торопливо удалилась. Дальнейший день показался ему ещё более бесконеч-

ным. Выходил часто за двор и стоя на тротуаре, смотрел вдаль по улице, откуда могла она появиться, при этом думал: «Вечером, вероятно прибудет, чтобы забрать свои вещи. Или ещё не нашла подходящую квартиру: тогда попросит извинения и ещё несколько дней пожить, а это новые мои мучения. Лучше бы

сразу съехала! Вырывать из души и сердца – так уже с корнем!...».

Пётр Леонтьевич переживал напрасно и глубоко заблуждался в своих выводах насчёт Елизаветы, ибо ещё в тот же вечер, после состоявшегося разговора, она, недолго вдаваясь в размышле-

ния, а приняла решение и не объявляла о нём не потому, чтобы человека помучить, а просто исполняла принятый совместно

уговор. За свою пусть ещё не длинную жизнь, она повидала всякого: как на своих примерах включая нищенство семьи на хуторе, так и на примере других рядом работающих женщин. Испытывать на прочность свою судьбу не собиралась. В душе мало веря в искреннюю истинную любовь, о которой пишут в книгах, считая это по жизни фантазией,

решила, что раз сама судьба

идёт к ней в руки, брезговать такими вещами не пристало. При воспоминании, своего подросткового периода, каждый раз в холодный пот кидало. Дети: младшие братья и сёстры один меньше другого, а она на всех нянька, и все с утра и до вечера у неё просят есть. А чем их накормишь, если трава и та ещё не выросла?! Думая о предстоящей совместной жизни с Петром

Леонтьевичем, она рассматривала его со всех ракурсов: и как предстоящего мужчину в одной с ней постели, и как верного

друга по жизни, и сколько бы критики не привносила в каждый эпизод: всё время все плюсы выпадали на долю претендента её руки. Ближе к вечеру, когда Елизавета обычно возвращается с работы, Пётр Леонтьевич забился в свою квартиру и решил не высовываться, даже если Лиза будет уезжать с вещами. Поло-

жил на стол том Энциклопедии Брокгауза в пол пуда весом, во- дружил очки на нос и сидел, уставившись в раскрытую книгу ровным счётом ничего в ней не видя. Неожиданно за дверью

послышалось чьё-то присутствие, в ту же минуту дверь отвори- лась и в комнату вошла улыбающаяся Елизавета.

– Измучила я, наверное, вас, Пётр Леонтьевич?.. а как вы хоте- ли?.. – с весёлой ноткой в голосе и с каким-то девичьим задором и юмором сказала дальше она, – жениться на моло-

денькой де- вушке, и чтобы, сердце не ёкнуло?! Так не бывает. Простите за

глупую шутку, но я пришла вам сказать, что я согласна с вашим предложением, а там уже – как бог распорядится! хотя я и ком- сомолка, и на собраниях говорю, что в бога не верю.

Пётр Леонтьевич давно уже стоял на ногах: как только она во- шла, он вскочил как солдат при посещении высокого начальства. После произнесённых ею слов, он подошёл вплотную к ней, взял обе её руки в свои ладони и, склонив голову, губами приник к

ним. Елизавете на то время было двадцать шесть лет. Разница в возрасте была в двадцать два года. В тот же месяц, в городском районном ЗАГСе, молодожёны зарегистрировали бракосоче- тание. Венчаться в церкви она наотрез отказалась, сказав, что

дойдёт весть до комсомола и у неё будут большие неприятно- сти. Пётр Леонтьевич настаивать не стал, подумав при этом, что возможно это и лучше, ибо предыдущие два венчания закончи- лись, в конечном счёте, трагически. Свадьбы как таковой тоже не было. Скромно отметили в узком кругу тех свидетелей, кото-

рые были при регистрации брака, и с которыми Елизаве- та рабо- тала на одном предприятии. Со стороны Елизаветы всего было четверо, а вот со стороны Петра Леонтьевича – ни души. Так в жизни Дворыкина, в прошлом Корецкого Петра

Леонтьевича,

появилась четвёртая жена и как покажет время – последняя в его долгой жизни: к тому же привнёсшая счастье и успокоение радости в его исстрадавшуюся душу за всё прошлое десятилетие.

Новая фамилия второй жены – Дворыкин – как нельзя лучше подходила к его прежнему занятию. Одна беда, что то, всё было уже в прошлом. Именно в те времена по городу у Петра Леонтьевича

было в собственности домов – пруд пруди. В настоящее время один единственный дворик остался, но зато занял он фамилию родственную профессии прежней, чтобы не надумал забыть, чем он занимался. С того памятного дня, когда Елизавета дала своё согласие и они стали мужем и женой, от нахлынувшего счастья Пётр Леонтьевич летал на седьмом небе – тут же

помолодев на половину своего возраста – носился по городу как угорелый, не зная, чем бы ещё порадовать молоденькую свою жену. Достав кое-что из записки, обменял на деньги у ювелиров, дарил Лизоньке подарки, от которых она всячески каждый раз

пыталась отказаться. «...Бог с вами, Пётр Леонтьевич!.. – говорила, краснея она, по-прежнему обращаясь к нему по имени отчеству, – мы к этому не приучены с детства, зачем вы это делаете, это даже со стороны неприлично выглядит. Не надо больше покупать никаких подарков, очень

вас прошу!». Как не просил он её называть его Петей, она ни в-какую не соглашалась. В сов-

местных беседах изъяснялась на диалекте хуторского лексикона, сказав, что у них, у донских казаков так принято издревле — к

главе семьи обращаться крайне уважительно. Пройдут десятилетия — и даже в преклонном возрасте — за глаза она называла мужа Петей, к нему же обращалась, как и в первые дни их супружества. В конце двадцать девятого года Елизавета родила

сына, которого называли Николаем в честь святого и особенно почитаемого на Руси Николая Угодника. В тот же год, Пётр Леонтьевич, исколесив весь город, нашёл-таки то, что искал — немецкую новую самой последней модели швейную машинку «Зингер», на которой имелась возможность выполнять множество операций и шить не только платья и наволочки, но и модельные женские

сапожки, до которых кстати, так дело и не дошло. Загруженность портняжной работой и множеством заказов для Лизоньки: можно сказать, — что она утопала в них, став в последующие годы не просто модисткой, а мастером высокого класса, чему её муж радовался больше её. Ночами, выйдя во двор, жильцы квартир всегда слышали стук швейной машинки, а когда он отсутствовал, вопросительно смотрели на окна и двери флигеля.

Войну пережили, как и все ростовчане: прячась в погре-

бах и

подвалах. Петра Леонтьевича по возрасту на фронт не призвали. На этой минуте воспоминаний, Пётр Леонтьевич словно очнувшись, огляделся кругом, затем хлопнул себя по боковому карману пиджака, вытащил свёрнутые рулончиком вчерашние газеты. Положил рядом с собой на лавку, водрузил на глаза очки и

принялся просматривать газетные полосы. Начав с газеты «Правда», следом быстро просмотрел «Известия», на «Комсомольской правде», вчитываясь на какое-то время, задерживал взгляд. Газету «Молот» читал всегда от корки и до последней

строки: родная как-никак – там всё интересно и душа за родной город болит. Там много не соврать, ибо всё перед глазами. С удовлетворением подумал: «Вот и мост новый через Дон по-

строили, словно на картинке нарисованный. За углом Гвардейскую площадь с танком войны возвели и улицу наконец-то новым асфальтом покрыли. Да куда не посмотришь – везде строят: жилые дома, предприятия, булыжники асфальтом покрывают.

На этот раз к власти пришёл, наконец-таки хозяин, которого Россия веками ждала...». В эту минуту Петра Леонтьевича отвлекли звуки громких голосов с противоположной стороны улицы. По тротуару со стороны переулка Доломановского шло четверо

парней: троих молодых людей Пётр Леонтьевич сразу признал – его квартиранты, учащиеся строительного профессионально-

технического училища. Эти трое учились второй год и столько же времени жили у него на квартире. Парни шли и громко разговаривали: слышался смех, восклицания в приправе матершинных

слов, а дойдя до двора своего, где квартировали, свернув, подошли к входу во флигель и стали стучать. Спустя минуту, на порог вышла Елизавета Максимовна, выслушав их, указала рукой в направление, где сидел в это время Пётр Леонтьевич. Тот быстро поднялся и направился в их сторону. Сошлись лицом к лицу как раз на тротуаре: к хозяину квартиры обратился парень, который был повыше остальных:

– Леонтьевич, тут мы себе дружбана подцепили, он в нашем училище дальше учиться будет, а в общежитие он как и мы не

хочет селиться, как насчёт того, чтобы к нам подселить?

– Куда же к вам селить, если вы втроем на двенадцати метрах ютитесь, там и пройти-то у вас можно только боком?

– Коридор большой – туда кровать и поставим, он согласен жить хоть на чердаке.

– Ваше дело, спите хоть стоя. Я лично не против этой затеи.

Кровать возьмёте там, где дрова лежат и соберёте её; мат-

рас и подушку выдаст Елизавета Максимовна, а простыни и всё

остальное бельё пусть везёт своё, а если такой возможности нет, она же и это выдаст. Есть ещё вопросы? За цену квартиры сказа- ли ему? Каждый месяц в первую неделю десять рублей и чтобы аккуратно.

– Леонтьевич, не переживай, не пальцем деланы! Всё будет в ажуре, как говорят в лучших домах Лондона пажоны.

– Ну, вот и хорошо, живите с богом, будут вопросы, приходите. В правом дальнем углу двора стоял небольшой кирпичный до- мик с круглой четырёхскатной крышей, на которой тёмными от времени пятнами краснела старая черепица, ещё отштампован- ная в царские времена. Домик ещё добротный на одну квадрат- ную комнату и длинный коридор на всю стену строения. Внутри печка под уголь, над ней лаз на чердак: имелась возможность

при потухшей печи стать на плиту и залезть на чердак, куда при необходимости бывало прятались. В комнате стояло две крова- ти. Односпалка и вторая кровать довольно древняя, как и сам хозяин квартиры: непомерно широкая и с резными спинками: вот на этом аэродроме и спали вдвоём. Часто по этому поводу ребята шутили-смеялись, говорили, – что когда-то дед Петро со своей тогда ещё молодой Лизкой брачную ночь тут справляли, а после детей клепали, а теперь им по наследству досталась кро- вать. Но в общем-то обстановка в квартире носила спартанский характер: был ещё стол

к нему пара табуреток и один стул. Чай- ник имелся, при- мус и посуды немного, в углу на стенке вешалка для одежды и всего одно окно и то только в коридоре. Свет в комнате приходилось и днём включать. Вода питьевая – на углу пе- реулка Халтуринского, – иди с ведром к водоразборной ко- лонке; туалет, как и положено – во дворе. Живи, день- ги десятку в месяц плати и горя не знай. Все трое жильцов по своему скла- ду характера были довольно разные лично- сти и если заодно

приплюсовать, которого они сейчас притащили за со- бой, то

сравнение для понятия выйдет – как бы вот так: сошлось под од- ной крышей – горькое, кислое, солёное и вслед за этим прибре- ло, пристало к их берегу сладкое. Но, несмотря на это, все ужи- вались дружно, как никто доны- не не запечатлённый на бумаге. Вполне возможно, что если в меру подсолить, подперчить, под- кислить, а затем подсла- стить, то получится отменное блюдо, —

пальчики оближешь и за уши не оттянешь. Эти трое ста- рожилов жили на частной квартире не потому, что в учи- лищной общаге койки-места не досталось. Нет, причина бы- ла иная. Мест в об- щежитии всегда было с лихвой: на то оно и ГПТУ (Государствен- ное Профессиональное Техни- ческое Училище), а для подобных заведений – будущих ра- бочих-пролетариев – власть денег не жа- лела. В принци- пе довольно правильно, на таком деле сэконо- мишь – в ты-

сочи раз дороже выйдет. Кормили трёхразовым питанием бесплатно; обмундирование – парадно-выходная форма, а к ней ещё рабочая для практики выдавалась ежегодно,

бесплатное проживание в общежитии, не говоря уже о самом обучении, ибо понятия, где бы это ни было: техникум, институт, училище, или школа: платить за приобретение знаний в границах страны не существовало. Этим троим квартирантам, жить в общежитии было, – заподло! Потому как посещали они своих подопечных в общежитии регулярно, в качестве старших смотрящих,

следя за всем порядком в стенах отдыха от науки. Улаживали всякие конфликты, иной раз приходилось частенько и морду кому-то набить. Мзду регулярно с кого надо снимали: в те дни, после каждого выходного дня, когда все возвращались с побывки домой. Старшинство как таковое у них полностью отсутствовало: сами того не подозревая, все трое шагнули в следующий век – «демократии», но это только по отношению между собой, к остальным участникам учебного процесса эти демократиче-

ские дела не имели ни малейшего отношения. Вкратце обрисуй-

ем характеристику каждого члена семьи, хотя бы затем, чтобы

наперёд знать, – что и от кого можно ожидать. Самым высоким и здоровенным – таким бугаём с обувью сорок восьмого размера и ростом выше ста девяносто – был Николай

под фамилией Мо- сев, кличку ему в соответствии фамилии и дали – Моська, Мося,

– можно так и так. Родом Колька был из-под Пензы, где-то из-

под Уральских гор с какого-то глухого затесавшегося среди лесов и болот села. В Ростов его сманил сельчанин Витя – «с Урал – маша», который неизвестно каким путём оказался в этих краях

ещё на год раньше и к тому времени, о котором у нас идёт рассказ, он, уже окончив училище – ГПТУ-№7 работал на стройке, а может, вообще нигде не работал. Мося, в-миру Николай, по

натуре своей был добрый малый: не конфликтный, внимательно всегда слушал старших своих друзей, как коренных жителей Ку- бани и Дона: Шурика под кличкой Ганс родом из станицы Шкуринской и Ивана из Кущёвки, который и оставался без клички всегда Иваном – оно это имя ему всё заменяло. Ещё на первом

году обучения: Мося, чтобы даром не терять времени, задумав в дальнейшем стать ментом по природе, а то и опером уголовного розыска, поэтому заранее поступил в общество добровольных дружинников, и вечерами патрулировал городские улицы в компании подобных личностей правопорядка; нацепив при этом на рукав красную повязку. За год пошёл на повышение и сейчас он уже командовал такими молодыми подростками, каким был сам совсем недавно. Те-

перь у него в кармане лежало красное удостоверение с фотографией, а на нём надпись – «Оперативник

– МВД». Куда уж нам до таких заоблачных высот, казалось бы. Но если кто так подумал, глубоко заблуждался: для своих друзей он продолжал оставаться Моской. Все эти номера с ментами в кругу друзей никак не каналы, – так сказал Ганс: „Будешь, какую- то бочку катить – на жопу посадим! Для этого много не надо —

пригласим, чтобы тебя слона от земли оторвать – Амбала и Фе- дота Угла». Ганс, родом из кубанской станицы Шкуринской по- натуре строил из себя прожженного уголовника, хотя на данный момент таким не являлся, но очень уж хотел и стремился к это-

му, что в будущем исполнится с точностью. Недаром же все го- ворят, что мысль и желания материальные, и, если очень и дол- го желать чего-то, оно обязательно сбудется. Часто – обычно по- пьяне – любил вставлять между пальцев половинку бритвенного лезвия и кричать по-зековски: «Гоп – стоп!.. снимай, колхозник, лапсердак и выворачивай карманы!». С несговорчивыми клиен- тами – в тёмном углу имелаась и присказка другая: «Падлой бу- ду!.. – век воли не видать! – кричал Шурик-Ганс, чтобы колхозник услышал и оторопел, – ты не баклань, тебя козла я попишу-у-у!

Окуляры и цырла разделю пополам и на нос тебе привешу!...». От такого приветствия не грех и в штаны наложить. Парень и впрямь, вероятно воли не видел, раз говорит

столь убедительно. Трясущимися от волнения руками «клиент» доставал с кармана последние три рубля: помятые такие, в народе «Рваными»

наречённые: трудно разглядеть, – не сам ли рисовал?..“.

У лю- дей впервые встретившие Ганса в головной коробке возникал обвал, кошмар и сюжет обманчивый, представшая пред-очи эта уголовная личность, навязывала мысли: „Этот тип, вероятно ра- за три на зоне сидел: мал и круглый как откормленный клопик, но намного будет вонючей его!.. лучше договориться по-

доброму; обойти стороной не удастся, как не крути, а с этой тва- рью, пока что-то не дашь – не расстаться...». Это было суждение внешнее – из близкого окружения Ганса, которые на всё это

имели свой взгляд на события, и который, в корне отличался от всех остальных: «Бедный Ганс, так ему хочется скорее попасть за решётку, похоже на то, как той перезревшей девке замуж вы-

скочить, а его не берут, ну хоть плачь, не берут!...». Шу-рик – Ганс всю подноготную, все повадки и тюремный жаргон проштудир- ровал так, что институт бы давно выдал красный диплом, а по- лучается кругом невезуха. Нет. Ганса брали, и брали не раз. Бра- ли за ручки и пихали вперёд головой в милицейский Уазик. Вна- чале даже все трое считали, – скоко раз Ганс посетил милицей-

ский участок. После сбились со счёту, бросив ерун-

дой занимать- ся. Брали Ганса порой регулярно, больше – на том же Бану, но

на-утро, часиков в десять, максимум к обеду выпускали на волю.

За что брали?.. а за всё то, чего делать не очень красиво. Копей- ки из карманов «клиентов» вытряхивал, меж пальцами кусок лезвия носил, за драку тоже брали, не брали только лишь за кражу – не было такого случая. За что выпускали? Ну, не за глаз- ки же его косые: похлеще, чем у зайца косоного. Ментов таким взглядом не удивить, тем более не соблазнить. Тамара всегда

помогала, о которой нам предстоит ещё рассказать, но немного позже в последующей части рассказа. Если бы не Тома, – тянул бы Ганс сейчас второй год тюремного срока, а до конца бы оставалось ещё четыре, а то и все пять. Отсрочив срок на зону как выплату кредита, пойдёт, минуя год на первый срок в четыре

года, а после на всю восьмёрку строгого режима. От природы – таким на свет он родился – сильно одним глазом косил, что в

первый момент знакомства порой многих пугало, приводя в

неописуемый страх. Росточком не дотянул до-метр шестьдесят пяти, как раз вровень плеч Ивана, с которым тесную дружбу во- дил, а когда становился рядом с Мосей, был чуть выше его поя- са, но нос упирался, как назло некстати

в Моськину мотню. Но как говорят, – мал золотник, да дорог. По правде сказать, к Гансу

эта поговорка имела отношение, как лошадиное седло к корове. Иван, а он и есть Иван – сам по себе в своей скорлупе самосо- хранился. Ганс прошлявшись неизвестно где целые сутки, а может на вокзальном Бану, а то и на какой-то захудалой блатхате: Иван встречал Ганса словами: «Ганс!.. собака, где тебя носит?!

Вот, возьми три рубля, – неси два пузыря «Агдаму». Возьмёшь три кило холодца и булку хлеба, на сдачу купишь пару пачек

«Примы». Тебе понятна суть расклада?.. иди, пока трамваи ходят! Гони коней, пока они не сдохли. Курить не видел со-вчера, а голова, словно макитра; и жрать охота, как никогда. Давай, Са-

нёк, чего застрял или с похмелья разум потерял?..». Заканчивая первый рассказ о человеке непростой и нелёгкой судьбы Петра Леонтьевича, который приютил у себя на квартире троих

пэтэушников и о четвёртом квартиранте, случайно представшем ко двору – подробности изложим в дальнейшем своём рассказе.

Гэпэтэу – вовсе не ГПУ, пора и усвоить!

Жеребцы не все станут скакунами. И птенцы не все

вырастут орлами.

(Восточная мудрость) Брось молиться, неси нам вина, богомол

Разобьём свою добрую славу об пол.

Всё равно ты судьбу за подол не ухватишь – Ухвати хоть красавицу за подол!

(О. Хайям)

На дворе стоял тёплый сентябрь всё того же – 1967-го года. На пригородный железнодорожный вокзал города Ростов-на-Дону прибыл поезд из Староминской. Этот маршрут был открыт, как и сама эта новая дорога всего пару лет назад: пассажирские плац- картные вагоны не торопясь таскал за собой тепловоз-дизель по причине отсутствия ещё на этой дороге электрификации. Маршрут сам по себе всего-то в сотню километров и ездили на этом

поезде простой люд: хуторяне, станичники, жители сёл, располженных вблизи дороги. В летнее время, когда в вагонах наро-

ду как селёдки в бочке и не продохнуть от плотно набитых тел, молодёжь, минуя Батайск, на ходу поезда вылезала на крыши вагонов. В иных случаях – рискуя конечно, но умудрялись за собой затащить и отчаянную девушку-подружку. Сидеть на крыше вагона – одна прелесть!.. Округу всю созерцаешь на десятки вёрст, встречный ветерок поду-

вает в лицо ласковый, немного

тепловоз соляркой чадит. Всем весело, а у многих парней гитары в руках: песни распевают дружно и хором да так, что даже коро- вы на верёвке привязанные в сторону со страхом от железной дороги шарахаются. «...Опять от меня сбежала последняя элек- тричка. И я по шпалам, опять по шпалам, иду-у-у домой по при- вычке!..», – слышалась одна и та же популярная в то время пес-

ня. Как ни странно, но за те годы езды на крышах вагонов ни единого трагического случая не произошло. По крайней мере,

слуха, о том, что кто-то случайно упал, или кого-то в пути поте- ряли, не поступало. Вполне возможно, по той причине, что в те времена молодёжь совсем иная была. Прежде всего, не было наркоманов: об их существовании молодёжь даже не подозре-

вала. Многие были бы удивлены, если бы им сказали, – что, ока- зывается, есть на свете такая гадкая напасть, а после беда. Пили тогда только вино натуральное – без химии всякой и то понемно- гу – бутылку на троих, а то и пятерых. Выпив винца самую ма- лость, больше для настроения, – го- лос звучал после этого лучше: душа тосковала, и жалобно пелось, и даже девчата пускали сле- зу. Эти девчата такие красавицы! Умные, гордые – сами в себе, даже на паровозе и то не подъехать. Господни!.. пути наши

неисповедимы! Знали-бы они, заглянув наперёд годиков

на двадцать! Промелькнёт этот такой короткий промежуток лет, и их дочери – ещё почти дети, среди тесной толпы посетят стадион или площадь, какую. Слушая «Ласковый май», будут плакать, а иные громко рыдать, рвать на себе одежду, обнажаясь неприлично, потеряв вначале рассудок и в ту же ночь девичью честь, – а виновата во всём была всего лишь песня! Но это будет не скоро, и тех, о ком речь, их ещё и на свете-то нет. «Гражданка и вы гражданин, к вам обращаюсь!.. – остановитесь на минутку, вы

только послушайте, что этот святой человек говорит, дома детям своим расскажите...». На ступенях магазина стоял и вещал заросший волосами до плеч мужчина. На голове красным пятаком лысина, будто у обезьяны задница, держит шапку в руках, уставив взор в небеса, молится и причитает. И кто бы мог подумать! Промелькнут эти опять-таки два десятка лет и наступят времена сумасшествия. «... Околдуют народ православный, – выкрикивал странник, – вылезут на свет божий колдуны вместе с ведьмами, а из телевизоров нечисть в образе дьяволов и вурдалаков, станет народ убивать друг друга. Тёмная туча накроет Русь святую. Возвратятся времена злющих демонов – Мамая и Тотхамыша, а кругом будут распевать песни не молитвенные – совсем непонятные и непотребные...». Подбежал «воронок», выскочили двое в по-

гонах, взяли под рученьки вещуна, вкинули в машину и покатали дальше. В сентябре на крышах вагонов уже не ез-

дили: не жарко, не душно, а наверху уже зябко. К тому же, если поезд идёт в Ростов выезжать на крышу вагона опасно: не успеешь глазом моргнуть, как окажешься в районе Батайска под натянутыми проводами электрификации. Тогда труба!.. – заказывай духовой ор-

кестр. Может так случиться, что и хоронить нечего будет: соберут по крыше вагона от тебя уголёчки, сложат в коробочку и как вождя в Кремлёвской стене замуровывают, тебя тоже куда-то

приткнут или на полку поставят. В тот тихий, тёплый, поистине божественный сентябрьский день Костя Константинов приехал на том самом поезде — «Староминская-Ростов» – приехал, чтобы

наконец-то довести начатое дело с переводом в другое училище до логического конца. Второй раз в жизни подобная напасть у Кости случалась. В первый раз – год назад, когда в моряки поступить не получилось и таскался он с этими документами, не зная кому бы их побыстрее всучить, но тогда нашлись добрые люди и подсказали. В Новошахтинске, на Новой – Соколовке в строи-

тельное училище сбегать удалось. Хотя вначале – поглядев на него, сделали лицо в недоумении, и принять отказались, впо-

следствии к директору отослав. А вначале дело было так: в приёмной комиссии аттестат зрелости пристально изучили, плечами

пожали, сделав длинную паузу, спросили: «У тебя аттестат – почти все пятёрки, что ты у нас забыл?.. Тебе прямая дорога в техникум, или иди и доучивайся последние два класса. В нашем училище... – подопечные наши, то есть учащиеся наши – на во-

семьдесят процентов все детдомовские. Нет... принять мы тебя, пожалуй, не можем, у нас из-за этого неприятности будут, иди к директору – пусть он и решает...». Костя пошёл к директору, и это была его большая и первая в жизни грубейшая ошибка, которых по жизни ещё наберётся целая дюжина, а может и больше. В

училище приняли, и он год отучился в нём, а вот сейчас перево- дом перебирался в Ростов; оставалось лишь подыскать подходящее его специальности само училище, чтобы доучиться вто- рой год. Прибыв в Ростов – уже не в первый раз, ибо всё время, находился в поисках – всё думал: «В какое из училищ сдать до- кументы, чтобы доучиться этот проклятый второй год?.. – попут- но со злостью подумал, – хоть в урну выбрось! Скажу, что поте- рял. По правде, кому они нужны?!.. адрес есть и фамилия тоже: или менты принесут – время спустя, или по почте пришлют, к то- му же, разве даром учился я целый год?.. Всё-таки, надо куда-то их сдать и от греха подальше...». По-молодецки прыгнул на

площадку перрона и зашагал к центральному входу в вокзал. В душе в ту минуту надежда всплыла – весёлой в душе показалась. Начнёт он в Ростове новую жизнь в отличие

от прежней: не по- вторит тех ошибок и глупостей всяких, ибо учёный на прошлом

печальном опыте. Вначале направился в зал ожидания: так было ближе попасть на привокзальную площадь, где ходят трамваи и троллейбусы всяких маршрутов. И надо же было сюда направ- ляться?!.. Только в вокзал правой ногой он ступил, первый шаг, не успев ещё сделать, как тут же, столкнулся нос к носу с бом- жом. От этого вонючего типа – хворью изнутри разъедаемого —

запахом дохнуло так, что у Кости в мозгах помутнело. На время потеряв ориентир: схватился рукой за дверь, чтобы на бомжа не упасть – замер на месте. Тот пробурчал что-то себе под нос и пе- регородил дорогу своей необъёмной сум- кой, а точнее мешком, который за собою по полу он волок, выдохнул в сторону Кости

зловоние и покаянно взглянул прямо в глаза. Подборо- док у

бомжа трясётся, раскрыв рот с гнилыми зубами, пытается улыб- нуться, гримасу лица можно было принять за что угодно, только не за улыбку бомжа. Уже после, когда Костя вспоминал эти пер- вые минуты столкновения, корил и упре- кал себя, – что надо бы- ло рвать назад когти – на перрон убежать, туда, где воздух све- жее. Он же, дурак!.. стоял, за- мерев перед этим приведением, и думал, – что ему делать дальше. Хода нет, и бомж стоит, будто прирос к полу. В нос продолжал ударять тошнотворный запах,

словно тебе под нос недельной давности дохлую кошку подсу- нули. Замогильный вид мужика вначале испугал Костю, будто повстречался с нечистой силой на дороге: грязный, лохматый как орангутанг из джунглей, из расхристанной рубахи волоса торчат на груди. Смердящий вонючий запах мочи с затхлостью одежды да в приправе человеческого пота – немытого тела го-

дами. Чёрные руки до локтей обнажённые, то ли от ко- поти у ко- стра, то ли от заскорузлого в грязи тела. По шее ползла крупная вошь и на фоне тёмной кожи чётко выделялась: такая откорм- ленная, желтизной отдавая. От всего этого, у парня встал комок в горле, ещё минуту и он, кажется не выдержит и станет блевать. Вогнать бомжа в стыд – это вероятно было не по силам и самому господу богу. Глаза закисшие, покрытые болячками смотрят на

Костю, как смотрит покойник, которому не удалось опустить ве- ки. Он если и украл где-то у кого-то что-то: назад, вероятней все- го не забирают – брезгуют. Под зад каблуком и пусть идёт даль- ше, из таких рук принимать лучше пусть пропадёт пропадом.

Наконец бомж, словно очнувшись, медленно волоча за собой грязный мешок, непонятно чем заполненный, прошёл мимо и,

перевалив порог, скрылся из глаз. Та минута, когда бомж прохо- дил в двери, Косте показалась вечностью, словно дох- лая тварь проползла, выбираясь на улицу. Проходя мимо Ко-

сти, бомж всё вглядывался ему прямо в лицо, – будто из ру-
жья дуплетом вы-

стрелил, а когда скрылся уже за простенком здания, па-
рень по- думал: «Ночью приснится – до утра не уснуть!
Лучше бы было на эту тварь совсем не смотреть!..». Костя
в оценке ситуации мало

ошибся, ибо в последующие дни не мог забыть и вычерк-
нуть из памяти того страшного бомжа. Как он не пытался,
а тот стоит пе- ред глазами и уходит не хочет: будто непри-
каянный с того све- та явился. Костя не знал этого правила,
что голову и взгляд свой вовремя в сторону требуется отво-
дить – вот потому и получил на свою шею мучения. Неделю
после этого страдал, и питаться

продуктами не мог, – хоть совсем бросай есть! Только
в кафешке похлебал первое блюдо, котлетами закусил, ста-
каном кофе с молоком запил, казалось, – что ещё надо! Спу-
стя несколько ми- нут, как по мановению волшебной палоч-
ки и бомж уже в глазах стоит, будто живой на самом деле: ру-
ки тянет к нему и что-то просит. И тот тошнотворный запах
снова в нос ударял, и всё из желудка тут же назад вылезало,
еле успевал за угол кафе забе- жать, чтобы опорожниться.
Длилась такая заунывная песня

больше недели и, если бы не случай – могла бы эта бодя-
га на год растянуться. Шёл он, по улице Энгельса спускаясь
вниз к вокза-

лу, и на ходу размышлял: «Зря я тогда не послушал ту

женщину из приёмной комиссии: сейчас бы, не искал куда дальше деться

– тем более не было бы и этой головной боли...».

Прелюдия к опере Кармен.

Поступив год тому назад в училище под номером «сорок один» – число заведомо не счастливое, ибо война под этим чис- лом началась – в городе Новошахтинске, в посёлке под названи- ем Новая Соколовка, где какие-то соколы всё пор- хают: встрети- ли Костю довольно прохладно. Когда же в об- щеежитие вселился, вот тут-то только понял, – куда он попал! И если в дальнейшем

не испарится – подумал он – ждёт его здесь на пороге тюрьма. В ней-то, в этой злосчастной общаге как раз и жи- ли те детдомов- ские «ученики» – хулиганы, уркаганы, о ко- торых так настойчиво упоминала и предупреждала та тётка в приёмной комиссии ещё

при поступлении туда. Были, учились и местные парни, с ними Костя дружил, а вот «беспризорники» приняли его так, как при-

нимает стая голодных волков случайно прибившуюся к ним дво- ровую собаку. Белой вороной выглядел Костя в обществе тех, у которых понятия в голове перевёрнутые: извращены до неузна- ваемости, а многих в ближайшем бу- дущем с нетерпением ожи- дала «Советская – Народная» ко-

лония-тюрьма. Вчерашняя, дет- домовская босота, по сути, несчастнейшие от рождения дети

пропитана была до кончиков волос понятиями, извращёнными – перевёрнутыми с ног на голову. Не зная, что такое семья, да и много о внешней жизни за забором, не зная, жила по законам

больше похожими на зону, а то о чём даже знали, воспринимать к себе лично, ни в каких рамках не желали. Жестокость по отношению к окружающим, тюремные порядки, воровство и подста- ва были постоянными спутниками в их жизни; эти пороки, перемещаясь из спальных комнат в общежитии, поселялись в

учебные классы. Блатной тюремный жаргон, иерархия занима- емого места каждой в отдельности личности всё это создавало извращённый полукриминальный мир. На вымышленном пьедестале этой криминальной власти, на каждом шагу беспредел. Директор училища на их языке – «Хозяин». «Вертухай» – рядовой воспитатель в общежитии, а дальше бесконечным потоком пошли: «Суки» – которые стучат педагогам и активисты – участвующие в общественной жизни коллектива. За ними пошли всякие

«шестёрки и барыги». Вниз по лестнице – «колхозник» (в те времена «Лох» слово, которое редко ещё употребляли в лексиконе). Наверху – «Пахан», а с ним «поддувало». Косой, блатной, тельняшка; маруха, мурка и рояль, а всё вместе взятое – это

огромная для них же печаль. Предавшись воспоминаниям, Костя неторопливо продолжал идти вдоль по улице. В памяти всплыла Лидка из общаги – девка дерзкая, будто сошедшая с

экрана кино. Надумав покинуть детектив, она вдруг вживую на свет божий явившись, да прямо в облике – «Маньки – облигации». Эта Лидка была на год старше Константина и в свои сем-

надцать лет успела пройти «Крым и Рим», а заодно кроме мед-

ных труб попутно железные. С мальчиками ещё в детдоме спала лет с двенадцати, потому и телосложение было уже далеко не девичье. Всё при месте и при делах. Грудь – что надо, бёдра – вширь. В талии, правда, толстовата, но, как и положено прошенной бабе. На мордашку Лидка хоть и не писаная красавица, но на лицо приятно смотреть. Видимо в прошлом, неизвестные мама и папа были довольно хороши собой. Но, тем не менее, вопреки тому, что они почти ровесники, Костя воспринимал её как тётку. Слишком уж старой Лидка ему казалась – старше как минимум на все десять лет. Вокруг Лидки суеились, сновали авторитетные и всякие шестёрки: всё как на зоне и в один лад. В самом здании общежития в два этажа в первом подъезде жили девчата – маляры и штукатуры; во втором, как и полагается на порядочной будущей стройке – каменщики-монтажники, плотники-бетонщики, а к ним и сварщики. По большому

счёту, Костя бы эту Лидку — прошёл мимо и не заметил, но в первый же мессяц учёбы она ни с того, ни с чего взяла и запала на Костю. Возможно, сильно уж жалобно Костя песни свои пел под гитару,

ибо, когда он пел, Лида всегда плакала, чему все очень удивлялись — это правило было раньше не для неё. Но вполне возможно, и мордашкой своей он понравился Лидке, ибо с этого дня для него наступил конец света. Вначале казалось пустяковое дело — проходу ему не давала и всё: станет на дороге и ни туда — ни сюда. Куда Костя туда и она: стала просить умолять, собиралась даже на колени встать; от опрометчивого шага еле Костя её

удержал, ибо в ту минуту вокруг посторонних глаз было много. Ко всему прочему Лидка курила, а это больше всего отторгало всякое близкое общение. Курила сигареты самые дешёвые — по шесть копеек за пачку — «Дымок», а в тех случаях, когда не имелось и шести копеек, переходила курить махорку, от дыма которой комары на пол падали. Одежда на ней пропахла жжёным табаком хуже пепельницы, да и вообще — воняло ещё неизвестно чем, от всего этого запаха Костю всё время тошнило. К сожалению, Костя от природы родился мальчиком брезгливым. Если на стол поставили блюдо, и он заподозрит что-то не то — ста-

нет лучше голодным сутки ходить, но есть, ни при каком раскладе его не заставишь. А тут девушка, — пусть и детдомовская, но от неё такой гарью несёт! Разве такое потер-

пишь?! к тому же во-

нючей махоркой несёт, которую столетние деды курят под заборо- ром. Пока он думал и искал тот выход, как отвязаться от этой

назойливой «девки – бабы» ему хором подруги Лидки подстро- или злую ловушку. Измучившись напрасными страданиями,

Лидка решила: раз парень слабак по женской части, то надо – подумала она, – брать быка за рога, а лучше, в свои не слабые руки. С помощью подруг заманили Костю в комнату, в которой

проживала Лида. Впустив парня за дверь, тут же снаружи закры- ли на ключ. Лидка в эту минуту – сидя на кровати – держала меж пальцев дымящуюся сигарету: молчала и насмешливо смотрела на парня. Костя замер на пороге в ожидании объяснения проис- ходящего. На всякий случай попытался открыть дверь, подёргал за спиной у себя дверную ручку. Поняв, что путь отступления отрезан, опёрся спиной на дверь и стал ждать дальнейшей раз- вязки событий. Нервы у Лидки оказались слабее, и сигарета дрожала в руке. Эту деталь Костя тут же отметил, отчего возра- довавшись, улыбнулся и принял независимый вид. Эта улыбка у парня в заблуждение Лидку ввела, ибо она посчитала, что, Костя согласен на всё. Изобразив от волнения на лице принудительную улыбку, Лида сказала:

– Ну, что Костик, разобьём кон на наше счастье?

Не будь па-

инькой, прошу тебя. Хотя ты и домашний парень, но я не намерена тебя убалтывать, как фраера последнего. Давай не тянуть волынку, а?.. Или заяву кидать на меня отправишься?.. только знай и не буксуй, получишь, в конце концов, облом козлючий!

Ты парень шустрый и поёшь под гитару – мне очень нравится, но не это главное – главное – это ты сам! Чё стоишь, прилип к дивану? Тащи свою задницу сюда на кровать. Или боишься меня?.. так я вроде бы не страшная, как Светка Корпилина из параллельной группы. Чё молчишь или язык проглотил? Может для

смелости, стакан вина пропустишь?.. Нет, я так не могу!.. – крикнула Лидка на грани истерики, – он меня с ума сведёт! ну как дитё, твою мать!..

Парень стоял у двери – сказать в растерянности и в замешательстве – это значит, ничего не сказать. Не скажет же он ей

прямо в лицо, что его тошнит от одного её запаха, который исходит от её одежды. Для пояснения скажем читателю, что в те времена девчата совсем не курили, а тех, кто этим уже занялся, парни автоматически причисляли к не очень порядочным девушкам, закрепляя приставку к имени – «Шалашовка, Мочалка, Вонючка, Шлюха подзаборная», далее могли последовать определения совсем неприличные, прямо

нецензурные и мы их по-

вторять не будем. После вновь наступившей долгой паузы, Лида, изменившись в лице, уже как-то грубо, хриплым прокуренным

голосом, выдававшим внутренне её волнение, вновь спросила:

– Ты долго собрался там стоять? Или мне самой подойти и на ручках как ребёночка в постель тебя уложить?

– А что прикажешь мне делать, раз двери снаружи закрыты? – вопросом на вопрос ответил Костя.

– Я же тебе уже сказала, не будь мамкиным сыночком, кончай выделываться иди и садись сюда со мной рядом, – сказала Лида глухим голосом, и при этом отодвинулась к спинке кровати,

освобождая место. Костя, вопреки её приглашению подошёл к столу и взял было стулку, но не тут-то было. Лида, поняв, что всё идёт не так как надо и, как она задумала, молнией вскочила с кровати, подбежала со спины и со словами: «Какой стул?!.. да- вай на кровать, я сказала!..» – силой выдернула из его руки стул, отбросив его в сторону, схватила Костю за плечи и толкнула на кровать. Костя только было, на руки опёрся, упав лицом на по-

стель, как следом она навалилась всем своей массой на парня. На ходу целуя его, куда утыкались губы, что-то шептала от страсти до краёв отупев:

– Котёночек мой миленький, – молила и причитала Лид-

ка, —

прошу тебя, не сопротивляйся, ну будь хотя бы на минуту ты по-корный. Если ты ещё ни разу с девушкой не был — это не беда, я всему тебя научу. Ты не стесняйся — это так просто, как сигарету выкурить, поверь ты мне дуре. Будешь ты мой, Костик!.. никому не отдам!..

Лида сжимала парня в тесных объятиях, казалось, многие мечтают только о том, но только не Костя. Какое-то время, поддавшись и лёжа под Лидой: сознание вначале посетила грусть, и

унизительно тягостно стало на душе. Отбросив мрачные мысли: происходящее стало его забавлять, а в памяти всплыл седьмой класс. Тогда — зимой, когда холодно было, точно таким же манером его Алла Петровна в кровать повалила: тормошить и давить сильно стала — студенткой Алла Петровна была, а у соседей на квартире жила, а в их школе дипломную практику проходила, в их классе химию вела. Вот что ей надо было от него, и зачем это она делала, в то время Косте так и не дошло. Сейчас лёжа под

Лидой, подумал: «Мне или на роду написано, чтобы девки меня под себя подминали?!». С каждым вдохом ему казалось, что он сейчас вырвет всё из себя и из желудка. Ощущение было такое, что его окунули вниз головой в помойную яму. А ведь в первые минуты вся эта комедия Костю смешила. Лида, ни на минуту не умолкая, одной рукой продолжала

сжимать и целовать парня, второй рукой торопливо выдернула с брюк рубашу, при этом

сильно дрожала, пыталась расстегнуть на брюках ремень. Какое-то время не получалось, наконец, справившись сделала то, что

Косте совсем не понравилось. Видя, что дело заходит далеко и

слишком, ибо на нём уже расстегнули штаны, в то же мгновение при этой мысли, прервал риторику Лиды, силой отбросил её в

сторону – на бок. Встал, отряхнулся, заправил в брюки сорочку, застегнул ремень, подошёл к выходу и стал с силой стучать ногой в дверь. «Доступ к телу не состоялся!.. – подумала Лидка со злостью, продолжая лежать на спине и глядя на Костю, – и впрямь комедия какая-то, – далее подумала она, – девчонка пы-

талась изнасиловать мальчишку. А ему, смотрю, всё до фонаря – хоть бы хны!.. даже не поморщился. Почему бы, спрашивается, ему не воспользоваться моментом?.. скольких идиотов, я лично, вот так как он сейчас меня, сбрасывала с себя. Нос воротит, лицо отворачивает... – ну ладно, иначе проучим!.. Хотя я и стерва, ка-

ких редко встретишь, и о чём сама прекрасно знаю, но будет, так

как я захочу! Пашку со своими шестёрками подключить надо, пускай поугадают этого воробушку пушистого. Это ему

не в де-ревне к девчонкам в трусы залезать и щупать вырос-ли ли там волосёнки. У нас нравы намного покруче будут!...». Тем време-

нем, Лида продолжала лежать на постели, задумавшись, молча, смотрела в спину несостоявшегося любовника, а Костя ногой всё стучал и стучал в дверь. В коридоре сообщ-ницы Лидки, услышав настойчивый стук, вероятно решили, что пора открывать. Дверь в эту минуту открылась: Костя, оттолкнув в сторону загородив-

шую проход девчонку, вышел, и уже удаляясь по коридо-ру,

услышал, как одна из троих, видимо уяснив суть развяз-ки, вслед ему сказала: «Ненормальный он что ли?!... Лидка сама ему

предлагает то, что десяток всяких уродов просят, а он фильде-персовый павлин и недотрогу из себя строит!...». Лида в это время продолжала лежать поперёк кровати, уткнувшись затыл-ком в стену. Девушку била мелкая дрожь, что и было замечено тут же вошедшими её подругами: лицо красное как мак покры-

лось нездоровыми пятнами, которые ярко выделялись на щеках и ближе к вискам. В расширенных её глазах сто-яла мольба и жа-лость, вероятней всего, прежде к себе са-мой и к своей поистине несчастной судьбе. Этот отрешён-ный от мира взгляд Костя успел запечатлеть в последнюю се-кунду, прежде чем переступить по-рог и выйти в коридор.

И этот взгляд останется в памяти на годы, и спустя много лет, каждый раз, когда вспоминал подробности

этого случая, сознание и душу наполняло волнение, казалось, что это было вчера. И вопреки тому, что в тот далёкий день он чувствовал, сейчас сожалел в отношении Лиды о своём том по-

ступке. «Всё-таки, он обидел незаслуженно девушку, пусть и катившуюся под откос, но прежде всего она девушка и он обязан был протянуть ей руку, ибо эта рука могла изменить всю её

жизнь!.. Протянуть руку навстречу, разумеется, не взять и повести за собой до конца своей жизни, – об этом не может быть и речи. Но, ведь можно было слухавить: сыграть на какое-то время роль, потянуть время, пообещать, надежду какую-то дать,

наконец, соврать. А там, гляди... – это как на болоте в дремучем

лесу. Взял человека за руку, вывел на твёрдую пядь, на широкий простор, а дальше ты и не нужен, он сам найдёт дорогу домой. А я что сделал?!.. И этот взгляд её, что он означал?!.. – часто будет спрашивать Костя себя, и сам же ответил, – печальную коме-

дию?.. возможно и так. Этот короткий эпизод, словно повторяет чью-то прошлую жизнь: может отца и её мамы совсем неизвестных, которые сгубили когда-то свою молодость, передав по

наследству своей дочери. Сюжет – сотканный из наслаждений и заманивший в тупик безнадеги: вначале родителей, а потом и дочь...». Вбежавшие в комнату подруги облепили Лиду со всех сторон, друг – дружку перебивая, стали излагать свои возмущения. Больше всех кричала, подавляя голос остальных, рыженькая девушка лицом вся в конопushках:

– Лидочка, чем он обидел тебя, сволочь подзаборная?! Мы же тебе сразу сказали, – надо было всем вместе зайти! Куда бы он делся: выпотрошили бы всё наизнанку, до нитки раздели бы, руки за спиной полотенцем связали. Мы бы ему такое целомудрие устроили, навек бы запомнил, гад!..

– Хватит орать!.. рты поразевали, – грубо прервала Лида подруг,

– без ваших советов как-нибудь обойдусь! Пусть чешет, козлина деревенская, пощупаем ещё пёрышки ему. Гляди и поумнеет. А вы, чувырлы, ни гу-гу, чтобы ни одна, падла, не унюхала, иначе рот на жопу натяну, а в щелки между ног – по квачу вставляю! Потом скажу, что от рождения так было. Поняли, что я сказала?!

Повторять сто раз не буду!..

– Лидочка, что ты нас учишь! Не первый день по помойкам ша-таемся, всё будет, как ты скажешь. Помнишь того, мудило, ещё в детдоме, которого в последний момент откуда-то привезли?..

Его Шурка-Косая в два дня сломала. После шёлковый

стал, на

поворотах ей каблуки поворачивал, а мы через неделю уехали.

– Ты, соска рыжая, меня с Шурой-Косой не ровняй! – с ненавистью глядя на девушку, выкрикнула Лида, – и Костю к тому захудалому фраеру не причисляй – это ниже всякой последней ступеньки в подвал! К тому же он не с блатных, чтобы с ним так поступать, к нему иные дорожки будем искать. Вобщем так, шма-

ры-казённые, у меня на душе сейчас не до вас, будто туда говна наложили. Сваливайте, куда глаза глядят, и сигарет принесите.

– Принесём, мигом сейчас, Лидочка, принесём. Я видела в окно: он там, в беседке сидит, может, что передать от тебя?

– Ты, полоумная, рот закрой! Чего передать, ты сама-то подумай?! Передать, что он мною свою задницу подтёр, так он и сам о том знает. Или пусть вернётся назад и снова производит то же

самое, а?.. Вот недоделанные дуры! Какими были в детдоме, ни на грамм не поумнели, такими и подохните под забором.

– Лидочка, – снова обратилась к ней длинная как оглобля, рыжая с конопушками по всему лицу, – мы же тебе добра хотим, а ты злишься. Хочешь, щас возьму вот тот графин на столе, подойду к нему сзади и шаряхну по голове, хо-

чешь?..

– Я тебе шарахну!.. дура набитая, по колонии затосковала?!

Попадёшь, не переживай!.. туда дорога шире нету. Вы хоть знае- те о том, что те девчата, которые раньше на два года нас отча- лили половина за высоким забором сидят?! Вот скоро и ты, Машка, к ним в компанию присобачишься. Всё! идите, идите, видеть вас уже не могу!.. и голова раскалывается.

Подруги, удаляясь на цыпочках, со страхом в глазах, продолжая оглядываться на Лидку-хозяйку-паханшу, тихо прикрыв за собою дверь, растаяли в коридоре. Направляясь в сторону лестницы, тихо вели разговор. Больше говорила всё та же рыженькая Ма- ша с конопушками до самого носа:

– Я вам, девочки, так скажу, что добром это не кончится. Раз

Лидка в таком говняном состоянии, она может и парня зарезать. Помните, был у нас такой случай, когда мы ещё, кажись, в пятом классе учились?..

– Так, то же было совсем другое дело, – перебила Машу худая высокая блондинка, – он же её изнасиловал и всё там ей порвал, она потом в больничке лежала. Когда выпустили из больнички, отправилась на кухню, там взяла ножик и в полотенце завернула. Пришла на следующий урок, согнала девчонку с места и усе- лась сзади него. Его тогда ещё не посадили, только забирать со- бирались и следствие шло. Так

вот. Уселась это она и сидит. Си-

дела, сидела, потом это разворачивает полотенце и с размаху – да прямо ему ножом в спину – да между лопаток прямо попало.

У него в ту же секунду со рта кровь так хлынула, что прямо на

парту, на тетради и на спину что впереди сидел. Страшно-то как всем сразу стало, а она сидит и лыбится. В тот день его прямо на кладбище и увезли. А с Лидкой совсем не так, зачем спрашивается ей его убивать, если она сама по уши в него влюбилась!..

Выпорхнув из подъезда, все трое девчат на время замерли на пороге, уставившись в спину Косте, который продолжал в раздумьях всё сидеть в беседке. Подружки постояли, стороной

обошли беседку, минуя учебный корпус, направились по дороге, ведущей в сторону железки, а через неё в посёлок. Железная дорога местного значения отделяла посёлок Новая – Соколовка от территории училища. Высокая насыпь, напоминающая кре-

постной вал времён суворовских войн дугой огибала пятачок, на котором находилось училище, и каждый раз направляясь в по-

сёлок, приходилось преодолевать пешеходам этот барьер. Препятствие злило особенно в непогоду или, когда стоял длинный состав с углём, и приходилось пролезать под

днищем вагонов. Эта одноколейка вела на шахты «БИС-1» и «Соколовскую», рядом с училищем от этой одноколейки был боковой рукав тупиковый, куда загоняли вагоны с песком и гравием. Вечерами сюда приходили учащиеся на разгрузку вагонов. Разгрузить вагон

песка или гравия стоило девять рублей. Взявшись втроём, чтобы по трёшке выпало: приступив к работе часиков в пять вечера, к полночи уходили спать с трояком в кармане. Иных путей раздобыть денег на сигареты, а кому-то и на вино, которое подешевле, просто не существовало. Разве что ограбить пьяного шахтёра, который в кювете валяется, что с большим успехом и хорошими показателями получалось у Пашкиной шайки, ибо разгрузить вагоны им было, – «заподло». Тот неблагоприятный день, навязанный одной стороной любовной утехи, в ближайшие дни Косте вышел боком, как и предрекала Лидка, провожая его. Вы-

рвавшись из комнаты Лидки, Костя спустился по лестнице вниз и сразу у входа уселся в пустую на ту минуту беседку. На его

лице отражалась бледность, как и внутри всё клокотало, сидел, откинув руки на загородку, и переваривал те оскорбления, которые адресованы были ему минуты назад. Как змеиное жало всё это ранило и унижало его самолюбие. «Маменькиным сыночком и паинькой обозвала!.. Вот, замухрышка, – кошёлка и под-

стилка всеобщая!.. Да знала бы ты, что я давным-давно

не маль- чик! Улечься с тобою в кровать?.. а как потом до- мой возвра- щаться? Ларисе, конечно не расскажешь про та- кое дерьмо, но я- то всё равно буду знать!.. Нет, это на это не меняют! После му-

читься будешь, сам себя возненавидишь! Это равносиль- но тому, а вернее, похоже, если бы, к примеру, мне золотые часы с таким же браслетом в подарок вдруг преподнесли, а я их взял и поме- нял на детскую свистульку. Часы, да ещё зо- лотые к нему золотой браслет – это моя Лариса, куда уж тут думать об обмене. С Лид- кой тесную связь устроить – это что те часы потерять. Золотые

часы – это вещь! Пришёл домой, надел на руку, душа поёт и ра- дуется. В гости в них сходил, сам любуешься, пусть и другим за- видно будет. Вернулся домой, снял с руки и в сервант положил от лишнего глаза. А свистулька что?.. разве то музыка? Посви-

стел и выбросил от злости, и тут же ногой наступил – од- на крош- ка осталась! Нет. Лидка всё-таки и на свистуль- ку не тянет. Она, скорее всего, старый засаленный и весь порванный кожаный ремешок от каких-то дешёвых часов. А и правда, надо крепко

подумать, как от неё отвязаться?.. Может и правда встать на лыжи и домой прямо за ветром?.. Дома мать разорёт- ся, – бросил учиться, следом тюрьма!.. Ладно, потерпим ещё немного, может быть, что переменится. А та полоумная бес- призорница, сколько б ни бегала – пустое это занятие, хотя

немного и жаль её...».

Фрагмент из трагедии Шекспира «Гамлет».

Родители Константина проживали в селе, которое расположено было на высоком берегу речки Кагальник, всего в восьми кило- метрах от города Азова. Село это имело два названия, как и все ближайшие деревни в округе: одно официальное, которое зна-

чится на табличке при въезде и которое упоминали только в особых случаях: к примеру: в паспортном столе, а пользовались названием народным, тем названием, что ближе сердцу и для всех известно. Называлось село – Пелёнкино: при- том с пристав- кой – «Верхняя», потому как в полутора километрах от этой де- ревни ещё была и «Нижняя». «Верх- няя», вероятно, по причине высокого бугра, где место себе она выбрала для поселения, а

«Нижняя» располагалась среди плавней, озерков и речу- шек вся- ких, но обе деревни стояли на берегу речки Кагаль- ник. Между

этими двумя сёлами, немного в стороне, словно для того чтобы жителям двух деревень не обидно было тянулось уз- кой полосой подобие турецкой кривой сабли озеро, которое имело тоже

название, как и деревни – озеро Пелёнкино. Вода в этом озере была солёная, до густоты жидкого киселя имея при этом лечеб- ные свойства, а больше как утверждают все зна-

токи – сама грязь лечебная. Ещё до войны, говорят, на берегу этого озера стоял

санаторий – людей в нём лечили от всяких болезней – вплоть до паралича конечностей. В войну в нём располагался госпиталь, а немцы взяли и разбомбили, с тех самых времён санаторий

больше так и не возродился, а жаль. По необходимости приезжала грузовая машина из Азовской районной больницы: набивали в молочные фляги воды и грязи, и лечили больных где-то там, в палатах больничных. Вот в этом месте, вряд ли у кого язык повернётся сказать, что место никчёмное и бесполезное, жили, поживали родители Кости, а соответственно и он проживал до

поры до времени с ними. В этой деревне он и его родители не всегда жили: до этого Костя сменил несколько школ, в каждом

классе учась в новой школе, а повинны были всё те же родители, переезжая с места на место. Повезло под самый конец учебного процесса: седьмой и восьмой класс доучивался в Пелёнкино, учился бы и дальше, да классов больше не было, или в Азов ногами ходи. В Азов далеко и в плохую погоду грязь по колено – много не выходишь, потому получив аттестат зрелости всего-то за восемь классов, решил искать свою судьбу в других краях.

Возвращаясь к названию двух сёл и озера на ум приходит сразу непонятность кем-то придуманного названия. Откуда

оно взя-лось это название? Сколько в окрестностях не иска-ли никаких

пелёнок, так и не нашли. Говорили по-разному, и каж-дый утверждал, что у него правильнее, но мы изложим одну из вер-сий. Давным, давно, когда ещё и сёл не существова-ло, и в этих местах только ветер гулял: только по берегам речек кое-где по два три куреня прижившись, стояло; ехал на ярмарку в древний город Азов совсем захудалый купчи-ка – история его фамилию не сохранила. Ехал он с семьёй на колымаге – в те времена арбой

называли, на таких возах Чумаки соль из Крыма возили, вот на такой арбе и полз по степи купец. Арбу быки тащили, перестав-ляя ноги медленно так, что доводило купца до зло-сти и тошнить начинало, но зато уверенно. Купец вёз на яр-марку пелёнки, рас-пашонки и остальное то, что малым де-тишкам очень необходи-мо, к тому же ещё и беременную жену с собой вёз, – так на вся-кий случай, когда рожать на-думает – была бы на глазах. Только переправились через реч-ку Кагальник, доехали до какого-то не-большого озера, вот тут-то жена и надумала рожать, что вооб-ще-то собиралась сделать в Азове. Озеро с тех времён и стало

целебным, а копь младенца в церкви ещё именем не на-рекли, пришлось называть место тем, что в арбе лежало. Впоследствии

появились и сёла, и так получилось, что три названия сра-зу и все Пелёнкино. А может быть у того купца и не было ни-

каких пелёнок и всего-то ребёнок родился на берегу у озера. Купец взял рулон мануфактуры, что вёз на ярмарку, да и порезал его на пелёнки. Но суть дела не меняет – пелёнка для малыша в любом

исполнении пригодна. Вопреки тому, что у озера не стало сана-

тория, народ сюда съезжался со всех концов страны. Без всякого преувеличения: выгружали больного, вынося на носилках, или кто-то скакал на костылях: пролечившись в грязях от мая до сентября, уходили своими ногами. Начиная с первых чисел мая весь северный берег озера, представлял городок из лачуг, палаток,

шалашей и всяких будок. Всё как в городе: с улицами и переулками, так и жила коммуна, собравшись, кто откуда. Лежались так: сидели по времени в воде, после снова грязью намазывались и так пока ногами сам не пойдёшь. На то время, тех бурных событий – по жизни Константин, о чём, было рассказано ранее, был совсем не тем, каким его представляла Лида. Была у Кости настоящая – пылающая жарким пламенем любовь в образе четырнадцатилетней самой красивой девочки не только в деревне Пелёнкино, но и вблизи лежащих, а таких сёл располагалось много: через каждые полтора километра в округе. Косте на тот момент было шестнадцать; Ларисе как мы уже сказали четырнадцать лет, но возраст дело быстро наживное, главное кто и во сколько лет созрел. В нашем случае оба созрели довольно рано, что и под-

твердится на практике в последующих событиях.

Кстати – село Пелёнкино, потому, и название это носит: был в это время случай, когда одна молодая пара, умудрилась к шестнадцати своим годам – столько мамаше на тот день было – обзавестись четырьмя малышами: два раза по двойне, папаша правда, был на три или четыре года старше. Долго ломали голову, – сажать парня в тюрьму за соращение малолетней девочки или

оставить?.. – детишки тогда сиротами будут! Сделали исключение и решили оставить. Забрали Витю в армию на месяц – для

приличья – и тут же дембель устроили папаше, – езжай и воспитай кагалу, коль наплодить успели! Вскоре после этого у них ещё двое родилось. Так что как не крути – место сакральное, недаром тот купец с пелёнками и с младенцем в этих местах застрял. Хочешь сразу и много детишек иметь – приезжай для этого святого дела в Пелёнкино. Так что нашим героям рассказа с этим делом сам Бог велел поторопиться. Костя, по правде сказать,

пока о детишках не думал. Любил не только ненаглядную свою

Ларису, а и село своё, хотя и мало в нём прожил. Приезжая на

побывку чувствовал себя, как до этого пойманная на крючок рыба, вновь выпущенная в воду. Чуть вечерело, вдвоём направлялись в сельский клуб – если не кино, то танцы под

пластинку.

Побродив по улицам, приходили к подворью Ларисы: усаживались на лавочку под забором, какое-то время сидели, но часто при этом посматривали на окна хаты во двор. Вот и свет потух в окнах, и темно во дворе стало, значит, мать с отцом спать улеглись. Во дворе кроме хаты стоял ещё флигель, можно сказать, что жилой. Они ведь не собаки, чтоб под кустами да по лавочкам валяться: в уюте, комфорте, да ещё на мягкой перине вот

это то, что и надо для истинной любви! Эта цитадель любви и

похоти людской – флигель, так называемый, он и стал причиной всех последующих событий. Помещение использовалось круглый год, как кухня и столовая. В зимнее время там топилась

печь углём, стояло два столика, один из которых обеденный, была и двуспальная кровать с сеткой, на которой лежала та самая перина, а сверху горка подушек. В уголке зеркало-трюмо

стояло, чтобы девочки, отправляясь на занятия в школу – у Ларисы была ещё меньшая сестра – могли присмотреться к себе и

принять надлежащий вид. Под стенкой, где было одно окошко, стояла кушетка, на полу половички: уютно как в гнёздышке у

порядочной птички. Вот в это самое гнёздышко птички и

направлялась влюблённая пара, как только все уложатся спать. Теперь зададим вам вопрос, – какая, вас спрашиваю, может быть

– Лидка?! когда, о таком только мечтать!.. В первый месяц, в са- мом начале, когда ещё всё только в самом зачатъе было: посе- лившись в укромном месте доходило только до невинных лоб- заний, а больше языком говорили, пытаюсь на словах доказать

свою любовь. С каждым днём процесс любовных отношений всё углублялся, словно сам по себе. Вначале руки у Костика не туда, куда надо полезли, сказал, – что не заметил и сам, а скорее всего так и надо. Потом – и нижнее бельё на Ларисе почему-то поме- шало, и лишним было оно, ибо стало назойливо напоминать везде и повсюду, что снять и бросить его на стулку давным, дав-

но пора. Страсть, а к ней ненасытное тело – это что коня на скаку удержать. Трудно, порой невозможно остепенить и обуздать взбесившегося мерина: слова бесполезны, как и уздечка сама. Так не заметили, как осень пришла: короткие дни наступили, холодно стало, манил уют под крышу того флигелька и пуховая перина. Терпеть желания не могу; дожидаться, чтобы родите- ли скорей уснули – казалось, вечность вначале пришла, а затем совсем у них поселилась. Промёрзнув, сидя на лавочке прямо

спиной к забору, продрогнув, вползали в приют: первым делом во второй малой хате подбегали к топившейся печке,

чтобы ото- греться, затем на кровать. Нередко, но были и такие случаи: по- рой не дождавшись, когда все уснут: на цы- почках тихо краду-

чись, словно решили у кого-то что-то украсть, стремились в ци- тадель в виде мягкой кровати, а та их встречала в любви и ласке, что как оказалось взаимно приятно. День за днём так и приучи- ли родителей пораньше на покой отправляться, а место в кухне освободить. Возможно бы, это и дальше так длилось без всяких неприятностей и передраг, но тут подошли праздники к тому же, октябрьские – 7 ноября по новому стилю надо встречать. На этот такой великий праздник, когда вся страна собралась отмечать, родители Ларисы в гости собрались: родственников посетить в

Краснодаре. Кроме всего прочего – там, ровно в этот день у ма- миной сестры торжество какое-то намечалось. Ларисе, а в по- мощь, может быть, в будущем зятя, приказано было им хозяй-

ство управлять. Меньшую дочь с собой забрали – с тем и отбыли. Как помнится, Косте, тогда он ещё головой кивнул в знак своего согласия, а душу посетила благодать. Возрадовался тому, что

наконец-то на целых четверо дней, после которых папа и мама обещали вернуться, а он в это время полноправным хозяин бу- дет. У тестя и тёщи хозяйство имелось как у за- ядлого кулака, и чтобы накормить, напоить всех, кто хрюкает и мычит, гогочет и крикает, поёт петухом, да ещё и соба-

кой гавкает – пару часов уходило – не меньше. Всем угоди и из еды что-то им дай, потом напои, но после, – прошу извиненья, пожалуйста, Ларочка, не- много в кровать. Помыв руки и лица чуть, чуть: спать, отправля-

лись не в малую кухню, а напрямиком в главную хату – где раньше туда дорога была закрыта. Именно это и стало причиной, что дальше с ними случилось, а попросту в заблуждение обоих вве- ло. Почувствовав себя хозяевами, по правилам житейским должно присутствовать в жизни влюблённой пары всё-то, что по прейскуранту положено. Зачем тянуть резину, если живём как муж и жена. Ровно в полночь великого праздника октября, мо- жет и грешно, но у Ленина не спросишь, прежде всего, далеко и в гробу стеклянном лежит – вряд ли ответит. В первой комнате кушетка была без пружин и перины: такая опрятная кушетка и красивым покрывалом застелена: немного жёсткая – потому и виновницей стала в ту праздничную ночь 7 ноября. Раньше-то на мягкой кровати игрались, там сетка и перина на ней, там без

греха получалось. Здесь же – этот, будь он неладен – топчан

подвёл. Только было разыгрались в утехе любовные, как тут же послышалось из уст Ларисы: «Ой!» – и как-то сразу мокрым по- крывало стало, Лариса подплыла будто водой. Вода в темноте почему-то оказалась липкой, включили свет – поглядели и

обомлели – измазались как черти!

– Что же мы теперь дальше-то делать будем, раз такое случилось? – спросила в растерянности, спотыкаясь в словах Лариса.

– До весны немного осталось, – сказал Костя и стал на пальцах считать, – вот, до весны четыре месяца, до твоих экзаменов выпускных в школе ещё два, потом посмотрим, возьмём и поженемся.

– Так тебе и разрешат, губы раскатал! Мамка-то не против, пожалуй, будет, она хоть сейчас, а вот папка убьёт нас обоих!..

– Ну, прямо-таки убьёт, сама подумай, зачем ему дочку терять, а если меня убьёт, то зятя потеряет. Нет, убивать никого он не

будет, это я тебе обещаю. Главное – это вида не подавать, как было – так всё пускай и остаётся. Они-то откуда могут узнать? Если ты сама, конечно, не расскажешь.

– Ну, тоже сказал!.. об этом разве расскажешь. Будем молчать, а там как получится, как старые люди говорят, – судьба рассудит. Прошло два месяца после той славной и в тоже время тревож-

ной ночи. В один из холодных январских дней за дочерью Ларисой мать подозрительное поведение заметила, которое наводило – уж очень на плохие мысли. Подозрение у мамы возникло, когда Лара во время обеда или ужина неожиданно вскакивала из-за стола и пулей выбегала на улицу, а через время возвращалась красная на лицо. Однажды Ирина

Николаевна последовала следом за дочерью и пронаблюдала – куда та бежит. Увидев воочию всё, всплеснула руками, сразу всё поняв, воскликнув, но тут же прикрыла ладонью свой рот.

– Вот, гады, такие!.. – сказала она, стараясь потише, чтобы никто вдруг не мог услышать, – я так и знала, что этим всё кончится! Доигрались, сякие – такие, и что теперь делать?.. Из школы же выгонят, да ещё и с позором! Завтра же поедем в Азов – туда куда надо. Этого отец не станет терпеть!.. он и меня вместе с вами задушит! Надо же – совсем ещё дети и такой грех сотво-

рить! Вы или полоумные оба... или у вас ум за разум зашёл?.. Я же тебя, Лариса, не раз предупреждала, а ты за своё. Я лично не против твоего Кости, мне с ним не жить. Господи! Что же нам

делать, куда идти и к кому обратиться? Тебе четырнадцать толь-ко лет, ему шестнадцать, вы об этом подумали?.. Вы сами-то

ещё ложку держать в руке правильно не научились, а тут прямо – детей заводить замахнулись! Что вы с ними делать-то станете, мне на шею повесите?.. так я и так троих вынянчила, теперь и ваших следом прикажите? А если двойня ещё? Ой, Ларка, бить тебя надо и духу прислухаться – дышишь, значит, мало досталось! Ладно, кричи не кричи, делу не поможешь. Я тут подумала: с этим скандальным делом в Азов соваться не будем; обратиться – тут и милиция

набежит, и вся округа узнает. Завтра же от- правлюсь в Азов, закажу телефонные переговоры с Краснода- ром. Туда тебя повезу – дальше положишь, ближе возьмёшь.

Когда, голову рубят – по волосам не плачут.

Пока Ирина Николаевна изливала свою горечь возмуще- ний души и сердца, Лариса в это время сидела на крышке колодез-

ного сруба и плача размазывала ладонью слёзы по щекам. Мать, взглянув на дочь с осуждением и в то же время с жа- лостью,

громко дополнила:

– Чего ревёшь-то?! Реветь надо было, когда во взрослые игры играть надумали! Ревёт она!.. как будто я её обидела. И тот – жених нашёлся, теперь и глаз не кажет. Напакостил и в кусты! Такой же придурошный, как и ты! Где вы на мою бедную голову взялись!.. хоть завязывай глаза и иди прочь со двора! Хватит

плакать, иди, умойся, а то сейчас отец подъедет, разборку устроит. Ему пока молчи, а то всем достанется. Может, удастся сделать всё по-тихому.

По-тихому не получилось: как раз в эту минуту на улице за двором слышался колёсный скрип брички, похрапыва- ние ло- шадей и вслед за этим вскоре в калитку вошёл Бо- рис Василье- вич. Подозрительно посмотрел на дочь и жену, но ничего не

сказал, вероятно, подумав, что просто поссорились. Му-

жик от природы он был сообразительный, в последующие два дня, за- метив в поведении жены и дочери замкнутость и натянутость в

разговорах, ибо обе ходили, как в воду опущенные, перепробав по памяти все варианты – оставался один правильный вывод. К то- му же, как он припомнил: и «зять» давно на глаза не появлялся. Вечером устроил разборку в семье. Изворачиваться женщины не стали: всё равно узнает, как не крути, потом только гораздо хуже будет, прямо всё тут же рассказали. Как ожидали – того не про-

изошло. Отец не кричал и кулаком по столу не стучал. Взыеро- шил на голове волосы, окинув взглядом вокруг себя, взял с та- буретки шапку, надевая заправил под неё уши, и направился к

выходу. Уже взявшись за дверную ручку на секунду замер, глядя в закрытую дверь, хрипло сказал, как о чём-то обыденном:

– Придёт до двора – вилами запорю как собаку!

Вышел за дверь и со всего размаху её захлопнул, отчего сидя на стульях, мать с дочерью на месте подпрыгнули. В комнате установилась мёртвая тишина: только в печи разгораясь, уголь

потрескивал, да под окном петух прокричал, словно нехорошее что-то предвещая. Вначале стала плакать Лариса, спустя минуту подхватила мать. Женское горе было обоюдным: Ларисе жалко было своего «жениха», матери свою «неве-

сту». Наплакавшись

вволю, когда уже Лариса сидела и только всхлипывала, мать, будто подводя итог всему, тихо с печалью, сказала:

– Коту игрушки, а мышке слёзки; кот поигрался, а мышка те- перь плачет – вот она женская доля. Надо, доченька, всегда но- сить на лице ледяную маску и тогда никто тебе не сможет при- чинить зла, по крайней мере, не так часто.

Сколько не судили, не рядили, чуть было, голову не свернув, в конце концов, отправились в город Краснодар, где благополучно всё и завершилось. В ближайший день и Костя приехал. При- ехав ночным поездом, выпрыгнул на тёмный перрон станции

Василево – Петровская расположенной в степи и зашагал вдоль лесополосы в сторону своей деревни, преодолевая шесть кило- метров дорожной пахоты. Шёл в кромешной темноте, ибо Луна где-то за облаками бродила, а он всё думал, думал и думал.

Мысли одна от другой печальней казались, хуже уж некуда. Раньше приезжая домой – радость восторга от встречи с любимо- мой всё нутро наполняла, пелось в душе, а сейчас, не зная последствий беременности Лары, – теперь, хоть не ходи туда! Но если бы была, лишь эта неприятность – там, в Новошахтинске она во-стократ хуже!..

Украинский гопак в аранжировке фокстрота и лезгинки.

Неприятность, притом большая, которую-то и оценить не так - то просто случилась спустя через день, после той комедии на кровати с Лидой. Вечером после отбоя в его комнату пришли те, которых Лидка натравила. Впереди всех уркаганов шёл здоровенный такой – Паша, который по массе своей был больше по-хож на гориллу, а для шайки пахан и заводила. Первым и подо-шёл: на голову выше Костика, кулаки, словно боксёрские пер-

чатки надел. Пальцами похлопал по плечу парня и спокойно без

эмоций, сказал:

– Базар есть, матрёшка, выйдем на пару минут, чтобы хлопцам спать, не мешать.

Остальные его подельники в это время сгрудились на пороге открытой двери: сколько их было, Костя так и не узнал, но судя потому, как всё время бродили везде и повсюду всемером,

столько вероятно в тот вечер и было. Почему он назвал Костю

«матрёшкой» сложно сказать, вероятней всего, предрекая дальнейший ход событий, ибо только матрёшку потрошат часто и

густо. Костя вылез из-под одеяла, спокойно оделся и последовал за Пашей в коридор. Не обладая мистическим даром предвидения событий, по причине своей ещё юности,

как и не учуяв бе- ды, которая нависла над его головой поплёлся по коридору вслед за Пашей – паханом, в надежде, что всё закончится разго- вором. Вслед им – в пяти шагах – развалисто шагали остальные. Порой людская подлость не знает границ. В эти минуты в возду- хе клубились, искрились и сотрясали невидимое пространство разно-полюсные душевные эмоции, идущих по коридору. Одни непомерно радовались предстоящему развлечению над жерт- вой, а тем временем жертва в мыслях металась от трагедии – к

надежде. Деревенская безоблачная жизнь с этой минуты для

Кости закончилась бесповоротно, а в последующее время обер- нётся для него трескучим морозом, когда стоишь голышом по колени в сугробе. Где-то уже посреди длинного коридора: гла- варь – Паша, открыл дверь комнаты и вошёл, Костя замер у по- рога, но в ту же секунду – шедшие сзади, резко его толкнули в

спину через порог; войдя, прикрыв полотно дверь, заперли на ключ. Комната на четыре спальных места оказалась пустая: кро- вати были заправлены по-армейски одеялами, кругом чистота, будто в ней и не живут. Паша прошёл к столу, который стоял по центру комнаты и уселся на него боком, спустив одну ногу на

пол. Остальные толпой стояли у порога, но двое из них приня- лись сворачивать в рулон матрасы вместе с одеялами и просты- нями на двух кроватях, которые стояли крайними

у входа. Свер- нув постели, рулоны положили на заправленные кровати.

Прежде чем начинать экзекуцию: Паша решил перед началом

посмаковать, ибо другого объяснения, зачем ему понадобилось вести разговор с тем, которого через минуту начнут избивать до полусмерти всей шайкой, объяснить сложно. Сидя боком на столе взглядом косил на Костю, начав свою речь, сказал осуждающе:

– Блатуешь, парень, блатуешь! Устроим мы тебе маскарад не- большой, так сказать, на все руки от скуки и для кулаков тоже.

Как ты считаешь, по правилам будет?.. Молчишь... ну, это твоё дело. Раз молчишь, отоварим тебя по-полной, хотя просили токо попугать, но мы до-того невоспитанный народ и всяких просьб, и пожеланий никак не научились исполнять. Ты уж прости за

необразованность нашу. Не обижайся, но я тут не причём, мне лично до фени, кто ты там такой и в чём ты провинился. Так приказано. Может, дашь больше, а?.. в покое оставим. Нет, я шучу, больше всё равно не дашь, потому что у тебя нет этого, что нам нужно. Не учуял ты, фраер, беду за версту, надо было раньше думать, когда нарывался. Токо не вздумай после топиться или в петлю нырять, поверь, туда никогда не поздно...

Всё это время Костя, молча, стоял перед сидящим на сто-

ле Пашей, смотрел немного в сторону, стараясь не встречаться с

ним взглядом, при этом мысли были где-то за его спиной, где в это время стояло шесть или семь человек. Посчитать их всех он не удосужился, да собственно, какое это имело значение – на одного больше или меньше, – он всё равно в западне! И в те последние минуты перед экзекуцией, пока Паша произносил вступительную речь – за Костиной спиной, вся эта братия надевала на руки кожаные перчатки, в которых ходят зимой.

– Вот и усё тебе, телёнок, не доросший до бычка, – сказал Паша, расплывшись в улыбке, – карачун тебе, кажется настал и родни

поблизости нету, спасать-то некому! Не богато, но что надо сделаем на славу: не пальцем выковыривали и с мальства тому

учились. Мокруху постараемся не сделать – нам это ни к чему. Рыжий, глянь в окно, – кивнув головой назад, – вертухая во дворе не видать?

– Так там же темень, чё я там увижу? – протестующе, заявил один из подручных Паши.

– Ты глянь, раз сказано, а темно, не темно, не твоего ума дело – моргала свои пошире раскрой! На-крайняк – уговор, как договорились, чтобы не влипнуть по-полной. Слышали все?

Рыженький паренёк подошёл к окну, раскрыл створку

ОКОН-

ную, лёг на подоконник грудью и стал вглядываться вниз в тём- ный двор, где только при входе в подъезд тускло светила лам- почка, наконец он выпрямился, закрыл окно, повернувшись,

сказал:

– Пусто, хоть и темно – токо ветки шелестят, можно начинать.

В ту же секунду Костю сзади ударили прямо в затылок. По инерции, сделав пару тех шагов, которые отделяли его от Паши, получил встречный удар кулака прямо в губы. Паша нанёс удар, не вставая со стола, возможно, это в какой-то мере и спасло Костю в те первые секунды избиения. Если бы Паша ударил его,

стоя – встречным ударом, то могло бы и не потребоваться бить дальше. Отлетев от стола, следом со всех сторон посыпалась

серия ударов, и уже через минуту Костя лежал на полу. Били не торопясь, стараясь не мешать друг другу: словно на соревнова- ниях подходя по очереди к спортивному снаряду. Подходили двое, приподняв парня с пола, взяв его под мышки, очередной подходил и исполнял серию ударов. Когда уже всё было в кро- ви, чтобы сильно не запачкаться, перешли бить ногами. Отлива- ли с графина водой, приводя в чувство, и снова били, и били. В очередной раз вода перестала действовать, Паша сказал:

– Это предел, хватит, и так кулаки болят, к тому же может и коней двинуть – греха потом не оберёшься. Перекур устрой. Придёт немного в себя, обмоём и оттащим его в постель, уложим как куклу, а там пусть ищут, где он ночью бродил и куда падал.

Очнулся Костя, придя в сознание, когда на лицо ему тонкой струйкой бежала вода. Над ним стоял тот рыжий парень с гра-

фином в руках и с интервалами плескал на него воду. Паша, сидя в той же позе, что и раньше, будто бы и не вставал до этого,

заметив, что тот пришёл в себя, цинично издеваясь над полуживым парнем, сказал громко:

– Скоко живу, так и не понял, может, кто из вас надоумит, чё он лежит, растянулся на всю хату?! Вперёд ногами выносить нас не учили, мягко говоря, мне до фени: лежи тут скоко хочешь, но

сам подумай хата-то не твоя! К примеру, мне надумается ещё

пару раз съездить тебе по рылу, – и чё прикажешь? Мне на колени становиться затем, чтобы скулы тебе на место поправить?!

Ну, ты, мудака!.. а ну, братишки, подняли его на руки, как прежде я вас учил, токо держите правильно и крепко, а то промажу, потом у себя зубы считать придётся. Давай быстрее шевелитесь, а то уже жрать охота; ужин-то сёдня мимо

прошёл. Там есть в одной хате, хуторянин из дома приехал. Очередную посылку от мамки чувак приволок. Пока будем с этим хмырём разбираться, всю нашу хавку полопают, падлы!

Пока Паша рассусоливал, смакуя своё высокое в иерархии приклатнёного мира положение, – по крайней мере, он так считал – остальные сидели на кроватях и курили: в ту минуту они

никак не ожидали от жертвы такой прыти. Костя резко вскочил. Кто бы мог подумать, что полудохлый так может скакать: после, как минимум, трёх раз, подряд терявший сознание. Костя обжегал стороной стол, на котором сидел Паша, вскочил на подоконник и кулаком со всего размаха ударил в стекло, отчего оно тут же посыпалось, при этом сильно поранив ему ладонь. Тут

было уже не до руки, вся голова и лицо, словно каша: к тому же сработало чувство самосохранения, которое в отдельных случаях спасает человеку жизнь. Держась рукой за переплёт оконной рамы, одну ногу выставил наружу на отлив окна и в таком положении застыл. Поглядел вниз, – высоко ли лететь. Выломал кусок острого стекла и, сжимая в руке так, что с пальцев стала сочиться кровь, глянул вглубь комнаты на всю эту компанию, которая тоже замерла в недоумении, сказал хриплым, словно простуженным голосом:

– Хоть один подойдёт – по шее полосону или в морду брошу, все разом ломанётесь – хоть одного, но угроблю, а после

спрыг-

ну на низ. Давай подходи, кто смелый?.. кагалом бить одного вы горазды! Ну?!.. – держа впереди себя острый кусок стекла, запи- наясь в словах, стараясь громче кричать, сказал Костя. В эту ми- нуту слышались внизу громкие женские голоса. У входа в зда- ние стояли, задрав головы, дежурная вахтёрша и комендантша общежития. Услышав звон стёкол, после чего рассмотрев на фоне светящегося окна стоящего парня, обе подумали, – что их воспитанник сейчас станет прыгать со второго этажа. Подняли

шум: стали кричать, уговаривать и возмущаться, но Костя их не слушал. Костя ещё раз посмотрел вниз, но там стояла темнота, и где эта земля, определить было трудно; пока он смотрел и раз- думывал, кинул взгляд в комнату, но она уже была пустая – вся шайка исчезла словно растворилась. Уже через пару минут в

помещение с воплями вбежали две женщины. Дальше было разбирательство: кто бил, зачем, по какому поводу и сколько раз? В тот вечер в поселковом медпункте, куда Костю скорая

помощь увезла, дежурный врач посвятил ему больше часа, при- вода его голову, если и не в надлежащий вид, то хотя бы немно- го глаза открыть, чтобы видеть, куда ногой ступать. Настаивали на госпитализации, но Костя наотрез отказался, а когда доктор

сказал, что не отпустит его, встал и покинул медпункт.

На следу- ющее утро, ровно в восемь часов утра, когда звонок оповестил о начале занятий, Костю из общежития увели в кабинет директора училища. Войдя в кабинет, ему предложили присесть, отчего, отрицательно покачав головой, он дал понять, что в том не нуж- дается и остался стоять вблизи у дверей. За столом собрался

консилиум «дознавателей», – как обычно собираются на сове- щание. На своём почётном месте сидел директор, рядом с од- ной стороны заместитель по воспитательной ча- сти – завуч, с другой стороны участковый инспектор посёлка Новая – Соко- ловка; медики ему ещё ночью сообщили о слу- чившемся. Далее сидели преподаватели, которые вероятно не были в этот час за- действованы, мастер производствен- ного обучения группы, где Костя учился и те две женщины, которые ночью посодействова- ли в прекращении разыграв- шейся драмы. Допрос вели без при-

страстия, – куда уж тут применять что-то, когда на парне живого места нет. Все сидящие за столом – не менее десяти человек —

приготовились писать. Перед каждым лежит лист бумаги, между пальцев ручка торчит. Оставалось лишь зафиксиро- вать допрос, после сравнить, подкорректировать, отредакти- ровать и отпра- вить следователю. Костя решил стоять на- смерть, как когда-то

бравые гренадёры на Бородинском поле умирали. Как это и по- ложено в подобных разборках первым нарушил молча-

ние

участковый инспектор:

– Константинов, – спросил старший лейтенант, обращаясь к Косте, при этом пытливо вглядываясь в его изуродованную физиономию: глаза – щелки, как у монгола, синяков – на пальцах не

пересчитать, губы – клочья висят, ну и остального по немного, – кто вас избил? Говорите, ничего не боясь, подробно, не упуская ни одной детали.

– Меня никто не бил, – ответил Костя, с трудом ворочая рас-

пухший язык во рту и произнося с трудом слова. Сказал и тут же отвернул голову вправо, разглядывая на стене картину неизвестного художника, где была изображена панорама строящейся какой-то ГЭС. На полотне картины красовалась Сибирь: тайга кругом, строители в касках командуют огромным краном. В комнате тишина и пауза в допросе – писать нечего, ибо такое не стоит писать, Все застыли в ожидании.

– Тогда скажите, Константинов, поскольку у меня в руках заключение дежурного врача из поселкового медпункта и в нём

говорится, – инспектор постучал указательным пальцем по испорченному листку бумаги, лежащей на столе, сделав паузу, продолжил, – четырнадцать пунктов значатся в медицинском заключении о нанесения вам травм. Некото-

рые из них могли быть несовместимы с жизнью, здесь чёрным по белому так и написано. Откуда они могли взяться?! Не хотите же вы сказать, что пока спали – с кровати упали?

– Нет, с кровати я не падал. Я живу на втором этаже, пошёл вниз по нужде – в туалет, до конца не проснулся. На площадке лестницы споткнулся и головой вниз полетел; долго лежал, по-

том, кажись, пошёл куда-то, попал в какую-то не в свою комнату, искал дверь, чтобы назад уйти, а очутился почему-то на окне, там поскользнулся, отчего нечаянно стекло выбил, а тут заскочили в комнату комендант и вахтёр. Ну, вот и всё кажется.

В эту минуту в разговор втесались женщины свидетельницы, одна даже привстала со стула и обе, разом заорали на весь кабинет:

– Слушайте вы его, он вам не такое расскажет! Какая лестница! Причём тут туалет, если он собирался из окна сигануть!

– Правильно, – сказал Костя, прямо глядя на женщин, – вначале упал, потом лежал, после очнулся, и мне почему-то показалось, что меня девушка бросила, та, что ещё в школе учится в восьмом классе. Вот с горя и хотел посчитаться с жизнью.

– Так, – сказал в раздражении директор, в нетерпении перелезая живая на столе бумаги с места на место, – ты из себя-то дурачка не строй, а то загремишь в колонию для несовер-

шеннолетних вместе с теми, с которыми устроили мордобой!
То, что ты тут

нагородил, то лучше расскажешь кому-нибудь другому, но не нам. Доиграетесь в поддавки, что кого-то хоронить придётся!

Говори! Пока тебе в другом месте голову не поправили! И не вздумай выкручиваться, тут собрались не твои сверстники! Если и дальше всё на тормозах спустить, не то что в общежитии, а и училище хоть закрывай! Эти все манеры из колонии тут у меня не приживутся. Я не затем воевал, чтобы в училище, да под мо- им началом, анархии зелёную дорогу давать! Говори, сказал,

зачем голову-то отвернул?!

– В таком разе я вообще отказываюсь что-либо говорить, – повернув лицо к директору, сказал Костя, – потому, что я уже всё сказал, выдумывать, как-то не красиво, получится.

– Ты на лицо своё в зеркало глядел? Красиво ему надо! Куда, уж краше!.. И художнику не под силу, так разрисовать!.. – сказал директор, боком отвернулся и уставил взгляд в окно, по его по- ведению можно было определить, что дальнейшую беседу он вести уже не намерен.

– Ну, я же вам говорила, – сказала язвительным тоном толстая

сорокалетняя женщина – с комсомольским значком на груди – курирующая ВЛКСМ, профсоюз, кассу взаимопомощи и ещё массу всяких идеологических структур в учили-

ще, – у них круговая порука, они сплошь и рядом покрывают друг друга. И эта тенденция будет продолжаться до бесконечности, пока мы не переломим всему этому хребет. Надо срочно – в порядке необходимости, хотя бы для всего училища – нескольких застрельщиков преступного поведения отправить в колонию. Мы прекрасно знаем, кто это сделал; их давно пора передать на дальнейшее перевоспитание в другие руки – куда следует; и в училище бы спокойней намного стало. Но, Константинов!.. к тебе

обращаюсь – ты же, комсомолец, совесть у тебя есть или ты уже забыл, что это такое?! Ты должен об этом сам заявить, чтобы мы могли факт уголовщины зафиксировать, а ты их покрываешь.

Костя молчал, всё время, разглядывая ту самую картину на

стене. Директор, снова развернувшись в сторону стола и, глядя на всех сразу, спросил:

– Ну и что будем делать?.. Завуч, Василий Николаевич, не надо отмалчиваться, это по вашей части воспитание учащихся. Ваше мнение?

– Да тут о моей воспитательной работе говорить уже, пожалуй, поздно. Пусть участковый готовит материалы для следователя и передаёт куда надо. Раз нам известны те лица, которые уже неоднократно отметились, кто-то из числа участников всей этой вакханалии обязательно расколется и всё подробно расскажет. Да я примерно даже знаю кто, он

уже мне – рано утром полови- ну рассказал.

– Но без показаний потерпевшего следователь ходу делу не даст, – сказал участковый инспектор, – а за сам суд – можно за-

быть, все шишки только на нас посыпятся, и вам и мне достанет- ся.

– Так. Раз ты, Константин, решил в молчанку играть!.. твоё де- ло!.. – сказал директор. – Тебе же, дороже выйдет. Чего, рот то раскрыл?.. или не закрывается по причине слабоумия?.. Иди в общежитие залечивай свои болячки и ни ногой никуда, чтобы

был на месте! Потребуешься, мы вызовем, а мы тут ещё поду- маем, что с тобой делать и с теми, которые тебя били.

Из кабинета Костя вышел как раз во время перерыва между уроками. Нашёл Максимку, с которым имел хорошие отношения – парень был из местных и проживал в посёлке Самбек – занял у

него полтора рубля на билет до Ростова и спустя десяток минут, пока там продолжали совещаться, он уже маршрутным автобу- сом катил в сторону автовокзала. Самый дешё- вый билет до Ро- стова на автобус «ЛАЗ» с жесткими сидениями стоил один рубль двадцать копеек. От Ростова на- правляясь до тётки в Краснодар- ский край, поехал дальше зайцем – электричкой – там деньги

платить за билет было бы глупо. Домой ехать вариант сра- зу от- падал – с такой побитой до неузнаваемости мордой,

там не по- явишься – людей токо пугать. Решил залечить раны подальше от людских глаз в глухомани деревни. Прошло более двух недель.

Оказывается – фингалы под глазами легко наносить, но быстро покидать лицо они не желают. Не появляясь в училище на занятиях – о нём почти забыли, а он тем временем в душе надежду лелеял: «Поеду туда после... – когда дома побываю, а там гляди и выгонят – исключат из училища за прогулы. Чем быстрее, тем лучше, меньше головной боли. Что будет то и будет: от любви и несчастья все! Теперь сиди сидьма, где попало и страдай в одиночестве...». Костя на этот счёт глубоко заблуждался, не зная

правил игры в таких учебных заведениях как Гэпэтэу. Из этих училищ не исключают – неправильно на самом верху поймут, припишут неправильную постановку вопроса в отношении бу-

дущих кадров пролетариата: а там и высылка, куда Макар телят не пас, а то и пятьдесят восьмая. Это из средних и высших учебных заведений отчисляли, чтобы пополнить ими пролетарские ряды и было для кого, каждое утро крутить одну и ту же пла-

стинку: «Широка страна моя родная, много в ней лесов, полей и рек, я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек...». Косте Константинову до вольности и всеобщего счастья шагать и шагать... – сколько-б не шёл, все ноги собьёшь, глянул вперёд, а там уже край могилы.

А если по пути к тому счастью,

вдруг вспомнить, что в стране не за деньги трудились! Для пролетария речь о деньгах — это нехорошим тоном являлось: низко, с буржуазным подходом и не по-коммунистически. Счастье получалось какое-то бедное, нищее: сильно на бродягу похожее. А что касается Гэпэтэу, то там было только две дороги. Первая —

это кое-как доучиться и с богом покинуть никчёмные стены, уйдя в пролетарии; вторая проходила через ворота колонии для

несовершеннолетних — та же зона за колючкой. Была и третья, о которой старались вслух не говорить — на ближайшее кладбище. Главное правило дойти до конца — там, на стройке научат, а пока хотя бы числись. Для Кости — на этот для него исторический момент — сложилось одно к одному: тут Лариса ни с того, ни с чего взяла и забеременела, а тесть пригрозил, что на вилы посадит.

За Новошахтинск — хоть не вспоминай — там хуже, чем в подвалах средневековой инквизиции. Деваться некуда, душа по Ларисе

на части разрывается. В одну из ночей прибыл в деревню, минуя свой двор, зашагал туда, куда всем сердцем и плотью стремился. Тихонько зашёл до боли в знакомый двор, милый сердцу и

разуму; тихо постучал в окошко любовного гнёздышка, где спала

– Она! В ту же минуту за занавеской включилась настольная лампа. Костя стоял и смотрел в эту минуту через окно. Щёлкнул внутри крючок на двери, и Лариса впустила своего жениха, как впускали когда-то подпольщики агента связного из-за линии фронта. Прикрыв за собою дверь, оба замерли у порога.

– Тебя так долго не было! Бросил меня здесь на произвол судьбы! а сам исчез, словно, я во всём виновата!.. – Лариса подошла вплотную к Косте, положила руки на плечи ему, а голову на грудь, прильнув щекой, всхлипывая, продолжила. – Крайняя беда для нас настала, Костик, я прямо всё это время как не в

своей тарелке, не знаю, что и думать. Сижу, страдаю в одиночестве все вечера напролёт, а от тебя почти месяц ни одной ве-

сточки. Скажи, что можно подумать на моём месте, тем более ещё и моей маме?! Я знаю и очень хочу – мы должны быть

счастливы, но сейчас это очень сомнительно.

Костя обнял Ларису за спину, стоял, слушая её и, молчал. Лари-

са тяжело вздохнула, отстранив от себя жениха, взяв за руку, подвела к тусклому свету настольной лампы, пристально вглядываясь в его лицо, сказала:

– Исхудал-то как! Тебя там толи не кормили?.. бедненький ты мой! Прямо потеха и только! Ты в зеркало давно

на себя смот- рел? Запустил на голове волосы, сразу видно, что давно неме- тые. На бороде волосёнки торчат, на губе болячка, а почему си- няки под глазами... – дрался с кем- то?.. Можно подумать, что из тюрьмы ты явился! А мама от наших приключений занемогла

совсем. Больше лежит – у неё давление. Мы точно её в мо- гилу загоним. Ну, чё ты стоишь и молчишь, язык отобрало?

– А что говорить?.. и чё же теперь, идти, куда глаза гля- дят?..

– Вот глупый! Какие глаза?! Отец обоих убьёт, если вдво- ём нас поймают!

– Прямо так и убьёт!.. меня вон десять человек хотели ухайдо- кать, как видишь, живой перед тобой стою. Переме- лется – мука будет. Так всегда старые люди говорят.

– В неудачное время мы всё это затеяли, надо было ещё хотя бы годик подождать, – сказала Лариса и замолчала. По- дошла к кровати, присела на краешек, печально глядя на Ко- стю, чуть улыбнувшись, при этом лукаво прищулив свои длинные ресни- цы, что было ей очень к лицу и всегда сво- дило Костю с ума, ска- зала: «Теперь об этом забудь, теперь нельзя, а лучше иди до-

мой, а то не дай бог, отец проснётся, и выскочить не успе- ешь...».

Как вошёл Костя, будто в чужую хату крадучись забрался, так и покинул, молча, и даже Ларису не поцеловал на про- щанье. «А собственно, чем бы я её целовал?!... – когда губа

никак заживать не желает!...» — подумал Костя, закрывая тихо за собой калитку. На следующий вечер, как раз была суббота, когда вся деревен-

ская молодёжь из города на побывку приезжает, Костя в полном одиночестве отправился в сельский клуб. Вначале было кино,

просмотрев которое, Костя так и не понял, что он смотрел; потом были танцы под пластинку, пообщался с товарищами и друзьями в процессе чего и узнал — кой чего. Как стало понятно из разговоров, а больше обмолвок и намёков: уже и сплетни о Ла-

рисе пошли. Теперь от поклонников у неё не было отбоя: пронюхали, что вовсе не девочка она. К тому же — такая красивая девочка, а в прошлом недоступная, а вдруг сейчас всё изменилось совсем наоборот. Куда дорога протоптана — туда кобели

всегда и плетутся. Косте вся эта бодяга сильно не понравилась. В душу закрались сомнения, а вслед за ними нагрянула ревность, мучительно стало, — хоть иди и вешайся! Утром в воскресенье —

чего раньше никогда не делал — Костя уехал в Новошахтинск.

«Тут дома не сладко — там противно и опасно, а в середине дороги — она милее всего для меня сейчас, — думал Костя, сидя в кресле автобуса, — можно бы было уехать на край света и забыть всё раз и навсегда...». Как не надеялся Ко-

стя избежать встречи с Лидой – не получилось: она его сама в тот же день нашла.

Столкнулись, казалось случайно – на дорожке, ведущей в уличный туалет. Костя возвращался, а Лида, видимо проследив из укромного места, шла ему прямо навстречу. Встретились на середине пути: Костя взял вправо, выйдя на траву, пытаясь её пропустить или обойти. Поравнявшись, она сделала резко шаг влево, почти столкнувшись, схватила парня за локоть, при этом сказала:

– Ну, ну, ну... тихо ты, тихо, прямо не удержишь!.. куда так летишь, школьница твоя далеко и никуда не денется, уже за столом уроки зубрит. Да не вырывайся ты!.. я же тебя не насиловать собралась. Фу ты! Стой, говорю!.. пару слов хочу сказать, а потом чеши хоть до своей школьницы, хоть до её учительницы!..

– Чего тебе от меня надо?! Отвяжись!.. – сказал Костя, дёргая руку, пытаясь освободиться и уйти.

– Да не буду я за тобой бежать – не хочешь слушать и не надо, сам придёшь, когда жареным припрёт!

– Говори, что сказать хотела.

– Ты, наверное, все грехи на мою голову свалил. Да не заставляла я их бить тебя, не заставляла!.. могу, чем хочешь поклясться! Наоборот, Пашку просила, чтобы пальцем тебя не тронули, а лишь поговорили, ну, припугнули бы немного. Я же не думала, что у этих дебилов совсем в голове мозгов нет! А оно видишь,

чем кончилось?!

– Ну, мне-то ещё не видеть, когда одной ногой уже на том све- те был! И как, лично для тебя – кончилось?!.. или только нача- ло?.. За услугу со всеми расплатилась? Если не секрет, по сколь- ко раз по кругу пропустили?.. наверное, еле ноги унесла.

– Дурак ты, полный дурак! Не считай меня за последнюю тварь! Так я им и расстелилась, быстрее свои языки проглотят! Не было ничего, о чём ты думаешь, не было! Пойди сам спроси у них – у любого!.. И если, какая-то, сволочь и пад- ла, соврёт!.. Богом кля- нусь, до утра не доживёт!.. На зону пойду, но, суку, прирежу!..

– Да какая мне разница – было или не было, я, что твой отец или муж?! Вон видишь, идёт длинная глиста – твоя подруга?.. с

кем она эту ночь кувыркалась мне до фонаря, как и ты тоже! Да- вай как-нибудь по разным тропинкам ходить.

– Ты, наверное, так и не понял, я не собираюсь отказываться от того, что считаю должно принадлежать мне!..

– Даже так вопрос стоит?.. Жуть какая-то или всё мне это снит- ся! Я чё кукла на витрине магазина выставленная, а ты её купила и права предъявляешь?.. Чё, ты за мной ходишь, чего тебе от меня надо? Я же тебе ещё в первый раз сказал, чего непонятно! Натравила, как последняя тварь своих бла- тарей и ещё ко мне в душу лезешь! Да ещё в чём? – в гряз- ных, в навозе башмаках!

Пойми, мы разные с тобой, как мир живых и мёртвых, неужели тебе этого не понять? Нас невозможно соединить, как материки, разделённые океаном, а ты пытаешься огнём зажечь воду. Ты мне противна, даже когда являешься на память. Что с того, что

избили из-за тебя, довольствуйся, радуйся, но дела не попра- вишь! Тем своим поступком ты сделала хуже лишь для себя. Ещё побьют?! Господи напугала! Я что под аналоем с тобой стоял

или клятву верности давал? Да даже, если бы по какой-то сверхъестественной причине я был бы твоим мужем, что из то- го?.. Бумажка – она и есть бумажка! И свидетельство о браке

ещё никому не гарантировало совместную жизнь до конца. Да лучше весь век быть монахом, чем вот с такой как ты под одной крышей жить!..

– Ну, что ж, и на том спасибо!.. ты мне в душу столько напле- вал, что уже туда не уместится ни одно слово. Придётся отрыг- нуть. Прощай пока, гляди, на том свете уже свидимся. Кто из нас гадкий утёнок – ещё посмотрим, вероятно, кто последний слово своё скажет.

– Снова пугаешь! Как же я тебя только ненавижу!..

Она обернулась, больше не сказав ни слова, и напрямую, по траве, быстро зашагала в сторону учебного корпуса. Костя не- много ещё постоял, приводя свои нервы в порядок, после про- должил путь; подумав, – что теперь, может быть,

наконец-то от него отвязнется. Исчерпав все душевные силы свои, тая эту

надежду в душе, он глубоко заблуждался, ибо ещё плохо знал эту настырную личность. В тот же день в конце занятий к нему подошёл парень из местных, проживавший в посёлке Пятая

шахта. Костя с Леонидом поддерживал дружеские отношения. Леонид подойдя, покрутил головой, осматривая, нет ли побли- зости посторонних, после чего, сказал:

– Отойдём немного в сторонку – тема есть для разгово- ра, – ко- гда прошли к забору, стоя среди деревьев, Леонид продолжил, – ты, Костя, на субботу сваливай домой, или ку- да-нибудь в другое место, только не оставайся в общеаг.

– Так я же только в воскресенье из дому приехал, – сказал Кон- стантин.

– Езжай опять – кашу маслом не испортишь, но лучше раньше тебе уехать. Западная, а вместе с ней и Пятая шах- ты придут к вам в субботу: воспитанием вашей общаги за- ниматься, а то и тебе перепадёт: на морде-то у тебя не напи- сано – кто ты такой. И тебя – получится так – что за тебя пришли разбираться и тебя же по ошибке отрихтуют по-пол- ной. Усёк?.. – а то у тебя старое ещё вон не зажило. А Па- ша не только тебе насолил: на Новой – Соколовке ему луч- ше не появляться: сказали, отвезут на забро- шенную шахту и в шурф вниз головой спустят. Он со своей прибалтнёной шарашкой – отца одного пацана избил,

и карманы почистили, возле «Огонька» кафе – ресторан, знаешь такой? Вот там они его и приловили. Он конечно пьяный был и темно кру-

гом, но всё-таки одного вспомнил – высокий и он бил сильнее всех остальных. Кроме Паши больше никому. Так что уезжай лучше в пятницу, дёргай быстрее, а то надумают раньше явиться-ся. Это мне сказали, что б я передал, и ты знал. Так сказали па-цаны из Пятой шахты: там какой-то: то ли родственник твой, то-ли родители его с того села где ты живёшь. Вобщем компания

намечается – закачаешься. Ваша общага уже в городе как бельмо в глазу, если дело и дальше так пойдёт – вас точно спалят со всеми вашими потрохами. Представь себе – недавно там на Пятой – целое кино случилось. Вылезают мужики из забоя, помылись в бане: сунулись в шкафчик свой, а там какое-то тряпье висит и, получается, одеться не во что. Выходная одежда у шести мужиков долго плакала и пошла куда-то богу молиться. Это выходит, что пришли – и как я думаю – опять Пашин след, они и ходят всегда по семь человек. Так вот, явились эти фраеры, в бане помылись, их там даже видел кто-то, после оделись во всё новенькое и свалили, а своё барахло: фуфайки, сапоги кирзовые,

брюки, что сварные носят – это оставили. Мужики бедняги ждали, пока из дома привезут одежду. Я вот думаю, что раз их семь, а одежи пропало шесть – Паша на себя не успел подобрать —

спешили очень, а под руки видно попадались все маленькие размеры. Не знаешь, кому-нибудь не предлагали вещи?

– Если и предлагали, меня обойдут стороной и вряд ли кто мне скажет. В общаге у меня нет не то что друзей, я почти ни с кем

не здороваюсь. Живу как на вулкане, если ночью не жакнет на

голову мне, как в прошлый раз, то днём может взорваться. Тут я как ягнёнок среди стаи голодных волков. Даже не знаю, как до весны хотя бы выдержать. Весной, говорят, нашу группу на практику отправят; говорят, что в станицу Кочетовскую – домики там двухквартирные строить будем. Не знаешь, где она находится?

– Это далеко, за городом Шахты, на берегу Дона. Я там сам не был, но оттуда по осени к нам виноград на бортовых машинах привозят и продают на каждом углу. Ну, давай, потопал я на автобус, а ты смотри, как что – дёргай когти!

– Давай, спасибо, что предупредил, – сказал Костя, пожилая

Леониду руку.

На следующий день во время длинной перемены в уроках, на втором этаже учебного корпуса, в самом конце коридора, словно из засады выпорхнув, Лида поймала его. Буквально тут же всё началось по второму кругу, словно продолжая тот разговор у туалета.

– Может, всё-таки договорим?.. а то как-то всё на полу-

слове оборвалось, – сказала она, преграждая дорогу, мечась от стенки к стенке неширокого коридора.

– Снова пугать пришла? Так сразу бы своих выроdkов позвала, с которыми с малъства в их постелях спала. Я могу подождать.

Только на этот раз номер вам не пройдёт: выгораживать вас и запирагься не стану; пойдёте за милую душу все за высокий за- бор и за тот случай тоже!

– А почему ты уверен, что сия чаша тебя минует? Вот тогда лучше тебе туда не попадать. За это там не то, что задницей на парашу посадят и головой в неё окунут, но кое-что там имеется похлеще и именно это для таких мальчиков как ты!

– Иди!.. сказал, пока у меня терпение не лопнуло. Вон видишь окно?.. вниз головой спущу, скажу, сама выбросилась от нераз- делённой любви и мне поверят. Доказательства тому есть – все ведь знают, что ты за мной по пятам ходишь. Не веришь? Я не

пугаю и не блефую – только пятки сверкнул! А там внизу асфальт

– как раз то, что надо. Я так чувствую, что мне от тебя не отвя- заться, ну есть ещё один вариант – пойти и вздёрнуться, но это

уж хрен дождётся, не на того напали! Кстати, скоро к вам придут городские и разберутся и по поводу меня будут к вам серьёзные вопросы. Вся Западная шахта пожалует к вам в гости —

готовьте столы для сабантуя. Весёлый выйдет концерт.

После этих слов Лида изменилась в лице, резко крутнулась на месте и быстро пошла по коридору к лестничной площадке, а

Костя треснул ладошкой себя по затылку и вслух тихо сказал:

«Во, дурак! кто тебя за язык-то тянул!...». На занятия в тот день Костя больше не пошёл. Был ещё только четверг, забежал на секунду в общежитие, в своей комнате окинул её взглядом,

словно проститься пришёл, вслух сказал: «Чё голому собирать- ся?.. – как говорит моя мать, – подвязался верёвкой в поясе и

готов. Гитару жаль – разбили падлы! Ну, да ладно куплю когда-нибудь другую...». Скорым шагом пересёк двор училища, чтобы ненароком не нарваться на кого-нибудь из преподавателей и

направился по дороге через железнодорожный переезд в сторону посёлка. Взойдя на насыпь: на время замер, оглядывая окрестности. Кругом терриконы торчат, своим конусом напоминая египетские пирамиды: только чёрные и курят подобие за- тухших вулканов – это уголь в породе от самовозгорания тлеет

годами и десятилетиями. В воздухе стоял угарный газ, будто рядом кузнечный горн дышал мехами; стал накрапывать моросящий дождик, но на душе вопреки всему было

впервые за по-

следний месяц радостно. Возможно из-за того, что придут по- считаться с его врагами, а скорее всего, что едет он домой и

снова увидит Ларису. Вздохнул, ещё раз кинул взгляд в сторону ненавистного училища и, торопясь, зашагал вниз с насыпи.

**Пройдусь по Доломановском – на-Пушкинской
немного задержусь.**

*А где оно, твоё начало, В чём суть его и соль его,
С какого, собственно, причала Пункт отправления
твоего.*

(Анатолий Таранец.)

Направляясь по улице Энгельса вниз к вокзалу: из раздумий и глубокого забытья Костю вывел стук мастерка каменщика, доно-

сившийся, откуда-то спереди. Этот звук не спутаешь ни с чем другим. Впереди был виден уже сам вокзал – на эту минуту пока не востребован, ибо дальнейшие планы у Константина были совсем иные – вокзалы ему на данный момент совсем ни к чему. План был прост: как перебежать дорогу, проскочить на обрат-

ную сторону железки по навесному мосту в Ленгородок, а там, в тех краях – как ему подсказали – отыскать то училище под №-6, куда и собирался он сдать документы. На пересечении улицы Энгельса и проспекта Сиверса, на самом углу стоит высокий

кирпичный забор: плавным круглым изгибом обрамляя терри- торию нефтеперегонного завода. Сейчас там стояли впритык к этому забору подмости – рештовка: на ней стояло пятеро молодых парней, и клали кирпичи, громко стуча мастерками. Внизу на тротуаре копошились ещё столько же: кто-то подавал кирпичи, другие вёдра с раствором. Костя думал недолго и решил

проконсультироваться, – всё-таки коллеги. Подойдя, попривет- ствовал, после чего спросил:

– Критическая ситуация на пути мне под ноги упала: в училище строительное треба документики сдать. Не посоветуете куда?.. а то я в Ленгородок, в шестое направлялся.

– По первому году что ли... – так чё так поздно? Уже занятия давно идут – или болел всё это время?.. – спросил высокий па- рень.

– Не, я на второй курс и переводом из другого училища, из Но- вошахтинска. Специальность, наверное, как и у вас – каменщик- монтажник.

– Тогда давай к нам. К тем, козлам, в Ленгородок не ходи, мы к ним как-то – не то, не очень расположены, – сказал

тот же высокий парень, — есть общага у нас, если не хочешь могём к себе на квартиру пристроить.

— Да мне-то всё равно, лишь бы куда, — ответил Костя.

— Ганс, — задрав голову кверху, обратился к стоящему на подмостках низкорослому парню, — бросай нахрен свой мастерок и

слазь с рештовки, пойдём вон пацана к себе устраивать. А вы давайте в том же духе, — обращаясь ко всем остальным учени-

кам-строителям, сказал высокий парень, — мастер явится, скажи-те ему всё как есть, что скоро у него в группе ещё один ученик добавится. И не волыньте тут!.. чтоб к концу дня рештовку дальше переставили!..

Оба парня подошли к Косте, протянув по очереди руки стали знакомиться:

— Я Иван, — сказал высокий парень, — а это чудо, шо рядом стоит, Гансом его будешь звать — это имя ему нравится, но можно и Санёк или Шурик. Так... — похромали на хату, где мы живём; по

пути заскочим в училище и Мосю прихватим, а там разберёмся кого и куда. Деда сначала надо уболтать, а то возьмёт и заершится, к тому же скоро за два месяца за квартиру не платили. Этот вопрос на Мосе висяк, пусть припугнёт деда своим гэпэу. Как видно всё меняется к лучшему — в нашем полку прибыло. —

Иван поглядел на своего товарища, окинув взглядом

с ног до

головы, скривился и сказал, обращаясь к нему, – Ганс, ба-
рыга ты подзаборная, несчастный гоп-стопник!.. ты хотя бы
штаны от раствора отряхнул, стыдно по городу рядом идти.
Вот мурло!..

Токо блатного из себя строить! Ты чё не знаешь, что по го-
роду положено чистым ходить?..

– Чего ты, Ванёк, меня всё учишь?! Положено, не поло-
жено... то, что в карман не положишь – вот то и не положи-
но. Вот когда в сартир или на парашу пойдёшь – там ложи
скоко угодно.

– Ты снова, Ганс, на феню ботать перешёл. Ладно, пока-
нали – как есть – дома пёрышки свои почистишь!

Вскоре они уже вчетвером подходили ко двору – на Пуш-
кин-

ской улице, где квартировали. Пётр Леонтьевич, увидев
парней, поднялся с лавочки и направился к своему дому. Ко-
гда обгово- рили все детали вселения в хату нового кварти-
ранта: хозяин по- дворя, пристально оглядев парня, спро-
сил:

– Ну и как имя у нашего нового жильца? – не дождавшись
отве- та, добавил, – паспорт и приписное воинское свиде-
тельство при- несёшь: поставлю в военкомате на учёт и вре-
менно пропишу, а то мне за это могут и шею намылить. Так
как, говоришь, тебя
звать?

– Костя, а фамилия – Константинов.

– Уф ты!.. так и просится ещё слово добавить – Рокоссовский. Звучало бы намного для слуха лучше! – Сказал, смеясь, Пётр

Леонтьевич, – сами подбирали это словосочетание или вас от рождения наделили?.. хотя о чём это я, сейчас совсем времена ведь другие, извините, пожалуйста, старика за столь глупый во- прос – сужу, наверное, по себе. Идите, смотрите, где вам жить придётся, к сожалению, лучшего места предложить не могу,

пришли бы вы ко мне Константинов лет этак назад... – пятьдесят с хвостиком, разговор бы носил иной характер.

Гуськом направились к входной двери домика. Первым шёл тот самый Моська, с которым Костю во дворе училища познакомили – сам он шёл в хвосте. Войдя, Костя сразу определил, в каких условиях ему придётся в дальнейшем сосуществовать в новой компании, так неожиданно свалившихся на его пути друзей. Помещение куда они вошли прокурено насквозь: тяжёлый спёртый воздух, всё пропиталось, вероятно вместе с крышей. На облезлой, ободранной и покрытой паутиной трещин печке, застеленной пожелтевшими газетами, стоит трёхлитровая банка до

половины заполнена ржавой хамсой. Постели разбросаны, а посреди самой широкой кровати гитара лежит, что мгновенно

привлекло взгляд Кости, после чего на весь остальной рас-

кар- даш, он уже не обращал внимания. С весёлой откуда-то взяв- шейся ноткой в голосе, спросил:

– Кто-то из вас на гитаре играет?

– Это вон – Ганс, у нас побренькивает одну и ту же песню, дру- гих он не знает, как его из Ленинграда в Воркуту по эта- пу везли, ещё цыганочку играет, но танцевать некому, – ска- зал Иван.

– Можно попробовать? – спросил Костя.

– А чё там пробовать – бери и тренькай, – ответил Иван.

Костя взял гитару, подвинув к себе табуретку, поставил на неё одну ногу, а правую сторону корпуса гитары положил на колено. Указательным пальцем, не притрагиваясь к стру- нам на грифе,

провёл по всем струнам, прислушиваясь к звучанию са- мой гита- ры. Гитара издала звук, который его удовлетворил, после чего

несколько минут настраивал инструмент до нужного зву- чания, наконец, поднял голову, сказал:

– Я в Одессе хоть и не был, всё мечтаю попасть туда, но эта песня про меня.

Клацнул звучно серией пальцами ногтей по струнам и так ду- шевно запел, что сразу всех очаровал, Иван так тот и рот рас- крыл, а Костя тем временем душевно пел: «Я вам не ска- жу за

всю Одессу, вся Одесса очень велика, но и Молдаван- ка и Переса обожают Костю моряка...». Следующая песня

также посвящалась Одессе: «На Молдаванке музыка играет, на Молдаванке пьяные поют, на Молдаванке прохожих раздевают, на Молдаванке

блатные все живут. На Молдаванке есть красивый домик, там днём и ночью занавешено окно, а в этом доме живёт мой друг, мой Колька, ах не влюбляйтесь девушки в него...». Концерт затянулся надолго. Костя заканчивал петь одну песню, просили ещё спеть, а в репертуаре у него их было много – до двухсот. Большинство этих песен – позже назовут «Шансоном» – тогда это

называлось блатными песнями и даже песни Высоцкого – по

непонятной причине входили в этот список, которых Костя знал много, подражая его голосу. Немного уже подустав, Костя как

бы в завершение концерта, с особой душевностью, и самой игре на гитаре, – что выражалось в преломлении грифа по отноше-

нию корпуса гитары и от этого приёма игры струны на ней начинали звучать протяжно и жалобно петь. Перебирая струны пальцами, отчего каждая струна плакала в своей тональности, спел

свою одну из любимых песен: «Шутки морские порою бывают, жестоки. Жил был рыбак с черноокою дочкой своей. Пела, плясала, росла, словно чайка над морем. Крепко любил её старый рыбак Тимофей...». Наконец Костя умолк,

затихли последние аккорды, сложил руки на грифе гитары, в ожидании отзывов в свой адрес. Первым в ту же минуту радостно воскликнул Иван:

– Ну, теперь мы живём!.. Ганс, так ты теперь понял, как надо

играть и петь?!.. А то зарядил одно и то же, – Ленинград да Вор-кута; гундосишь её изо дня в день, как поп в церкви молитву!

Надо будет смотаться на площадь Карла Маркса в студию, и за-

писать на плёнку, что на рентгеновских рёбрах пишут. Несколько песен твоих, Костя, повезу к себе домой – пусть в станице по-

слушают. Мося, – обратился Иван к Николаю, – давай шкандылай до деда пусть займёт пару червонцев. Скажешь, что все сразу – оптом отдадим и за квартиру тоже. Будет бакланить, припугни

своим старым приёмом, ну ты знаешь: удостоверение под нос подсунь, токо не произноси слово – милиция, он этого слова не боится, говори гэпэу. Не отметить такой день не то, что грешно,

даже не по-человечески – какая-то подлянка получается. Честно скажу, слушал сейчас Костю, как пел он, чуть было не заплакал. Надо срочно напиться!.. а то что-то в душе после его песен тя-

гостно стало, будто кого-то с родни схоронил!

Открылась дверь, вернулся посланец, с двумя червонцами в руках, кинул на стол и сказал:

– Банкуйте! Дед сказал, – насрал он большую кучу на мои намё- ки, что таких оперативников гэпеу как я – говорит – давно, ещё

полвека назад через задний свой проход он разглядывал. По- моему, деда уже ничем не напугаешь. Сказал, что больше ни копейя не даст, пока полностью не рассчитаемся с долгом. Мне лично на днях пришлют из деревни почтовый перевод, так что я за себя ручаюсь.

– Вот, Мося, – сказал Иван, – половину долга уже и натянули, а там мы съездим по домам, и всё будет в ажуре. Так!.. раз деньги есть для начала... – Мося, Верка в какую сейчас смену работает?..

– На этой неделе в первую смену, скоро должна дома быть.

– Всё! сваливаем на Веркину блат хату, сто очков кому хочешь дам – там всё на мази получится. Раскрутим по-полной её и Том- ку, а дальше масть сама ляжет в ладошку.

Улица Пушкинская упиралась в переулок Доломановский по- добием тупика, ибо на этом она заканчивалась: повернётся

налево, хоть направо – ты уже идёшь не по ней. В этой конечной её точке располагалось ГПТУ №-7. Собственно она в него и упиралась, дальше ходу – только на крыльях. От здания училища, вниз в сторону Дона, уходил рукав – на проспект (язык не поворачивается эту прямую кишку

человеческого организма про-

спектом называть) Сиверса, тянувшийся между вонючим каналом, где текли помои Темернички, а слева забор нефтеперерабатывающего завода. Со стороны проспекта Сиверса этот завод

представлял собой жуткое зрелище: какие-то сараи немногим выше забора, односкатные крыши покрытые рубероидом и залиты гудроном, внутри кирпичное что-то стоит: всё в копоти и в том же гудроне, всё это на трубах, из которых сутками что-то чадит. Сказать, что воздух в этом месте был тяжёлый – это значит, вообще ничего не сказать. Когда стояла тихая пасмурная погода без ветерка, не задумываясь можно было сразу надевать противогаз, разумеется, если есть в наличии. Гудроном, мазутом,

креозотом, самой нефтью и ещё чёрт знает чем, но воняло так, что людям со слабым здоровьем лучше сюда не попадать. Для того чтобы стало понятней, что из себя нефтеперегонный завод представлял, требуется самая малость: открыть Историю государства Российского и найти старые фотографии города Баку конца девятнадцатого века, где на снимках наглядно показаны такие заводы. Напротив, через дорогу положение было не в

лучшую сторону – там текла Темерничка, а в неё со всего города по трубам диаметром в человеческий рост стекала вся гадость, которую после себя воспроизводит человек. Странное дело получается: такое мелкое, совсем ничтожное су-

щество – этот чело- вечек, а сколько всякой дряни от него получается, – уже весь

земной шар загадил. Так вот – эти две составляющие, о которых сказано выше, словно соревновались между собой: у кого пово- нючей и чей дух быстрее изживёт со света людей. В обратную

сторону, если с Пушкинской повернём направо, за забором учи- лица – этого бастиона в области знаний и навыков в строитель- стве, в котором и учились наши герои дальнейшего рассказа,

начинались трущобы. Чего – чего, а вот трущобы городить чело- век всегда был мастер высокого класса. Там тянулся частный

сектор – так называемого старого фонда жилья со дня образования города – это примерно так, как в музейных запасниках ле- жит старое добро, – лежит и пусть себе лежит, гляди и пригодит- ся кому-то. Дворы как бы общие: с множеством калиток, прохо-

дов, тупиков и дырок всяких, куда не только собака пролазит, но и личности с отсутствием лишнего габарита в брентном теле. В

этих дворах домики стоят: приплюснуты, вросшие в землю на три – пять квартир – комнатушек, больше похожи на навозную кучу, которую со всех сторон на норы крысы изрыли. Входя в эти дворы, в глаза тут же бросалось – это крыши – все на заплатках и все материалы в наличии: от ру-

бероида, черепицы времён Куту- зова, до кусков жести и листов фанеры. Ступеней перед дверями не имелось, они обычно находились внутри: открыл дверь и иди дальше, только за собой не закрывай – окошек нету, и тьма

наступит. Узкий проход в темноте: нащупал ручку дверную, во- шёл, а выключатель не знаешь где. Доставай из кармана спички, иначе будешь стоять как в гробу, даже мухи и те не желают тут

селиться. Проживала в этих трущобах прослойка-общества, – вполне нетрудно догадаться по жизни кто здесь обитал. Давно известно, что чем ниже спускаться по ступеням социальной лестницы, тем страшнее и омерзительней будет там всё выгля- деть. В такие злачные места стремилась вся рвань, пьянь и ни- щета не исключая уголовный элемент. В одной такой квартире проживала женщина бальзаковского возраста со своей восьми- летней дочерью. Дама утончённой чувствительности, солидная и при всех прибабасах, которые кстати, не всем мужикам по душе; характером добрая, уступчивая, готовая всем поделиться

– даже тем, что большинство женщин считает самым её драго- ценным сокровищем. Кстати, мужики поголовно категорически против такого взгляда на принадлежность той женской вещи, которую она всю жизнь прячет от посторонних глаз. В советской жизни простых граждан, с появлением в квартирах и в частных домах цветных телевизоров и бабинных магнитофонов фирмы

«Сони», купленных в комиссионном магазине; персидских ковров и хрусталя в сервантах, в ходу на этот счёт ходил популярный анекдот. Передавался, правда, сей анекдот из уст в уста только среди мужской части населения. Мы попытаемся его рассказать в своём изложении и редакции.

«Женщина бальза-

ковского возраста лежит в постели в ожидании своего любовни-

ка, который открыв от удивления как можно шире рот, стоит на пороге, вылупившись на предмет предстоящих утех в ближай- шие минуты. У дамы пледом прикрыты только ступни её ног – то, что под пледом – на то лучше всего не смотреть. Остальные женские прелести из-под бижутерии тонкого нижнего белья вы- лези наружу, как сдобное тесто вылезает из квашни. Толстые

губы полуоткрытые – слюнки текут: ждут, не дождутся, когда их любовник засосёт в свою бездну. Кулачки у дамы то сжимаются, то разжимаются – можно подумать, что корову собралась доить. Любовник на удивление абсолютно трезвый – ни в одном глазу, но чем-то напоминает забулдыгу из подворотни. Вытянул голову вправо – словно гусак и вслушивается: за перегородкой что-то

заурчало, или с унитаза говно спустили, или упал кто-то там на пол. В комнате благоухает духами или одеколоном «Красная Москва»; вероятно, готовясь к предстоящим любовным проце- дурам, хозяйка вымыла им все полы. В воз-

духе под самым по- толком незримо витает сексуальная на-
пряжённость. Временная задумчивость обоих вдруг исчеза-
ет на их раскрасневшихся ли-

цах – давно пора приступать к главному, – зачем и собра-
лись. Но дамочка наученная горьким опытом в прошлом, те-
перь прини- мала любовника, молча: она не произносила тех
сакрально-

сексуальных ранее слов: «Милый мой, возьми у меня всё
самое дорогое!..» – Ибо при этих словах возлюбленный оки-
дывал жад- ным взглядом всё по кругу, что под стенами сто-
ит и выбирал,

что подороже. И как обычно, выбор всегда останавливал-
ся на телевизоре или магнитофоне «Сони». Сграбастав в ру-
ки, водру- зив на живот, уже не оглядываясь, покидал квар-
тиру случайной любовницы. Раскрыв пошире рот, она пыта-
лась остановить его словами: «Стой, сокровище моё, куда же
ты?!..», – но дверь уже захлопнулась за ним, любовная идил-
лия не состоялась!.. И всё- таки, что же случилось дальше
в этом случае?.. человек-то из

подворотни стоит ведь сейчас в ожидании?!.. Обещаем
расска- зать в другой удобный момент, выбрав и заполнив
свободную

пустую строку. А пока вернёмся на квартирку тёти Веры –
четыре на шесть метров; отдельный коридор – метр на метр.
В отличие

от других – соседей – в квартире было окно размером с га-

зету, но это была уже большущая привилегия. Одно неудобство и

плохо казалось, когда кто-то в двери стучал: видны были лишь ноги и то до колен. Знать хочешь: кто к твоему порогу надумал явиться?.. – придётся запомнить у всех обувь, какая. Запомнить всех не под силу даже академику: сутками напролёт сновали туда-сюда кому только не лень, включая и лиц довольно подозрительных, которых не мешало бы в ментовке-уголовке сравнить их пальчики с каталогом и фотографии в альбоме поли-

стать. Но при всём при этом – хату эту притоном назвать нельзя; ну, не тянула она на столь высокий криминальный статус!.. ибо сама хозяйка, как, ни крути – всё-таки являлась женщиной вполне порядочной. А кто без грехов?.. покажите мне личность такую и я пред вами шляпу сниму и искренне извинения попрошу. Без грехов сидят одни в жёлтом доме, другие лежат прикованы недугом к кровати, ну есть ещё старики на грехи уже не-

способные, а ещё малые дети. У остальных смертных, если и станут божиться – пусть им язык отсохнет, потому что беспар-

донно лгут на каждом слове, при этом на лице изображая святую праведность во всём. Местом весёлого досуга: встреч, бесед и знакомств эту квартиру назвать можно, с одной лишь поправкой, что сюда иногда забредали совсем посторонние, и тогда возникала проблема их выдворить, а так

ничего, – жить было можно. Самой тётё Вере было лет под сорок: может быть, пару лет ей не хватало до юбилея, но всем говорила, что ей только тридцать и, то ещё будет когда-то. Была у неё подруга притом

закадычная – как смерть, от которой в жизнь не избавишься, если надумает в гости явиться. Звали подругу Тamarой – брюнеткой была – миниатюрная как из-под токарного станка только что выскочила. Моложе тётё Веры на десяток лет – где-то под тот тридцатник, – тот тридцатник, который тётя Вера себе присвоила; подругу не обидишь, значит, Тамаре все двадцать и тоже когда-то будет. О ней мы подробнее расскажем немного позже, она этого заслуживает, являясь девушкой экстраординарной.

Самыми частыми гостями у тётё Веры в квартире были наши ге-

рой пэтэушники. Заслуга в этом была Коли Мосева, который

пригрелся у неё, или она его пригрела на пуховой перине, под тёплым своим мягким, как сдобное тесто боком: как младенца накрыв сверху своими большими грудями. Другая мысль как-то в голову не приходила. Как-то Коле сказали – и выглядело как упрёк, а то и насмешка, что он, пожалуй, с мамкой живёт. Но Мося не растерялся и сходу выложил весомый аргумент: «Это у

вас тут на юге понятия как у того попа в церкви, – сказал Николай не моргнув глазом, – у нас там, под Пензой, в дерев-

не, спокон веков было так и шас тоже самое, ничего не изменилось. Мужиков как всегда не хватает, а те, что есть, за сараями пьяные валяются. И что остаётся делать сорокалетней бабе, скажите, на

стенку лезть?! Вот то-то и оно! Пацанва в это время под окнами гуляет, да мимоходом подглядывает в окна, как тётки по избе

полуголые ходят. Вышла за порог, цап за воротник парня и к себе в постель утянула. Эта практика, – сказал Мося, – тянется у нас веками и прижилась у нас давно. Вот меня, к примеру, когда домой приезжаю – за ночь раза два затащат в избу пока я домой дойду, третий раз уже вырываюсь, а то утро уже на дворе...».

– Послушай, Мося, – говорит ему Иван, – так ей, наверное, уже на днях сорок лет привалит, а тебе токо восемнадцать – ты ду- мал об этом хоть раз?

– А зачем голову ломать, когда в темноте всё равно ничего не видно, и мне что сорок, что восемнадцать никакой разницы нет.

По центру комнаты стоит импровизированный стол, составленный из двух калечных соседских и одного добротного стола – собственность тёти Веры. Стулья и табуретки стянули, где какие нашли; застелено всё новой клеёнкой, заставлено бутылками с вином, трёхлитровыми банками с пивом, закуска на тарелках лежит. Банкет, как и присутствующий за столом бомонд в стиле

совдепии второй половины шестидесятых годов. Две стороны

стола примыкают к кроватям, на которых гости сидят, на другой стороне, напротив, сидя поскрипывают на расшатавшихся стульях и табуретках. Шум и гам стоит за столом после выпитого третьего тоста: за доброе здоровье хозяйки, последующие два про-

возгласить позабыли. Сословие, включая соседок, у тёти Веры собралось разношерстное: от пэтэушников до – бывших в своё время, зечек, а после – вольнопоселенцы, а потом уже, куда кривая выведет. Но как ни странно, за столом все вели себя

культурно: получалась такая тихая пристань согласия в стремлении выпить на халяву, но как обычно, в дальнейшем сценарии – шла одна галиматья. Всякие сногшибательные мысли приходят в голову за столом, заставленным горячительными напитками: всем это известно в первые минуты веселья. Ну, а после – кто-то там чего-то говорит, уже никого не интересует: главное, чтобы

слушали его. За столом собрался ближний круг тёти Веры, но отсутствовало главное лицо во всех подобных мероприятиях – не было лучшей подруги хозяйки квартиры – Тамары, которая

являлась представительницей отпрыска золотого потомства торговой сети города, а это само за себя говорит. Придёт день и во всеуслышанье, в газетах и по телевидению этот

клан назовут

«Торговая мафия». Гораздо прозаичнее сказать, – не последний день живём на этом свете, как часто любила повторять Тамара. Иногда, в недобрый час будет вспомнить, такие застолья заканчивались печальной развязкой – от мордобоя, до поножовщины,

ны, с последующим прибытием наряда милиции. Но каждый раз это быстро забывалось, как прошлогодний снег во дворе и на крышах барака, который всегда в таких случаях – эта проклятая крыша начинала пускать воду в хату. Конечно, не всех сидящих

за столом преследовали мысль, как быстрее нажраться. Костя, к примеру, выпив два стакана вина, в дальнейшем отказался. Сидел он на втором по значению почётном месте для гостя – на торце стола, спиной к двери, но на время о нём позабыли, и всё внимание приковано было к стаканам и что на тарелках лежит. В первые минуты, слушая лексику и риторику собравшейся ком-

пании, Костя подумал: «Занесло же меня снова в какой-то вертеп сборища криминальных личностей, что-то мне эта бодяга не совсем по душе...». Окинул взглядом, в который раз помещение, но в самом убранстве комнаты подтверждению своим нехорошим мыслям не нашёл. На блатной приют не похоже: курить

хозяйка в комнате не разрешает и сама не курит, и убранство комнаты как-то не соответствует тому, кто за стола-

ми сидит. По- ловички под ногами нарядные, накидочки – вон на подушках лежат все в рюшечках, вазочки с бумажными цветами на полочках к стенке приделаны, вышиванки на стенах висят: кругом чистота, уют и опрятность хозяйки. После этих мыслей душа у Кости наполнилась уверенностью, проверив настрой гитары, тем

самым напомнив всем о себе, базар за столом затих, все умолкли, приготовились слушать. Без антрактов подряд спел не менее десяти песен под одобрительные восклицания и просьбы спеть отдельную песню ещё раз, но вскоре по мере выпитого вина, а

сверху пива, внимание слушателей изошло на-нет. Когда под

низким потолком квартиры установился пчелиный гул человеческих голосов, Костя отставил гитару в угол и стал наблюдать с

интересом за всем этим процессом. Неожиданно за спиной

скрипнула дверь, вошёл мужик, переступив порог, он замер: ря- ха не бритая, но короста на ней выделяется чётко, голос снисходительный, словно провинившийся в чём-то:

– Вера Ивановна, что празднуем, если не секрет? – прозвучал этот ехидный голос над головой у Кости, – ты меня прости, случайно забрёл. Иду мимо, шум стоит. Дай, думаю, загляну – не скандал, какой ли, может, помощь нужна. А у вас тут, смотрю,

будто новоселье, какое. Получается, некстати забрёл. По случаю, стопочку не нальёшь Христа ради, а?.. за здоровье собравшихся

гостей не грешно-то выпить.

– Стой там, где стоишь!.. – громко стараясь перекрыть шум, сказала хозяйка, – не тулись близко к столу, а то ещё и на нас та короста прицепится, что на морде у тебя. Щас нальют в твою

безмерную глотку!.. Хотя нет! стаканы не марать. Колька, отдай ему вон те полбутылки вина и пускай чешет отсюда. Чё, ты, си- дор дырявый, шары на меня вылупил?.. глухой что ли, забирай вон бутылку и проваливай!..

Не успела закрыться дверь за посетителем, как снова послышался её скрип, и опять за спиной у Кости другая подобная лич-

ность, уже весёлым голосом пропела, словно обращаясь к своей

возлюбленной:

– Верунчик, ласточка моя, может необходимость возникла в чём-то помочь?

– Что за хрень, – со злостью в голосе сказала Вера Ивановна, – ещё один явился! Ты, юродивый!.. ты давно авансом всё выла-

кал, а то, что вторую неделю прошу так и не сделал! Знаю я твою помощь – на-дармовщину глотку залить. Принесла же тебя не- лёгкая, прямо будто забыли тебя пригласить. Я тебя,

сука, вто- рую неделю прошу отремонтировать дорожку, что до калитки ведёт, а ты, гад, хотя бы яму ту камнями закидал. Уже два раза утром иду на смену по темноте, чуть не уби- лась! Приходится по грядкам обходить.

– Верунчик, буду последней падлой, как отойду от запоя в тот же день яму заровняю. Налей чего-нибудь, хотя бы сла- бенького, а?..

– Чего слабенького-то? – того, что из прямой кишки бе- жит, ко- гда понос прохватит? Так я этим не страдаю. Вот, сволочь, всё время дурит. Будешь тут долго гавкать – сюда вполз головой – вперёд вынесут ногами. Ладно, хрен с тобой, плесните там это- му обормоту и пусть шкандыляет прочь. Яму не заровняешь – и к порогу не подходи, прибью, что под руки попадётся.

Попрошайка, выпив залпом стакан вина, вышел. Как толь- ко за ним закрылась дверь, хозяйка крикнула:

– Ваня, ты там ближе к двери пойдёшь её закрой на крючок, а то это паломничество до вечера не закончится. Курите уже здесь, хрен с вами, потом проветрим. Вот, пидоры!.. ползут один за другим, как на нюх чувствуют! Блевать уже от них хочется! Гон- доны использованные! И всякое говно к наше- му порогу старает- ся прибиться, как те гонококки в грязную лоханку, но у нас-то вроде чисто кругом и чего их к нам тя- нет?! Как будто я им что-то должна. Поймать бы такого су- чёнка в тёмном углу, намылить

бутылку ноль восемь и в душло ему вогнать до половины.

Всю, пожалуй, будет много – подохнет. Эти-то ханыги ещё полбеда, но если унюхает Ванька Каин, что у самой Темернички живёт – сейчас он до Машки хромой перебрался – то без мордобоя его

не выдворить! И кличку же ему, падле, дали: каяться он заду- мал! Двоих человек отправил на тот свет, а всего-то пятнадцать лет отсидел, как за одного убитого и по сей день, как бельмы

зальёт, так и орёт, – зарезу!

– Тётя Вера, – обратился Костя к хозяйке, – та кличка совсем другое понятие обозначает и к раскаянью не имеет ровным счё- том никакого отношения. Четыре века назад на Москве во вре- мена Смутного времени был такой душе- губ и предводитель

банды убийц и грабителей, звали его Ванькой Каином. После его всё-таки поймали и казнили.

– Да?.. кто бы мог подумать, что и туда, гад ползучий, добрался, до самой Москвы! – сказала хозяйка в задумчивости, – а я всё думала, что каяться всё собирается за страшные в прошлом гре- хи.

В эту минуту кто-то постучал в окошко, но видны были только женские ноги в туфлях на высоких шпильках и рука продолжав- шая костяшками пальцев в кольцах и перстнях стучать в стекло.

– Пойдите, откройте, – крикнула тётя Вера, – подруга моя раз- любезная надумала заявиться: три дня нос не показы-

вала – вот любите и жалуйте во всей своей девичьей красе позапрошлого века.

В комнату улыбаясь, вошла Тамара. Вскинув ладонь кверху жестом, напоминающим нацистское приветствие, громко чтобы слышали все, сказала:

– Привет, честной компании! Ой! скоко вас тут много собра- лось! Давно не собиралось столько, а старую подругу как всегда забыли пригласить. Шучу, шучу, а то и впрямь кое-кто обидеться может. Куда прикажите новой гостье присесть? А вот... уже не

надо, сама нашла. Довольно симпатичный паренёк, к тому же незнакомый, где это вы его у кого-то отняли?.. Молодой чело- век, – обращаясь к Косте, немного нагнувшись и сбоку загляды- вая Косте в лицо, спросила она, – не знаю вашего имени, но за- ведомо предупреждаю, что меня здесь всегда надо слушаться,

как воспитателя в детском садике, потому разрешите рядышком с вами присесть. Правда, я что-то лишней стулки не вижу. Мо-

жет, уместимся на одной... а?... не возражаете? Мне много места не надо, я готова и на уголку посидеть, лишь бы рядом с вами. Не прогоните?..

Костя немного смутился, но машинально отодвинул свой зад, освобождая больше половины сиденья. Тамара поглядела лука- во на стул, не торопилась садиться, затем перевела взгляд на

Костю, сказала:

– Я, хоть и говорят, на осу похожа, но было бы даже правильней – ней в данном случае, если бы вы, красавчик, пригласили меня

присесть хотя бы на одну вашу коленку. Не будем строить из себя интеллигентов, быстрее говорите своё имя, а я как немножко старше вас с этой минуты беру над вами шефство. Зовите пока меня Тамарой, а там посмотрим, не исключено, что вам потребуются придумать для меня новое имя...

В эту минуту на всю хату раздался голос хозяйки:

– Томка!.. Чего ты к парню пристала, как банный лист до жопы?!

Не успела войти, уже на шею ему вешаешься! Ты лучше бы послушала, как Костик играет на гитаре и поёт! Сначала слёзы

потекут, а потом рыдать начинаешь! Костя, спой что-нибудь моей лучшей подруге, хоть она иногда и сволочь большая. Да... кто там на вашем краю за тамаду?.. наливайте ей штрафную дозу – вон в ту, что на окне стоит – в алюминиевую кружку. За опоздание – раз, и за то, что три дня где-то неизвестно пропадала – будет два. А то она влетела сюда, будто на пожар торопится, и

сходу выпендриваться начала, словно из-за школьной парты выпрыгнула. Пей, Тамара, свою первую штрафную да песни специально для тебя петь Костя будет. А к нему приставать потом будешь, если он тебя за старую кошёлку

не примет. Костя ты не

переживай, мы её немножко обстругаем, хотя она и так худая, как с креста сняли и взяться не за какой хрен! Ладно, разберё- тесь там сами, а пока, то да сё, Маруся, – обратилась Вера Ива- новна к своей соседке, – давай подпевай, а Костя у нас за музы- канта будет: «Я люблю тебя Россия-я-я, – запела довольно кра-

сивым голосом хозяйка, а вслед подхватили остальные сидящие за столом, – дорогая наша Русь. Не растраченная сила-а-а... – не

разгаданная грусть... Ты Россия необъятна...». Следующей пес- ней прозвучало: «По Дону гуляет казак молодой...». Костя ак- компанировал на гитаре: в иных местах не зная русских народ- ных песен, подбирал на ходу аккорды. Казалось, собрались за

столом представители последней ступеньки социальной лестни- цы советского общества – дальше уже дно! Но, вопреки всему, поют песни патриотические, поднимают тосты за здоровье Ге-

нерального секретаря Леонида Ильича Брежнева, расхваливая попутно его, и на чём свет стоит, кляня предшественника – Хру- щёва, припоминая не так давно тот злополучный кровавый раз- гон мирной демонстрации рабочих в Новочеркасске. Анекдотов о Брежневе на то время не существовало, но зато про Чапаева: как его Анка-пулемётчица со всей его дивизией переспала, и о лысом Хрущёве было с избыт-

ком. Один из анекдотов Костя вскоре за столом и услышал: «Приходит Хрущёв на выставку

картин в Манеже; походил, посмотрел, так ничего и не понял, но в одном месте разглядел на полотне голого мужика: вспылil тут же, разъярился и стал кричать: «Пидарасы все эти художники!..

– немедленно всех разогнать!.. и бульдозером всю их мазию разровнять!..». Из ближнего окружения кто-то спрашивает, удивляясь прозорливости вождя: – Никита Сергеевич, а как это вы с первого взгляда смогли всё это определить?..

– Шо тут определять?!.. – сказал в крайнем расстройстве Хрущёв, – я эту школу, мать её так!.. ещё в кабинете Иосифа Сталина прошёл. Бывало за ночь, раза три раком поставят, а Он сидит за столом, трубку свою сосёт и лыбится, а мне хоть плачь! Бугаи-то у него все под стать подобраны, кобыла и та на задние ноги бы упала!.. К утру домой на-раскоряку иду. Жена спрашивает, – где ночь проблукал?.. а я ей, говорю. Там где был – уже нету! Могла бы, чем спрашивать, прийти и в работе помочь: на двоих – то всё, что со мной было – взять и разделить. И домой бы так долго не шёл!..». Пока за столом рассказывают смешные анекдоты,

поют попеременно блатные и патриотические песни, мы тем временем воспользуемся паузой в описании процесса веселья и посмотрим на главного героя Костю в ином ракурсе оценки.

Прежде всего, скажем, что Костя ни на шаг не ушёл выше

тех, кто сидел за столом. Ещё со школы, с седьмого класса он являлся комсомольцем, а это было немаловажно, хотя в данных со-

бытиях не имело равным счётом ни малейшего значения. Единственным атрибутом и символом принадлежности парня к славному ленинскому комсомолу являлось — это уплата членских взносов и то, когда секретарь «первички» напомнит и попросит уплатить те несчастные копейки. Комсомольский билет ещё был

— где-то дома валялся, а учётная карточка хранилась по месту учёбы. Вот это и вся формальность членства в юношеской партии, но без этого дальше дорога по жизни закрыта, тем более в партию не примут. За прошедшее время начиная с того дня, когда школу покинул, Костя не присутствовал ни на одном комсо-

мольском собрании, по правде сказать, он понятия не имел, где это всё находится и куда требуется хотя бы изредка появляться.

При всём при этом, хотя иногда и кричали вслед: «Выгоним к

чёртовой матери из комсомола!...», на все угрозы — ноль внимания. Вообще-то оттуда выгоняли в одном случае — если Уголовное дело на тебя завели, или уже сидишь под следствием — там задержанный на месте правонарушения или преступления —

в последнем случае исключали заочно. В то же время, ска-

жи ему что-то плохое о комсомоле тут же с кулаками на тебя готов

наброситься. В школьные годы одной из любимых книжек у него была «Как закалялась сталь», герой романа Павка Корчагин был самым правильным человеком на свете, а его слова: «Жизнь

надо прожить так, чтобы не было мучительно больно...“ цитировались им, где не попадая: к месту и не к месту. В кругу собутыльников во время пьянки часто высказывал глобальную сшибательную мысль: „...Во всех бедах на земле виноваты капиталисты – империалисты. Буржуев и капиталистов надо стереть в порошок – со свету сжить поголовно! Тогда потребность в армиях отпадает для всех стран. Представляете себе, какое это неисчислимое число техники и миллионы молодых здоровых рук волеются в мирную жизнь и в производство. Вот тогда наступит Рай на земле: всего будет много и наступит тот коммунизм, о

котором сейчас говорят!..». Единственно, чего Костя не мог на тот момент предположить, а если бы ему и сказали, вряд ли поверил. В том парадоксальном его выводе имеется одно недопо-

нимание: ибо армию пришлось бы увеличить в несколько раз ныне существующих армий, в противном случае сия процедура могла преподнести неизвестно какие сюрпризы: от нового Ве-

ликого переселения народов до глобальных межнацио-

нальных повсеместно войн. Костя относился к массе той молодёжи шестидесятых годов, которые были как инкубаторские птенчики:

брюки клёшем – похлеще, чем у моряков, на голове волосы свисающие на спину; курил, пил вино, блатные запрещённые песни пел, речь изобиловала блатным и тюремным жаргоном. Но!..

Скажи ему в любую минуту, не говоря уже о приказе, что кровь из носа, но требуется выполнить задание партии и «народного» правительства: взять в руки оружие и идти кого-то, где-то убивать, – он, ни на секунду не впадёт в сомнения. В ту же минуту, с огромным желанием, сменит свои мокасины на солдатские сапоги, а брюки с клёшем на галифе; гитару на автомат – АКМ, а лучше бы маузер, о котором с детства мечтал. Надел бы кожанку и портупею, как атрибут советской власти. К кожанке водрузил бы на голову картуз с сияющей звездой и пошёл бы туда – куда указательный палец партии укажет и этим всё исчерпывается в нём. Со стороны Костя, как и миллионы ему подобных,

порой смотрелись в глазах обычных граждан не совсем по-

советски, – стилиаги! – так о них отзывались. Но, то была мишура: как мода на запонки или у парня на шее красивая девичья ко-

сынка завязанная узлом – внутри они были другие – до мозга костей пропитанные пропагандой коммунистиче-

ского учения. К примеру: о страшном периоде правления Сталина знали

настолько — поскольку — то всё негативное, что доходило до их ушей, списывали на войну, разруху и голод — временную трудность в стране. В первые три года начала шестидесятых, когда

вопрос встал ребром не только о сливочном масле и мясе — хлеба не стало! Виноваты были империалисты и Хрущёв: «Не надо было ему к ним в Америку ездить!.. Там — этому, козлу — безро-

гому, мозги и задурили, потому-то он и привлёк нацменов к расстрелу мирных жителей в соседнем городе Новочеркасске!..».

Ничто в этом мире не вечно: недалёк тот день, когда Костя и тысячи подобных ему прозреют, как снутри, так и снаружи: сползёт вся та мишура, как шкура со змеи во время линьки. Но в эту минуту сидя за столом, если бы в репродукторе заиграл и запел

«Интернационал» — он встал бы на ноги за столом, вытянулся бы в струнку, как и все остальные и, скорее всего, вслед повторил

бы слова этой песни. Застолье затянулось. Не заметили, как за окном и ночь наступила; Тамара после двух выпитых штрафных кружек крепкого вина вскоре отключилась, и женщина, сидевшая сбоку от Кости, вполголоса стала рассказывать соседке:

«...Уграло, Томочку вино – будь здоров! – эта кошечка-мышечка сейчас в полном ажуре, а то бы от парня не отстала... – по слу- хам, я вам скажу честно, токо никому, никому! Эта, пройдоха, ещё та!.. возьмёт всё, что есть в мотне у парня, для другой ни капли не оставит. Говорят, она уже со всеми пэтэушниками пе-

респала, и с этими тоже, которые за столом щас сидят; осталось вот этого новенького обгулять...». Костя был рад, что избавился от дальнейших посягательств, ибо это ему напомнило Лиду: только с разницей, что здесь обставлено более культурно и с

изысканностью подхода к дальнейшему постельному вопросу. Тамара пробралась к кровати, проползла за спиной у подруги

Верки, сняв по очереди туфли, расшвыряла их в разные стороны; через минуту, пуская слюни по подушке и всем показалось, —

уснула, кажись! Но неожиданно, резко и круто опустила голову до пола и в ту же минуту: тосты штрафные впере-мешку с закус- кой изрыгнула назад. Верка – в доску подруга своя – брезгливо посмотрев на Тамару – сказала ворчливо, без злобы в словах:

– Ничего себе!.. этого мне только не хватало!.. Не та уже, по- друженька ты стала – не та!.. взлохматило тебя, как мокрую ку- рицу, а может не в то горло пошло?.. но главное – не впрок. Ну ладно. Эй, Маруся!.. иди-ка, неси в ведре воды

и половую тряпку. Хотя ты Томка и сладкая баба – бываешь, но нюхать ту гадость не для меня.

Казалось, что могло быть общего между Тамарой и тётёй Верой, ведь возрастом они разнились на целый десяток лет. Ко всему прочему, они никогда не сорились, а если это и случалось, то об этом никто не знал. Вероятней всего, объединяло обеих увлечённость мужским сословием, к тому же – эти юнцы пэтэушники: вопрос о которых даже между собой старались не обсуждать. Сам собой напрашивается вывод, что эта бодяга тянулась

не первый год: одни отучившись уходили, освобождая место другим. Молодая свежая плоть всегда слаще, чем старая, костлявая и занудная. За соращение несовершеннолетних мальчишек, даже козе понятно, что по головке не погладят: на страже нравственности стоит коммунистическая мораль. Это простому люду этим заниматься вредно и возбраняется на каждом шагу – вплоть до уголовного преследования. Впрочем, тем, кто в обкомах и рангом пониже: райкомах партии и комсомола, тому персону – тихо, тайно, не показывая это на людях, можно и побаловаться. На это дело есть и комсомольские активистки, пио-

нервожатые, секретари первичек – комсомольских. Тут да, кого

попало, не берут – мордашка должна быть смазливая и соответствовать партийно-комсомольской направленности. Зато, в

ближайшее будущее, протекция в высшее учебное заведение, без особых на то проблем, для особо «одарённых», лежит на руках. Для Веры Ивановны – её подруга Томка – необходима бы-

ла как воздух: от всех неожиданных напастей и непредвиденных случайностей. Мама у Тома была большим начальником, и не

где-то, на какой-то там захудалой фабрике, или в такой же кон-торе – она работала при должности: одной из главных бухгалтеров-экономистов в Управлении областной торговли. В обычном понимании всех без исключения граждан страны – это похлеще всяких секретарей райкомовских. Кругом блат и блатом прикрывается, без этого – ходи и глотай сопли – на уровне немногим выше бомжа. Для Тамары тот высший свет – бомонд торговой

сети и общепита города – всегда был в тягость. В тех кругах надо было безропотно играть роль, перевоплощаться как актриса на сцене: лебезить, подхалимничать, порой большой важной шиш-

ке заднее место лизать и потрошить себя всю наизнанку, а здесь

– в этой халупе, у подруги Верки – она могла быть всегда сама

собой. Хотелось хотя бы, какое-то время побыть простым обывателем с улицы или коммуналки, наконец, и подворотня сойдёт. Стройная и элегантная брюнетка Томочка: одева-

лась по выше- му разряду моды, представляя для окружающих эталон ядови- той зависти. На ней всё до мелочёвки – исчислить представля- лось невозможным – эти побрякушки так изысканно блестели и к месту были присобачены, что слепили глаза: вплоть до послед- ней шпильки в волосах – и все изделия импортного производ-

ства. Простота, а к ней душевная щедрость, – и чтобы там не вя- кали злые языки, – распутства в корне Тома была лишена. Так: флирт, улыбки и заигрывание, а тот, кто запал ей в душу, – с ним не грех улечься и в постель: с таким молодцом кто же откажет-

ся?!.. И пила она в меру, а то, что штрафные две кружки не в

пользу пошли, так тому могло быть объяснение: возможно, ка- кая-то, сука – глаза завидующие – плеснула в вино неизвестно че- го: хотя бы той водки паршивой, сделав ерша. Когда возникал

злободневный вопрос, к примеру: Ганса выволить из ментовки, или по случаю – кого-то нечаяно чуть во дворе не прибили и

«Дело» собираются заводить; даже, иной раз казалось – нераз- решимая задача стоит, но Тамаре всегда удавалось решить и с большой положительной пользой. За всё про что, просила толь- ко её в щёчку поцеловать, при этом лукаво всегда говорила:

«Пока жива и здорова ваша покровительница – пока и вы

по во- ле бегаєте, покинете меня, тогда не знаю... – а, в общем-то, я вам не завидую...». Раскрепощённость внутреннего самосознания, вседозволенность вечного в душе желания: ублажить, удовлетворить, как можно полнее и быстрее, а оно – это желание, вслед за предыдущим сменяется всё новым и новым. Под этой властью желаний, будто в железных тисках она предпочитала

иметь в своём окружении тех, за кого очень часто переносила упреки от своих близких родственников. В обществе сугубо

прагматичном, заикленном на сугубо материальном достатке, на фоне маленького отдельно взятого человека видится боль-

шее, присуще отдельной личности, и если это отрицательное для всех явление, которое ярко отражает и показывает разность полюсов – это общество мириться с такими людьми не станет. Одному богу известно, как удавалось Тамаре существовать,

благоденствовать и вопросы решать среди разных, порой враждебных двух классов социальной лестницы. Для этого надо или гением быть, или на голову от мороженным. Как к первым, так и ко вторым Тамару причислить было нельзя: она была особенная

– из особой муки и сдобного теста выпеченная – шедевр кулинарного искусства...

На квартиру в ту ночь вернулась четвёрка друзей уже за-

полночь: еле волоча ноги, и друг друга, подпирая плечом. Проходя мимо дверей Петра Леонтьевича, который в это позднее время почему-то не спал и стоял у своего порога, Костя, проходя мимо, зачем-то ещё раз поздоровался, на что старик ответил

поклоном и сказал:

– Бывает... – когда не знаешь, что сказать. А я думал, вы по домам разъехались. Спокойной ночи вам и утром не хворать...

Через леса и болота поскакал зайчишка в свой стан.

На следующее утро, часа на полтора проспав к началу занятий, что являлось давным давно в порядке вещей, приче-пурились:

помочив на голове свои длинные патлы водой и сполоснув опухшие лица, отправились в училище устраивать своего ново-явленного друга на учёбу. В кабинет к завучу вошли все вчетвером. Выяснив, по какому поводу в кабинет вло-милась вся компания – лишних персонажей завуч попро-сил удалиться за дверь.

Косте предложил стул напротив себя, взял из его рук документы: паспорт, аттестат об окончании восьми классов, приписное сви-детельство из военкомата, комсомольскую учётную карточку с

билетом, а сверху справка из училища №41-го горо-

да Новошахтинска. По порядку стал изучать документы. На школьном аттестате немного задержал внимание: откашлявшись, сказал, что оценки на удивление высокие и с такими обычными оценками к

нам не поступают. Завуч повертел в руках листочек справки, где и было-то отпечатано на машинке всего две строчки «Константинов К.А. прослушал 1-й курс, двухгодичного обучения, по специальности – каменщик-монтажник железобетонных конструкций в училище №41 города Новошахтинска». Внизу стояла печать и подпись неизвестно кого. Справка, по-видимому, завучу доверия не внушала. Несколько раз смотрел то в справку, то в аттестат, пожал плечами, подозрительно посмотрел на Костю,

сложил документы снова в стопку и продвинув их по столу в сторону парня, после чего сказал: «Слушай, Константинов, какую-то странную тебе справку выдали, будто тебя из колонии

для несовершеннолетних выпустили. Аттестат со школы – лучше не бывает... – слушай, а чего тебя понесло в этот Новошахтинск, если ты недалеко от Ростова живёшь?.. хотя сейчас это не столь важно. Но как бы там ни было, но принять тебя без ведомости успеваемости по предметам и хотя бы короткой характеристики поведения, я, поверь, не могу. Здесь можно за один день упрямиться. Съезди, скажешь, как я сказал, пусть не ленятся и оформят всё по правилам. Так что забирай документы и езжай в училище». Костя вы-

шел в коридор. Сказать, что он сильно расстроился – было бы неверно: единственно, что в душе злость вызывало, так это вновь отправляться туда, о чём даже вспоминать не хотелось. Друзья встретили Костю с удивлением на лицах. Дер- жа документы в руке, немного согнутой в локте, нёс перед со-

бой, словно собираясь их выбросить. Сделав несколько шагов от порога, остановился в задумчивости, а в эту минуту друзья подошли. Иван, с ноткой недовольства в голосе спросил:

– И чё, не принял?!.. Во дела! Как будто тут академия наук всяких. Сейчас мастака своего найдём: пусть, и он подписывается, после пойдём к директору. Чё ты заглох?!.. говори, что там придумал завуч!..

– Да нет, не в этом дело, – сказал Костя равнодушно, – за оценками и характеристикой ехать надо в Новошахтинск. Положено так, завуч сказал.

– Ну и что? – сказал Мося, – прокатимся и мы за компанию. Ты говорил, что тебя там прессовали по-полной программе, заодно и разберёмся чё почём.

– О!.. это по мне, – крикнул Ганс, – с удовольствием поеду, давно мечтал поближе с беспризорниками познакомиться.

– Всё это правильно, – сказал Костя без всяких эмоций в словах,

– только тех, о ком речь, они уже выпорхнули из училища – на стройках где-то работают. И ещё есть одна пробле-

ма – туда не

ходят электрички. Автобусом надо ехать, а это деньги, а их к то- му же нету.

– Ну да, дед больше не займёт, – сказал Иван, – надо где-то баб- ки доставать, надо думать.

Как ни планировали – уехать в Новошахтинск с утра в последующие два дня, так и не вышло. Вечером Ганс отправился добы- вать где-то денег и пропал на всю ночь, явился чуть не к обеду и принялся рассказывать о своих похождениях. Улёгся поперёк кровати, ноги на табуретку скрестя положил, закурил сигарету, пренебрегая чувством невыполненной задачи, словно забыв о ней, начал рассказ:

– Иду это я по верхнему переходу на Бану, чтобы на третий перрон сойти...

– Ганс, ты мозги нам не пудри, лучше скажи, денег нашёл?.. после будешь рассказывать о своих приключениях, – прервал речь друга Иван.

– Ты вначале дослушай, а потом за деньги будешь спрашивать. Так вот, иду значит я, даже не помню о чём и думал на то время. Смотрю, стоит один хмырь: ногу, значит, так это вперёд выста- вил, что мне обходить её надо. Возле стенки за ним чемодан

стоит: такой весь ободранный, затасканный – в общем, чемодан дрянь, если честно сказать, к тому же мне он и нахрен не нужен. Я то и посмотрел на него из-за его паршивого вида, а этот му- жик, видно подумал, что свистнуть хочу и ба-

зарит мне.

– Эй, пацан, чё на мой сидор шары вылупил?.. понравил-ся? Ходь сюды, – говорит. Я это, значит, тормознулся, косо на него поглядел и говорю...

– Куда уж косее, – снова прервал Ганса Иван, – я представляю, как мужик чуть в штаны не наложил. Косо так даже в кино никто не умеет смотреть...

– Я же просил, не перебивай, дай досказать. Ты – говорю ему – отбрось клешни свои подальше, это тебе не в соломе, в скирде ночевать. Щас соберу кодык на Бану, и тёмную получишь по-

полной. А он отвечает:

– Что я слышу!.. никак детской пелёнкой в яичном желтке за- воняло?!.. Феноменальный, у тебя пацан расклад масти пошёл! а голова твоя козлиная рогами ещё не обзавелась, но это попра- вимо: нас на зоне не такому учили. Мы умеем и роги прилажи- вать, владеем мастерством даже зубы в заднем проходе встав- лять, чтобы то, что не успело в желудке свариться, снова задний проход смог дожевать. Врубился – ты, чмо!.. или не дошло ещё до твоего копчика?.. а то пайка на зоне скудная. Чё, ты рот и гла- за свои скривил, как параличный?!.. перед тобой бывший зека – червонец от звонка до звонка оттянул, а ты кособочишься! Ты,

смотрю, как та курва, которой на ночь обещали чулок горячей каши принести, чтобы на всю ночь хватило шма- ре кайф ловить до визга в потолке. Ты зубы-то не скаль,

не в психушке находим- ся. Туда чтоб попасть талант проявить надо, тебе это ещё не по- тянуть... А я потом и говорю, – попутал рамсы, не разглядел, по- следней падлой буду, извини. Мужик ничтяк оказался: до пол-

ночи угощал, показывал новенькие колоды картишек, пачек до десятка было, на юг собрался в картишки поиграть. Не помню, как и расстались. Проснулся, лежу на лавочке недалеко от дома, замёрз, как собака...

– Ганс, ты и есть собака, ты зачем ходил?!.. мужик денег хотя бы немного дал?

– Обижает, какие деньги?! когда он меня даром бухлом по- ил!

– А нам-то, что от этого?!.. – сказал с недовольством Иван и

вышел, с силой хлопнув дверью, на улицу.

Денег на дорогу всё-таки Костя занял у Петра Леонтьевича. За- шёл: стоя у порога, сказал причину визита. Хозяин ничего не от- ветил и пригласил к столу. Елизавета Максимовна засуетилась и вскоре накрыла на стол: горячий чай с пирожными и вазочка конфет на столе возникла. Сославшись на срочный заказ муж-

ского костюма, удалилась в соседнюю комнату, откуда вскоре послышался стук швейной машинки. Костя сидел за столом, не- много смущаясь, но в последующие минуты Пётр Леонтьевич

втянул парня в беседу. К своему новому квартиранту он

проник-ся каким-то доверием, конечно, вполне не исключе-
но, что тяго-тила старческая жизнь одиночества и не с кем
пообщаться. По мере разговора за столом невольно съехал
в воспоминания давно минувших дней, что Костю явно за-
интересовало: слушал внимательно, попутно задавая вопро-
сы. Чувствуя, что пора ухо-дять, Костя поднялся из-за сто-
ла, более не напоминая о прось-бе: решил, что ему отказали
в благородной форме. Уже напра-вился к двери, когда Пётр
Леонтьевич вдруг спохватившись,

громко его остановил:

– Да чуть не забыл, ты же насчёт денег зашёл. Сколько
надо?.. ты говори, не стесняйся.

– В Новошахтинск необходимо съездить за характери-
стикой и оценками. Вместе со мной собрались ехать друзья, так
безопас-ней. Туда только автобусом доехать можно: в оба
конца получа-ется надо где-то около двадцати рублей ну
и пятёрку на дорож-ные расходы. После прибытия я съезжу
домой и тут же вам долг верну.

– Постой здесь минутку, я сейчас вынесу, – сказал Пётр
Леонть-евич, уходя в соседнюю комнату. Вручая деньги
на прощанье

сказал, – ты заходи... – не будь стеснительной барышней,
мне старику и поговорить-то не с кем, а с тобой, судя из пер-
вой

нашей беседы, есть о чём нам друг другу слово сказать.

В Новошахтинск отправились не совсем вчетвером, как

раньше планировали. Для подстраховки взяли ещё четверых: с поездкой за свой счёт. Федя-Угол – прозванный за его большой рост и уг-

ловатую фигуру. Кругом куда ни глянь на него – из-под одежды выпирают конечности – как мослы на скотобойне. Так любил вы- ражаться Ганс, делая сравнения. Амбал, родом был из кубанско- го степного хутора Нардегин, где по соседству имелся спиртза- вод и откуда он при посещении дома привозил чистейший вы-

сокой пробы спирт из пшеницы. Остальные двое являлись по-

ниже рангом: Сюнька и Титька – погоняла не совсем культурные и довольно-таки странные, непонятно откуда взявшиеся, если у обоих полностью отсутствовало то, чем их называли. Самонаде- янные типы, выражавшие свои жизненные кредо словами, —

жизнь продолжается даже в том случае, если она уже не в мого- ту. Способны были пить, не просыхая более недели подряд, по- ка лёжа в кровати по ночам в головах не возникали потрясаю- щие видения, о которых впоследствии любили рассказывать.

Доехали без приключений. Время было предобеденное, когда за окнами пассажирского автобуса делегацию пэтэушников,

подъезжавшую к городу встретили унылые Новошахтинские окрестности: одиноко стоящие на косогорах домики

да шахтёр-ские посёлки барачного типа. Бараки длинные и больше похо-жие на свинарники: с дырами в крышах, полуразвалившиеся дымоходы, множество дверей, а впереди стоят сараюшки. Вда-ли и справа, и слева терриконы торчат. Кругом всё серого бурого цвета, а те постройки на шахтах, что торчат из красного кирпича, покрыты копотью и сажей; кругом этих шахт всё переплетено металлическими лестницами, рукавами транспортёров подве-

шенных в воздухе: везде скукоженность строений, отрешён-

ность и запустение от этого вида, а по спине озноб от впечатле-ний. Деревья и те низкорослые: сбросив в эту пору листву, сво-ими голыми ветками, будто предрекали дальнейшую жалкую жизнь этому краю. Заброшенность областной провинции беспо-воротной давила на сознание и навева-ла на каждого тоску. Си-дящий у самого окна Иван, сказал с какой-то грустью в голосе:

– Я бы тут не то что учился... – а даже если б пришлось здесь родиться – уехал бы нахрен в тот же день, как только бы ходить научился!.. Жуткого места, чем здесь, честно скажу, видать не

приходилось...

– Говорят, что тут бабки хорошие зарабатывают, – сказал Сюнь-ка, – мне лично – до жопы: красиво тут или совсем как в пустыни, лишь бы денег в кармане

побольше было.

– Говорят, у нас в деревне кур доят, – сказал Мося, – а коровы токо мычат и яйца нести не хотят! Ты, Сюнька, залезь вначале в шахту на пару сотен метров под землю и просто посиди там —

просто посиди, ни-хрена не делая, а когда тебя оттуда вытащат, вот тогда мы и спросим, – хочешь ты тех денег, или уже желание отпало?..

От центра посёлка сразу направились на дорогу, ведущую к

переезду, а там уже и училище. По мере ширины дороги компания двигалась цепью: походка в развалку, кидают в разные стороны ноги, махая клёшем нижней части штанов. Со стороны выглядело красиво, навевая мысли про балтийских моряков во времена революции. Навстречу им по дороге, спускаясь с железнодорожной насыпи, шла девушка высокого роста. Костя её ещё издали признал, когда та переступала боком, переставляя поочерёдно каждую ногу через рельсы, да и спутать её с кем-то было просто невозможно – это была подруга Лидки: та длинная как жердь, худая, рыжая и вся в конопушках до самых ушей. В

этом новом учебном году она училась второй год и возможно, по окончании учёбы и отбытию Лидки на народную стройку

сейчас Машка занимала в иерархии прибалтнёного мира бывших детдомовцев авторитетную личность. Сейчас

она шла,

напоминая калеку: не умея ходить на высоких шпильках, тем не менее, их нацепила. Туловище – будто ветер тонкую ветку к земле клонит – забегало всё время вперёд, а ноги, шкандыляя и,

цепляясь друг за друга, всё время подламывались в ступне и от- ставали, отчего она постоянно что-то бурчала сама себе под нос. Наконец оторвав взгляд от своих туфель, посмотрела вперёд, увидев, что по всей ширине дороги идут парни, отхромала на

обочину и замерла. Только поравнялись с ней, как Машка вы- крикнула, изобразив на лице неподдельную радость, но Костя сделал свой вывод: «Дура!.. каких на свете редко встретишь».

– Ой!.. Костик!.. здравствуй, а нам говорили, что ты уже в нашем училище не учишься!.. Вот как умеют, сучки, врать! Ты на меня, Костик, не таи обиду, я с ними больше не вожусь. Будь

они прокляты! Даже, когда Лидка приходит по вечерам к нам в общагу, я к ней и на шаг не подхожу. Ты мне веришь, Костик?..

Ребята, молча миновали её, как засохшее дерево на обочине и ни у одного при этом не возникла мысль на комплимент, вероятно, у Машки все данные для этого отсутствовали, а она всё

что-то пыталась кричать им вслед, в адрес Константина.

– Костя, у вас тут что – так плохо кормят и все бабы такие?.. —

спросил Мося, – я поглядел на неё – на эту чучундру из норы вы- лезшую, если все такие красавицы, ловить тут нехрен!..

– Не, Коля, такая худая и длинная одна на всё училище, а то

больше все детдомовские недоростки, к тому же мы не за этим сюда приехали, – ответил Костя, стараясь при этом не потерять нить мыслей, о чём сейчас думал, подходя к территории учили- ща: «Жаль Паша со своим шоблом не видят и Лидке бы не по- мешало поприсутствовать: в штаны точно наложили бы...». При появлении друзей на площадке перед учебным корпусом, а в

это время была перемена в занятиях, голоса по мере продвиже- ния ребят утихали и любопытные взгляды смотрели в их сторо- ну. Вот и сокурсники: замерли, кто-то постарался долой из глаз уйти, многие шептались меж собой: «Костя бандюков ростов-

ских привёз – старые счёты сводить. Щас будут узнавать, где Па- шу найти. Кранты ему! Эти зарежут, как пить дать! Один вид чего стоит – уголовники со стажем!...». Подошли к центральному вхо- ду в учебный корпус, Костя вошёл в здание, остальные немного постояв, направились к длинной лавочке вкопанной ножками в землю, согнали с неё учащихся, сами расселись, а Ганс напра- вился к дальней беседке,

в которой столпились молодые ребята- тишки первогодки. Так Гансу в эту минуту хотелось рассказать

салажатам о своей уголовно-криминальной жизни в качестве зека, но не успел. Пока шёл в развалку, за спиной стал трезво- нить звонок подвешенный при входе в здание двух блестящих чашек, – как на будильнике: все ученики резко подорвались со

своих мест и через минуту кругом всё опустело. Пару часов спу- стя вся дружная компания уже ехала в автобусе обратным рей- сом в Ростов. Приключений никаких, как и ни в одном глазу, ибо денег было впритык: по бутылке пива на рыло, на билеты и го- рячие пирожки на автовокзале. У всех настроение было хуже

некуда, а Костя чувствовал, какую-то непонятную вину перед всеми. Расселись по разным местам в автобусе согласно биле- там: многие дремали склонившись к окну или отки- нувшись на спинку сидения. Когда автобус покидал пределы города, Костя прощальным взглядом его провожал, ибо уже в дальнейшей

своей жизни он эти края не посетит. На этот раз, посещение Но- вошахтинска в памяти у Константина вновь вско- лыхнуло старые, почти уже забытые воспоминания послед- них месяцев учёбы и

производственной практики в училище...

Прости, прощай!.. увидимся не скоро.

После того как Костю предупредили покинуть училище, уже на следующий день он уехал домой. Прибыл, словно с неба свалился – ни с того, ни с чего: сказав матери, – что заболел и отпросился с занятий. Поверила мать или заподозрила, что врёт как

сивый мерин – это уже Костю вовсе не интересовало. Мыслями всё время возвращался в общагу, пытаясь предугадать: как там сложилось и чем закончилось посещение городских местных

парней. В тот же вечер, покружив вокруг сельского клуба, ноги сами принесли ко двору Ларисы. Опасливо, почти крадучись

подходил ко двору своей невесты: вначале затаился, прижавшись к дереву, вслушивался, – не ходит ли по двору Борис Васильевич. Стояла тишина. Лишь у кормушки за забором похрусты-

вали зубами лошади, пережёвывая сено. Отец Ларисы зачастую на ночь оставлял дома колхозных лошадей, на которых работал ездовым; для этого во дворе для них имелось стойло и кормуш-

ка. Опытному в лошадином деле биндюжнику хотелось сытнее накормить свою тягловую силу. Подойдя вплотную к забору, Костя пристально оглядел во дворе доступные глазу тёмные закоулки; не обнаружив грозившей опасности для себя, решил тихонько войти в калитку и постучать

в окно флигеля. В следующую минуту он так и сделал, после чего снова вышел за калитку и застыл в ожидании. Лариса безошибочно определила по звуку: кто к ней пришёл, и вскоре вышла за порог направляясь к калитке. Оставалось ей сделать несколько шагов до заветной калитки, когда она не выдержав, довольно громко, произнесла:

«Чего ты там спрятался за забором?!.. давай быстрее за- скакивай в кухню...». И в ту же секунду, неожиданно в темноте, где то сле- ва, на дальнем углу забора, послышался громкий голос отца:

– Куда это ты направилась?!.. В какую кухню?!.. Мать вашу пе- ремать!.. Я вам щас покажу – в гробину вашу, прости гоподи! – какая кухня!.. Я же вам человеческим языком – поймаю вдвоём, обоих удавлю! Лариска!.. а ну пошла в хату, пока я и тебя на ви- лы не посадил!.. а с этим сосунком я щас разберусь!..

Дальнейшая речь его перешла полностью на такие нецен- зур- ные выражения, которых в обиходе редко встретишь, а из тем- ноты всего двух десятков шагов возник, как при- видение, силуэт хозяина дома с вилами в руках. На всё про всё – оставались се- кунды: в голове у Константина ударом молота о наковальню от- считывались их доли, и было не до раздумий: ноги сами понес- ли как на крыльях в темноте по дороге. Мгновение и Костя уже скрылся за уг- лом переулка; топот шагов преследования вначале отдалял- ся, после совсем затих. Ещё немного пробежав по инер- ции:

неудачный жених перешёл на шаг и направился к своему дому. Мысли в голове, – мрачнее не придумать: душу разъедала тоска, потерянная казалась всей жизни, а одиночество подобно вот этой сейчас темноте. Общага в Новошахтинске со своими невзгодами ему теперь показалась мелочной в сравнении с тем,

что сейчас произошло. По сути, подумал он, с этой минуты дорога для него туда закрыта, а значит, он Ларису потерял навсегда, ведь до этого вечера всё-таки верил и надеялся в то, – переме-

нется всё и мука будет, а оно как видно не захотело перемалываться. Всё нутро на всех клокотало обидой, гложила жалость к себе: всё в отдельности и каждое, дополняя друг друга, порождало в душе горесть разлуки, убивая надежду на будущее с ней. Мысли неудержимо стремились туда – в ту уютную комнату флигеля и на сию минуту хотелось хотя бы рукой к ней прикоснуться. Несомненно, он понимал и здраво оценивал, что этот

случай окажется, возможно, последним в его похождении детской биографии. Так или иначе, Костя вырастал из тех детских штанишек, – пора что-то менять и первое – это своё отношение к жизни. Входя в калитку своего двора под ноги бросился, ласкаясь пёс: Костя со злостью ударил его ногой и Рекс, взвизгнув,

убежал вглубь двора, а Костя уже сожалел о своём поступке,

сравнив в эту минуту собаку с собой, — его же только сейчас так- же пнули ногой. Тихо вошёл в хату, стараясь никого не разбу- дить, пробрался к своей кровати, разделся, улёгся, но уснул

лишь под утро. Следующий день не принёс успокоение в душу и сознание: никуда не хотелось идти, как и видеть кого-то, одного сейчас он желал, как забыть всё и начать новую жизнь. Как не

старался повернуть мысли в другое русло, они каждый раз, до- лю секунды пометавшись непонятно в чём, возвращались на

прежнее место, и воочию в глазах вставала — Она! Три дня ещё мучился Костя в деревне не находя себе места и только в поне- дельник, прикинув в уме, что если там — в общаге — что-то и было, то всё уже позади. Ранним утром по темноте за шесть километ- ров отправился на железнодорожную станцию, чтобы уехать вначале до Ростова, а после уже автобусом в Новошахтинск.

Прибыв в Ростов, отправился на главный автовокзал. В тот день на улице было тихо и слякотно: моросил мелкий дождик,

намерзая наледью на ветвях деревьев и траве на обочинах, на стенах зданий, предвещая к вечеру гололёд. Костя только было покинул салон троллейбуса, как прозвучавшие слова громкого оповещения пассажиров из репродуктора, испортили и так пло- хое настроение: «Граждане пассажи-

ры, следующие в северном направлении по автотрассе Ростов-Москва. Маршрут закрыт по

причине сильного оледенения, билеты ранее приобретённые можете сдать в кассу автовокзала, вся дополнительная информация будет вам объявлена». Рядом стоявший мужчина сказал, что начиная от Новочеркасска – дальше дорога сплошное стекло. Шататься по автовокзалу и неизвестно сколько ждать времени – не для Константина занятие. Запрыгнул в подошедший маршрутный троллейбус и поехал в обратную сторону на железнодорожный вокзал. Электропоездом – теперь уже зайцем, не тратя денег на билет – доехал до Красного Сулина, там пересел в ра-

бочий поезд до Новошахтинска. Этот так называемый рабочий поезд, состоявший всего из четырёх вагонов, представлял собой реликвию прошлого века: из времён ещё царской России, и по праву давно бы пора ему занять почётное место где-то во дворе какого-нибудь музея. Пассажирские вагоны с утопленными вовнутрь входными тамбурами, те же древние железные сту-

пеньки в вагон и таскал эту историческую ценность всё тот же

паровоз с огромными колёсами, шипящий паром, дымя трубой своей топки. Впервые Косте приходилось ехать в подобных ва-

гонах: со стороны он и ранее видел этот поезд-коротышку, который таскал паровоз, но тогда не обращал на него

внимания, а

сейчас на всё смотрел с удивлением. Вспомнил, что точно такие вагоны видел в кино и на иллюстрациях в книгах: лавки добротные из бруса и досок, углы все закруглённые, зализано всё до

блеска. Внешний вид скамеек портили надписи ножом выре-

занные: некоторые видимо давние, округлились по краям, трудно читаемые, что говорило об их долгой жизни и о тех, кто вырезал, видимо их в живых уже нет. По мере движения по маршруту состав делал остановки возле каждой шахты, подолгу стоял, потом снова трогался тихонько, и так вышло, что несчастные двадцать километров ехали не меньше двух часов. К общаге Костя подходил, когда уже совсем стемнело: в темноте по скользкой дороге несколько раз чуть было не упал. Вошёл, никого по

пути так и не встретив, вначале в подъезд общаги и вскоре был в своей комнате. Войдя, поздоровался; присутствующие все трое ответили через зубы, один вообще кивнул головой. Костя раз-

делся, сняв с себя верхнюю одежду, повесил на вешалку у входа, прошёл к кровати и уселся. В комнате ни звука: каждый занимался своим делом. Один лежал, не сняв обуви на заправ-

ленной постели, подложив кисти рук под голову и уставившись в потолок. Второй сидел за столом и что-то писал

в тетрадке, воз- можно конспект чужой передирал, ибо перед ним лежала от- крытая толстая тетрадь. Третий сожитель по комнате – разложил на табуретке куски хлеба: доставал столовой ложкой из литро- вой банки варенье, намазывал толстым слоем кусок и с аппети- том, при этом чавкая, поглощал один кусок за другим. Костя це- лый день не ел. Посмотрев, с каким удовольствием, сосед по кровати по второму разу ужинает и плотно заправляется – в же- лудке у Кости забурчало, и жрать захотелось, как никогда рань- ше. Гнетущая тишина и молчание давили на сознание, в душе возрастала тревога, предвещая что-то недоброе. Некоторое вре- мя сидел на кровати и размышлял: «Ладно, те!.. – но этим, в чём я помешал?.. раньше ведь даже соболезнавали, а сейчас морды воротят. Что я им сделал плохого?.. Ну и хрен с вами! Так будет и дальше продолжаться – сваливать отсюда надо. А пожрать всё- таки не мешало бы...». Подтянул к себе табуретку, расстегнул

сумку и стал выкладывать на неё съестные припасы, которые дома мать наложила. Не успел Костя и пару кусков проглотить, как открылась дверь, и в комнату вошёл Паша, а сзади следова- ли по его пятам те двое, что участвовали в избиении Кости.

«Быстро всё же телефон в общаге работает: прошёл по коридору никого ведь не встретил, откуда узнали?.. – подумал Костя, – не дали, суки, и пожрать!..». При этом быстрым, незаметным дви- жением руки, сдёрнул нож с откидным лез-

вием с табуретки, которым он до этого резал варёное мясо. Нож очутился лезвием вверх в его рукаве пиджака; дальше мысль развивалась стремительно, с нарастающим волнением и протестом в душе: «При-

шли не все – втроём решили справиться! Если сейчас начнут бить, как в прошлый раз – хрен у них получится... – сколько

успею, столько и прирежу; удастся всех троих отправить на тот

свет – тем лучше! Зато козырным на зоне буду!...». В эту минуту в

тусклом свете лампочки Костя увидел Пашину избитую морду: добрый синяк под глазом, переносица чем-то заклеена, распухшее окровавленное ухо. Паша, не произнося ни слова пройдя меж кроватей, уселся напротив Кости, взглянул каким-то далёким от того вечера взглядом, сказал:

– Привет, Костяк, с прибытием тебя из родимой хаты... – сказал Паша, растягивая слова на блатной манер, криво пытаясь изобразить улыбку на лице и попутно, как понял Костя, наделив его уже кличкой – «Костяк»; далее он продолжил, – чего же ты сразу тогда не сказал, что у тебя родственники в городе живут?.. Помнишь?.. я сам же у тебя в тот вечер спрашивал за родственников, а ты промолчал. Слушай, падлой буду, тебя никто уже пальцем

здесь не тронет. Костяк, хочешь, щас за бухлом сгоняю кого-нибудь, и мировую выпьем?..

– Нет. Я пить всё равно не буду, – ответил Костя хриплым от волнения голосом, словно не его этот голос был, а чей-то чужой, там внутри говорящий. Он до конца ещё не мог понять, – это игра и очередная комедия, что любил исполнять очень часто эта,

сволочь, или вправду всё поменялось?.. Поэтому Костя в эту минуту не верил ни единому его слову.

– Не хочешь, как хочешь, моё дело предложить, но я так скажу, зачем раздувать костёр, по одной дорожке ведь ходим, а?.. как ты на это смотришь?.. А то давай вливайся полной в нашу компанию, теперь-то мы с тобой получается, кровью повязаны. Внутренне, Костя, каждой своей клеточкой чувствовал, что Паша лукавит и говорит совсем не то, что хотел бы сказать. В его

интонации голоса Костя уловил всю ту театральную игру, которая противоречила тому, что на самом деле он думает в эту минуту. По глазам его видел всю ту ненависть, при которой готов был его сейчас растерзать как волк ягнёнка, но в то же время

заметен был и страх в его поведении, – боязнь чего-то. Костя

ещё не знал подробностей минувших событий за те три дня, когда его здесь не было. То, что досталось Паше не меньше чем

ему в тот вечер, об этом не трудно догадаться – это всё отражалось ярко на его физиономии. На самом деле ника-

ких родствен-

ников в городе у Кости отродясь не было. В деревне Пелёнкино был у него закадычный друг и школьный товарищ – Петенька, к тому же жили по-соседски, в те не очень сытные начала шестидесятых годов: кусок хлеба на двоих делили. Вот у этого друга действительно проживали близкие родственники на посёлке Шахта №-5: его родной дядя шахтёр, а соответственно и двоюродный брат на пару лет старше. Костя не раз бывал у них в гости и тогда, после избенья тоже посетил их семью. Нет, не жаловаться приезжал он тогда, а попросту ради того, что некуда

было ему деться, к кому-то прислониться хотя бы на время. Сейчас слушая Пашу, мысленно на всякий случай искал выход, вспомнив о родственниках друга. С трудом провернул пересохший язык, ставший шершавым во рту; дрожащим голосом, стараясь не выдавать своего крайнего волнения, ответил:

– Нет. Мне этого не надо. Я сам по себе, так для всех будет лучше.

– Как знаешь... – сказал Паша, похлопав Костю по коленке, —

правда, у нас не принято отделяться от коллектива. Сам по себе

– это как-то не по-пацански!.. токо в одиночках сидят сами по

себе. Ну, бывай!.. мы потопали, а то если комендантша

нас у те- бя приловит, сказала, сразу вызовет участкового. Пошли, паца- ны!.. Ни мира, ни войны, как говорил Кутузов или кто-то другой, може, даже Сталин. Хрен их поймёшь!

С утра во вторник Костя пошёл на занятия. Лиду видел издали, и как показалось ему, она умышленно отвернула лицо в сторо- ну, круто развернулась и ушла, чтобы с ним не встречаться. Та- кое положение Костю вполне устраивало, но тут же припомнил, что даже утром в комнате ребята ни одним словом с ним не об- молвились. «Бойкот всем училищам мне объявили... так что ли?..» – подумал Костя и вошёл в класс. На перемене Костя вы- шел на улицу несмотря на то, что на дворе стояла паршивая по- года: периодами накрапывал дождь, подтаявший снег превра- тился в кашу, а ноги в ботинках ещё в утра были мокрые.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.